

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрякина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”

Т. 24,
№ 1 / 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Иванов В.А.** Борьба советских военнопленных с нацистскими оккупантами в Севастополе в 1943–1944 годах..... 5
Лукьянов В.Ю. Тенденции развития внешней политики США конца XX – первой четверти XXI века. Концептуальный аспект..... 17

ЛИНГВИСТИКА

- Мурашова Е.А.** Вербальные фатические паттерны в русско-, немецко- и англоязычном экзаменационном дискурсе..... 28
Филиппова И.Н. Перевод в переводе: стратегии передачи инокультурности (по «китайским» детективам Р. ван Гулика)... 38
Захарова Д.В., Бондарева Л.М. Семантические особенности квазиантропонимов в текстах англоязычных фэнтезийных видеоигр..... 47
Горшунов Ю.В. Эвфемизмы и дисфемизмы английского языка на тему физиологии женщины (беременность и роды).. 56
Колесникова О.П. Konjunktiv II в немецких энантиосемичных синтаксических конструкциях..... 68
Кузнецова Т.Н. Сравнение в чувашском языке: особенности перевода на русский и немецкий языки (на примере поэмы К.В. Иванова «Нарспи»)..... 77

ФИЛОСОФИЯ

- Жгилева Л.А.** Дискурсивное пространство изучения феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ..... 85

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

РУКОНТ

INFOBASE INDEX

CYBERLENINKA

Crossref

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ
ЛАНЬ
www.e.lanbook.com
электронно-библиотечная система

PR SMART

Редактор
М.Г. Аверина

Ведущий редактор
А.В. Крюкова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины,
д. 17, ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 04.03.2024.
Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 15,23. Уч.-изд. л. 12,80.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8548.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2024

Поломошнов П.А., Поломошнов А.Ф. Совместимы ли патриотизм и интернационализм?.....	99
Шумаков А.А. Экотопия Мюррея Букчина: утопия или реальная альтернатива?.....	111
Комаров С.В., Поросенков С.В. Социальный и ценностный смысл недоверия к гуманитарному знанию.....	121

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Моргунова М.Н. Интерференция как движущая сила внутриязыковых процессов при формировании лингва франка.....	132
Шевченко О.К. Русская идея для XXI века: всеединство, теургия, теократия.....	136
Наши рецензенты.....	141
К сведению авторов.....	143

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

VESTNIK

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, A.A. Medova,
J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P. V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 24,
No. 1 / 2024

CONTENTS

HISTORY

- Ivanov V.A.** The Struggle of Soviet Prisoners of War Against the
Nazi Occupiers of Sevastopol in 1943–1944..... 5
Luk'yanov V.Yu. Trends in US Foreign Policy in the Late 20th –
First Quarter of the 21st Centuries: A Conceptual Aspect..... 17

LINGUISTICS

- Murashova E.A.** Verbal Phatic Patterns in the Russian-, German-
and English-Language Examination Discourse..... 28
Filippova I.N. Translation in Translation: Strategies for Conveying
Foreign Culture (Based on "Chinese" Detective Novels by
R. van Gulik)..... 38
Zakharova D.V., Bondareva L.M. Semantic Peculiarities of
Quasi-Anthroponyms in the Texts of English-Language Fantasy
Video Games..... 47
Gorshunov Yu.V. English Euphemisms and Dysphemisms Relating
to Female Physiology (Pregnancy and Childbirth)..... 56
Kolesnikova O.P. *Konjunktiv II* in German Enantiosemic Syntactic
Constructions..... 68
Kuznetsova T.N. Comparisons in the Chuvash Language:
Translation into Russian and German (Based on K.V. Ivanov's
Poem "Narspi")..... 77

PHILOSOPHY

- Zhgileva L.A.** Discourse Space for Studying the Phenomenon of
Utopia in Modern Russia: A Paradigmatic Analysis..... 85
Polomoshnov P.A., Polomoshnov A.F. Are Patriotism and
Internationalism Compatible?..... 99

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editor

M.G. Averina

Managing Editor

A.V. Kryukova

Translator

S.V. Biryukova

Document Manager

E.V. Orel

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,

Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-99

E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,

Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-21

E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;

vestnik@narfu.ru

Publication date 04.03.2024.

Writing paper. Format 84x108 1/16.

Conv. printer's sh. 15,23.

Acad. publ. sh. 12,80.

Circulation 1000 copies. Order no. 8548.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after

V.N. Bulatov

ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2024

Shumakov A.A. Murray Bookchin's Ecotopia: A Utopia or a Real Alternative?.....	111
Komarov S.V., Porosenkov S.V. Social and Value Meaning of the Distrust in Humanities Knowledge.....	121

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Morgunova M.N. Interference as a Driving Force for Intralingual Processes in Lingua Franca Formation.....	132
Shevchenko O.K. The Russian Idea for the 21st Century: Unity, Theurgy, Theocracy.....	136
Our Peer-Reviewers.....	141
Information for Authors.....	143

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 5–16.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 5–16.

Научная статья

УДК 94(47).084.8:[359.22:355.425.(47)«1943/1944»]

DOI: 10.37482/2687-1505-V317

Борьба советских военнопленных с нацистскими оккупантами в Севастополе в 1943–1944 годах

Вячеслав Александрович Иванов

Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Россия,

e-mail: slavik1855@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>

Аннотация. Статья посвящена одному из малоизученных вопросов в истории движения Сопrotивления в годы Великой Отечественной войны – участию советских военнопленных в антифашистской борьбе в рядах Коммунистической подпольной организации в тылу немцев (КПОВТН) в оккупированном Севастополе в 1943–1944 годах. Цель исследования состоит в том, чтобы на основании анализа неопубликованных документов из фондов Государственного архива Республики Крым, Архива города Севастополя и Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя рассмотреть становление и структуру КПОВТН, а также участие в антифашистской борьбе советских военнопленных, выявить влияние результатов их деятельности на общий ход антигитлеровской борьбы в оккупированном Крыму. Объектами изучения являются входившая в состав КПОВТН подпольная группа, возглавляемая Николаем Игнатьевичем Терещенко (псевдоним «Михайлов»), и места, в которых она проводила свои антифашистские операции: лагерь для советских военнопленных в районе Севастополя и непосредственно сама территория города, особенно после побега Н.И. Терещенко из немецкого плена. Исследование, которое было проведено в рамках Всероссийского масштабного просветительского проекта «Без срока давности», направленное на сохранение исторической памяти, позволяет не только рассказать о трагедии мирного гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны, но и осветить героические страницы антифашистского Сопrotивления на временно оккупированной территории Советского Союза, а также показать вклад отдельных лиц и групп в разгром нацистской Германии и ее сателлитов, основываясь на документах, рассекреченных и переданных в Архив города Севастополя во время реализации этого проекта Управлением Федеральной службы безопасности по Республике Крым и городу Севастополю. В ходе анализа севастопольского подполья выявлена значимая особенность его деятельности: военнопленные были важнейшей составляющей КПОВТН, выполняя рискованные и опасные задания в глубоком вражеском тылу. При планировании боевой операции на случай высадки десанта Черноморского флота именно они должны были стать ударной силой, которая поднимет в оккупированном городе вооруженное восстание. Следовательно, делается вывод о том, что советские военнопленные являлись одной из ударных боевых групп севастопольского подполья, проводившего различные операции разведывательного, агитационно-пропагандистского, диверсионно-подрывного характера в глубоком вражеском тылу.

Ключевые слова: *нацистская оккупация, советские военнопленные, Н.И. Терещенко, В.Д. Ревакин, П.Д. Сильников, Коммунистическая подпольная организация в тылу немцев, Севастополь, 1943–1944 годы.*

Иванов В.А.

Борьба советских военнопленных с нацистскими оккупантами в Севастополе в 1943–1944 годах

Благодарности. Автор выражает глубочайшую признательность сотрудникам Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя за помощь с уникальными источниками и литературой по истории севастопольского подполья в годы Великой Отечественной войны: заместителю директора по научной работе А.Ф. Селивановой, кандидату исторических наук, главному научному сотруднику отдела «История Севастополя» И.В. Островской, заведующей научной библиотекой Н.В. Кузнецовой.

Для цитирования: Иванов, В. А. Борьба советских военнопленных с нацистскими оккупантами в Севастополе в 1943–1944 годах / В. А. Иванов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 5-16. – DOI: 10.37482/2687-1505-V317.

Original article

The Struggle of Soviet Prisoners of War Against the Nazi Occupiers of Sevastopol in 1943–1944

Vyacheslav A. Ivanov

Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation,

e-mail: slavik1855@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>

Abstract. The paper deals with one of the little-studied issues in the history of the resistance movement during the Great Patriotic War, namely, the participation of Soviet prisoners of war in the anti-fascist struggle in the ranks of the Communist underground organization in occupied Sevastopol in 1943–1944. The purpose of this article was to study the formation and structure of the aforementioned organization, as well as the involvement in the anti-fascist struggle of Soviet prisoners of war, and to identify the effect of their activities on the general course of the anti-Hitler struggle in occupied Crimea. The objects of the research are the underground group headed by Nikolai Ignatyevich Tereshchenko (pseudonym *Mikhailov*), which was part of the Communist underground organization, and the places where it carried out its anti-fascist operations: camps for Soviet prisoners of war around Sevastopol and in the city itself, especially after Tereshchenko's escape from German captivity. The study was performed within the framework of the large-scale All-Russian educational project "Without Statute of Limitations" aimed at preserving historical memory. Along with providing insights into the tragedy of the civilian population of the USSR during the Great Patriotic War, the paper highlights the heroic deeds of the anti-fascist resistance movement in the temporarily occupied territory of the Soviet Union and demonstrates the contribution of individuals and groups to the defeat of Nazi Germany and its satellites. The author used documents that were declassified in the course of this project by the Federal Security Service Office for the Republic of Crimea and the city of Sevastopol and transferred to the Sevastopol Archives. The analysis revealed a significant feature of the Sevastopol underground: prisoners of war were one of the most important components of the Communist underground organization, performing risky and dangerous tasks deep behind enemy lines. According to the plan, in the event of a Black Sea Fleet landing, it was the prisoners of war who were supposed to be the striking force and spark an armed uprising in the occupied city. Consequently, it is concluded that Soviet prisoners of war were one of the combat weapons teams of the Sevastopol underground movement, which carried out various operations: reconnaissance, agitation and propaganda, as well as sabotage and subversion deep behind enemy lines.

Keywords: Nazi occupation, Soviet prisoners of war, N.I. Tereshchenko, V.D. Revyakin, P.D. Silnikov, Communist underground organization behind German lines, Sevastopol, 1943–1944.

Acknowledgements. The author would like to express his deepest gratitude to the staff of the Museum Reserve of the Heroic Defence and Liberation of Sevastopol for their help with unique sources and literature on the history of the Sevastopol underground movement during the Great Patriotic War, namely, to Deputy Director for Research A.F. Selivanova, Principal Researcher at the “History of Sevastopol” Department, Cand. Sci. (Hist.) I.V. Ostrovskaya, and Head of the Research Library N.V. Kuznetsova.

For citation: Ivanov V.A. The Struggle of Soviet Prisoners of War Against the Nazi Occupiers of Sevastopol in 1943–1944. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 5–16. DOI: 10.37482/2687-1505-V317

В 1942–1944 годах в оккупированном нацистами Севастополе действовало крупнейшее антифашистское формирование – Коммунистическая подпольная организация в тылу немцев (КПОВТН), возглавляемая участником героической обороны города Василием Дмитриевичем Ревякиным, уроженцем Саратовской области. Несмотря на то, что прошло более 80 лет со дня окончания Великой Отечественной войны, многие вопросы, касающиеся структуры и формирования данной организации, а также вербовки, подготовки подпольщиков-антифашистов и выполнения ими антигитлеровских боевых операций, остаются не выясненными. Это относится и к вопросу об участии советских военнопленных, изначально входивших в состав отдельной подпольной антифашистской организации, возглавляемой Николаем Игнатьевичем Терещенко, в деятельности КПОВТН. Можно выделить следующие исторические аспекты, обуславливающие низкую степень исследованности настоящей проблемы:

1. В отечественной историографии значительные научные разработки данной темы вели сотрудники Музея героической обороны и освобождения Севастополя, однако среди их трудов известны только путеводитель¹ и статья [1]. Вплоть до начала 1990-х годов наиболее значимые документы, позволяющие анализировать деятельность севастопольских подпольщиков,

не были доступны для широкого круга ученых и краеведов, их могли изучать только члены Коммунистической партии Советского Союза или сотрудники ведомственных органов. Исследователи, занимающиеся проблемой КПОВТН, не разделяли данное формирование на конкретные составляющие, рассматривая его борьбу в контексте харизматической фигуры лидера организации – Героя Советского Союза В.Д. Ревякина [2–11].

2. После 1991 года из среды отечественной историографии выделилась украинская национальная историография. В этот период весьма активно открываются архивы Крыма и Севастополя, в т. ч. и архивы спецслужб. Интерес к деятельности севастопольского подполья растет, однако научных исследований по данной теме крайне мало [12–15]. Вопрос об участии партизан и подпольщиков Крыма в движении Сопротивления на общеукраинском уровне с середины 1990-х годов практически перестал объективно рассматриваться. Появилось множество противоречивой и дискуссионной литературы [16–19]. Наиболее достоверную информацию по-прежнему доносили до общественности сотрудники Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя, который в период с 1991 по 2014 год носил название «Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя», Н.Ф. Задорожная [20] и А.Ф. Селиванова², однако их

¹Удод В.П. Дом севастопольских подпольщиков. Симферополь: Крым, 1968. 28 с.

²Селиванова А.Ф. Его именем названа одна из улиц нашего города // Севастопол. изв. 2011. 16 нояб. С. 5; Ее же. 70 лет назад была создана подпольная организация // Севастопол. изв. 2013. 20 марта. С. 5.

работы, как правило, были написаны в публицистической манере. Анализ этой проблемы также позволяет утверждать, что в зарубежной историографии трудов, посвященных теме севастопольского подполья, пока не выявлено, т. к. англоязычные исследователи рассматривают его как часть движения Сопротивления, обычно именуя подпольщиков «городской герильей».

3. После воссоединения Крыма с Российской Федерацией, казалось бы, наступили благоприятные времена для развития на полуострове темы антифашистского Сопротивления. Однако в большинстве исследований значительное внимание уделяется только аспекту партизанской борьбы на территории Крымского полуострова. В качестве примера можно привести одну из последних работ – статью С.Б. Самошина «Подпольное движение» [21]. В этом очерке деятельности подпольной группы Н.И. Терещенко и советских военнопленных уделено всего несколько строк, что позволяет говорить о неполноте вклада исследователя в изучение движения Сопротивления.

Теперь же перейдем непосредственно к рассмотрению нашей проблемы.

В состав КПОВТН входила подпольная группа, которую возглавлял уроженец города Севастополя Н.И. Терещенко (1908–1944). С 15 лет он, будучи выходцем из рабочей семьи, начал трудовую деятельность на Севастопольском морском заводе. К 1934 году Николай Игнатьевич являлся членом Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)), партийным организатором крымских колхозов «Коминтерн» и «Рота Фане», некоторое время был заместителем директора по политической части Симферопольской машинно-тракторной станции. Перед началом Великой Отечественной войны он работал инструктором промышленного

отдела Севастопольского городского комитета ВКП(б), а в период героической обороны города – помощником секретаря горкома партии Б.А. Борисова [3, с. 248; 21, с. 28]. Когда советские войска начали покидать Севастополь, Н.И. Терещенко попал в немецкий плен. Находясь там, он использовал псевдоним «Михайлов», чтобы не быть арестованным и расстрелянным, т. к. являлся партийным активистом. Группа Н.И. Терещенко возникла намного позднее, чем подпольные организации инженера П.Д. Сильникова и самого В.Д. Ревякина. Дело было в том, что в лагерях для военнопленных существовали довольно сильная фильтрация и режим террора, организованные администрацией³.

Во всех лагерях для военнопленных, находившихся в Севастополе, вместе с немецким и румынским военным командованием⁴ действовали нацистские специальные службы: тайная полевая полиция, служба безопасности, ортскомендатура, полевая жандармерия [20, с. 7–10]. Захватчики проводили систематический розыск командиров, комиссаров, коммунистов, комсомольцев, служащих войск Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), евреев и других лиц, для опознания которых использовали специальных агентов-provokаторов, завербованных по различным причинам (ненависть к советской власти, стремление выжить любой ценой в плену, возможность поправить материальное положение и т. д.)⁵. Исследователь С.Б. Самошин отмечает, что накануне падения Севастополя в июле 1942 года разведывательные органы Приморской армии, Черноморского флота (ЧФ) и 4-е управление НКВД готовили подпольную агентуру из гражданского населения, однако после начала оккупации нацисты раскрыли и ликвидировали эти группы, за исключением тех, кто перешел на их сторону [21, с. 471]. Кро-

³Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 9. Д. 45. Л. 21–40; Гос. арх. Респ. Крым (ГАРК). Ф. П-849. Оп. 3. Д. 65. Л. 1; Фонды Федер. гос. бюджет. учреждения культуры «Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя» (ФГБУК МЗГОИОС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 182. Л. 2.

⁴ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 317. Л. 6–11; Д. 480. Л. 9–14.

⁵ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 224. Л. 31; Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 1а. Л. 5, 12–13; ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 77. Л. 15–16; Д. 365. Л. 11–12; Д. 480. Л. 28–30; Д. 1339. Л. 15.

ме того, фашисты привлекали менее устойчивых советских военнопленных к полицейской службе по конвоированию их вчерашних товарищей на принудительные работы. В лагере, где находился Н.И. Терещенко, были созданы невыносимые для жизни условия. Военнопленные размещались в развалинах и спали под открытым небом.

Весной 1943 года в лагерях для советских военнопленных «Рудольфова гора», «Учебный отряд» свирепствовала эпидемия тифа, которая унесла жизни многих узников. Больные в лагере продолжительное время были без присмотра, а умершие – без погребения. Василий Иванович Осокин, соратник Н.И. Терещенко и В.Д. Ревякина, находивший в этом «лагере смерти», сообщал в автобиографии следующее: «...Сыпной тиф, который свирепствовал в лагере, косил наших товарищей. Болели все военнопленные, многие умирали от тифа и дизентерии, но благодаря братской помощи своих товарищей друг другу, выдерживали эти болезни и понемногу поправлялись»⁶. Как было в дальнейшем установлено, уже после освобождения Севастополя в 1944 году немецкое командование специально дало указание об умерщвлении тифозных больных. Многие жители города, несмотря на то что это было небезопасно для них самих с точки зрения противоэпидемического режима, на свой страх и риск передавали советским военнопленным различные продукты питания, овощи, фрукты и т. д. Именно такие обстоятельства способствовали формированию в лагерях условий для включения военнопленных в антифашистскую борьбу:

– во-первых, многие женщины выдавали себя за близких родственниц военнопленных, чтобы иметь возможность оказывать им необходимую помощь;

– во-вторых, благодаря таким тесным контактам военнопленные получали сведения с

«Большой земли», нередко и сообщения об обстановке на советско-германском фронте;

– в-третьих, само проникновение в лагерь гражданских лиц, которые передавали военнопленным листовки и брошюры КПОВТН, вселяло в узников уверенность в необходимости продолжения антифашистской борьбы любыми доступными средствами⁷.

Несомненно, советским военнопленным было трудно развернуть полномасштабную подпольную работу, но с мая–июня 1943 года в лагерях стали создаваться первые группы.

Так, по инициативе Н.И. Терещенко в лагере военнопленных «Учебный отряд» в мае–июне 1943 года небольшая группа патриотов начала агитационно-пропагандистскую работу⁸. Немного позднее Терещенко сблизился с В.И. Осокиным, бывшим военнослужащим пограничных войск, посвятил его в планы подпольной антифашистской группы и дал задание вести изучение людей и вербовать более устойчивых в ряды подполья. Благодаря Осокину⁹ было привлечено 8 советских военнопленных, которые приняли клятву подпольщика: Александр Сергеевич Комаров – бывший военнослужащий 455-го стрелкового полка НКВД¹⁰; Иван Рындин и Василий Ильич Волков – бывшие военнослужащие Чапаевской дивизии; Александр Сергеевич Смирнов – бывший краснофлотец, зенитчик ЧФ; Федор Василего; Георгий Пустовалов – военнослужащий Приморской армии; Григорий Миронович Смагло – бывший краснофлотец, зенитчик-прожекторист ЧФ.

Всего же, по данным НКВД-НКГБ, подпольщиками было освобождено из плена около 90–110 чел., причем, как уже говорилось, часть военнопленных вошла в состав КПОВТН,

⁶Арх. г. Севастополя (АГС). Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 48. Л. 16–17.

⁷ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 224. Л. 32.

⁸ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 365. Л. 15.

⁹АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 48. Л. 24–25; ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 143. Л. 12–13.

¹⁰АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 48. Л. 14.

а другая – была укрыта, затем препровождена в лес к партизанам. Также машинист А.П. Калганов, устроившийся по заданию КПОВТН работать на железную дорогу, сумел перевезти беглецов в район Мелитополя¹¹ [20, с. 47–48].

О том, как происходила вербовка агентов в ряды подпольной группы, рассказывал в своих воспоминаниях бывший красноармеец – топографист Александр Яковлевич Путягин. Он познакомился с Н.И. Терещенко во время доставки дров и бочек с питьевой водой в лагерь и на кухню немецкой охраны¹². Изначально они совместно распространяли листовки, газеты, сводки в тюрьмах Севастополя, где находились не только гражданские лица, но и советские военнопленные¹³. Далее А.Я. Путягин сообщал в своем рассказе о том, что в воскресные дни комендант лагеря разрешал советским военнопленным свидания с родными и близкими. Тогда в лагерь приходили в большинстве своем женщины и девушки, которые приносили узникам передачи. Во время таких встреч военнопленные, как правило, делились мыслями о своей дальнейшей судьбе. Именно тогда, по словам Путягина, он рассказал Н.И. Терещенко, которого знал под псевдонимом «Михайлов», «о моменте своего пленения и о последних словах майора – командира дивизиона о том, что надо бороться до конца»¹⁴.

О нахождении Н.И. Терещенко в лагере для военнопленных стало известно участникам КПОВТН, которые знали его накануне войны как члена горкома ВКП(б). Кроме того, антифа-

шисты получили сведения, что в лагере он значится как некий Михайлов. Для установления связи в лагерь для военнопленных отправили Галину Прокопенко и Евдокию Васикирскую¹⁵ [20, с. 32]. Н.И. Терещенко, наладив контакт с Г. Прокопенко, дал ей и другим подпольщикам задание размножить как можно больше листовок и передать ему лично для распространения в лагере¹⁶. Упомянутый выше А.Я. Путягин сообщает: «...спустя некоторое время я случайно нашел у себя в вещах листовку с сообщениями Совинформбюро»¹⁷. О находке он немедленно сообщил Терещенко. Тот, по словам Путягина, «...поначалу удивился, начал расспрашивать, как это получилось, не подвох ли какой»¹⁸. После продолжительной беседы Н.И. Терещенко посоветовал ему уничтожить листовку, а о ее находке рассказать только самому близкому человеку. По нашему мнению, Терещенко проверял, можно ли доверять Путягину. Спустя некоторое время А.Я. Путягин находит в уборной газету «За Родину!» и опять делится обнаруженной находкой с Н.И. Терещенко. Тот снова советует спрятать полученный печатный материал и быть очень осторожным, т. к. в лагере очень много гитлеровских и румынских осведомителей¹⁹.

Согласно анализу источников из фондов Государственного архива Республики Крым (ГАРК) и Архива города Севастополя (АГС), внутрилагерное Спротивление, возглавляемое Н.И. Терещенко, проводило следующие операции:

– наблюдение и слежка за происходящим в лагере для военнопленных, информирование об этом Н.И. Терещенко и членов КПОВТН²⁰;

¹¹ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 224. Л. 48.

¹²ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 143. Л. 10–11; ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1339. Л. 17, 26.

¹³ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 65. Л. 2.

¹⁴Там же. Д. 143. Л. 10–11.

¹⁵ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 224. Л. 33; АГС. Ф. Р-434. Оп. 11. Д. 3. Л. 14.

¹⁶АГС. Ф. Р-434. Оп. 11. Д. 3. Л. 15.

¹⁷ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 143. Л. 11.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же.

²⁰Там же.

– агитационно-пропагандистская работа – передача в лагерь для военнопленных листовок, которые узники читали и пересказывали своим товарищам²¹;

– противодействие вербовке советских военнопленных в ряды Русской освободительной армии (РОА) – когда в 1943 году в лагерь приезжали офицеры РОА, никто добровольно не записался в ряды коллаборантов²²;

– чистка уборной горячей водой. Отверстие для стока нечистот, величина которого была достаточной для того, чтобы смог пролезть человек, выходило в овраг. Источники об этом не сообщают, но вполне возможно, что некоторые узники лагеря применяли это отверстие для совершения побега. Сами же военнопленные, занимающиеся чисткой уборной, с помощью такой уловки могли неограниченно пользоваться горячей водой, т. к. немцы и румыны старались держаться подальше от этого места из-за чрезмерного неприятного запаха²³;

– реализация в лагере для военнопленных акций саботажа²⁴. По свидетельству того же А.Я. Путягина, узники во время работы на продовольственных складах в лагере для военнопленных на ул. Портовой, который получил название «Холодильник», прокалывали в бочках с вином маленькие отверстия, через которые вливали керосин, портили консервы в жестяных банках специально устроенными гвоздями, разрезали вражеское обмундирование небольшими бритвами и портили его кислотой²⁵.

В мае 1943 года, покидая лагерь на время принудительных работ, Н.И. Терещенко знакомится с В.Д. Ревякиным при содействии упомянутой выше Г. Прокопенко²⁶ [20, с. 30]. С этого момента его деятельность как руководителя подпольной группы в лагере для военнопленных становится более упорядоченной. Постепенно складывается группа из патриотически настроенных советских военнопленных, готовых с помощью КПОВТН бежать из лагеря и перейти в городе на нелегальное положение. Начинают подготавливаться квартиры и лица, способные помочь в переходе на нелегальное положение²⁷ [7, с. 187; 14, с. 202]. В результате, как было позднее установлено, 30 чел. были приняты в ряды КПОВТН²⁸. Сбежавших из нацистской неволи советских военнопленных В.Д. Ревякин и Н.И. Терещенко планировали переправить за пределы Севастополя, чтобы те влились в партизанский отряд. Было совершено несколько попыток. Первая, предпринятая в апреле 1943 года, оказалась провальной, а вторая, в феврале 1944 года, наоборот – 18 чел. были успешно переправлены и влились в Северное соединение партизан Крыма [20, с. 65–66]²⁹.

Установив тесный контакт с КПОВТН, Н.И. Терещенко принял решение о продолжении вербовки советских военнопленных в подпольную организацию, чтобы в дальнейшем переправить их в партизанский отряд. В октябре 1943 года ему удалось бежать из лагеря для военнопленных и сначала устроиться на нелегальном положении в квартире у подпольщицы Е.И. Васикирской, а

²¹ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 143. Л. 11.

²²Там же. Л. 13.

²³Там же. Л. 12.

²⁴АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 48. Л. 27.

²⁵АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 48. Л. 14; ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1339. Л. 33.

²⁶ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 77. Л. 20–21; Д. 182. Л. 5; Д. 594. Л. 41.

²⁷ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 224. Л. 34.

²⁸ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 224. Л. 34; Д. 112. Л. 6.

²⁹ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 224. Л. 35; Д. 105. Л. 2–3; Д. 190. Л. 8; АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 48. Л. 46–48; ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 182. Л. 10.

позднее перебраться в конспиративную квартиру к подпольщикам Калинину и Ленюк. В это время он стал первым помощником В.Д. Ревякина. Терещенко отвечал за привлечение в КПОВТН боевого ядра, т. е. людей, имеющих военную подготовку и владеющих оружием, которых можно было использовать для проведения боевых операций против коммуникаций врага³⁰.

Под его началом в подпольной группе было около 60 чел., из которых в живых к маю 1944 года осталось всего 15. Н.И. Терещенко и его соратники в КПОВТН осуществляли диверсии, саботаж и акции вредительства. Наиболее активными являлись рабочие железной дороги Орлов, Кулев, Кузьменко и др.³¹ Органами госбезопасности было установлено, что подпольщики группы Н.И. Терещенко провели следующие боевые операции:

– открыли краны у бензоцистерн, что привело к уничтожению 6 цистерн;

– засыпали песок в бунксы вагонов и заливали их водой, в результате чего произошли два случая крушения у станции Альма и задержка одного срочного поезда на 3 ч³²;

– произвели взрыв трех поездов с боезапасом на станции Севастополь, что привело к подрыву 38 вагонов [7, с. 188; 20, с. 47];

– похищали оружие и продовольствие из вагонов совместно с подпольной группой В.Д. Ревякина;

– по некоторым данным, лично Н.И. Терещенко взорвал котлы электростанции на Северной стороне Севастополя [20, с. 52];

– произвели массовое отравление азотной кислотой свиней, приблизительно 150 голов,

которые предназначались для празднования Рождества 1943 года нацистской верхушкой³³ [20, с. 47];

– подорвали в Хрустальной бухте Севастополя баржу, подготовленную к спуску на воду³⁴. Эту боевую операцию осуществляли агенты Н.И. Терещенко – лебедчики и грузчики, в т. ч. четыре моряка-краснофлотца. Имена членов этой группы были строго засекречены, и известны они были только по псевдонимам: «Вася», «Ваня», «Костя», «маленький Коля», поэтому установление их личностей сейчас представляется крайне трудной задачей³⁵;

– установив связь с В.Е. Шевалевым, заведующим больницей для гражданского населения, и его соратниками (В.И. Ивановым, Л.Н. Липкиным, В.Ф. Пишел-Гаек, Е.И. Тезениной, П.Н. Гучасенко, И. Ильиновым, С.И. Момот, А.С. Панкратовой, Е. Бондар, Л.В. Мисютой и др.), устраивали побег советских военнопленных из нацистских концлагерей в Севастополе, передавая им паспорта умерших, выдавая фальшивые справки, рентгеновские снимки, сообщая адреса конспиративных квартир, также проводя активную агитационно-пропагандистскую работу и другие акции³⁶ [20, с. 56].

В условиях приближения Красной Армии и советского флота к Крымскому полуострову примерно 20 октября 1943 года В.Д. Ревякин издает директиву о задачах и методах борьбы с нацистскими оккупантами на случай подготовки антигитлеровского вооруженного восстания в оккупированном Севастополе³⁷. В феврале–марте 1944 года КПОВТН устанавливает связь

³⁰ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 182. Л. 35; Д. 480. Л. 78–81.

³¹ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 90. Л. 5 об., 6.

³²ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 190. Л. 5; ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 480. Л. 69.

³³ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 480. Л. 70.

³⁴ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 224. Л. 49.

³⁵Там же. Л. 50.

³⁶ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 65. Л. 2; Д. 112. Л. 8; Д. 278. Л. 29; ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 480. Л. 86–93.

³⁷АГС. Ф. Р-434. Оп. 11. Д. 4. Л. 7.

с разведотделом ЧФ, передав сведения о состоянии оборонительных сооружений Севастополя, дислокации немецко-румынских войск [12; 13, с. 215–216; 15, с. 198–199].

Предвестником провала стала специальная разведывательная операция нацистских спецслужб: еще в сентябре–октябре 1943 года штурмшарфюрером Гансом Майером, начальником Службы безопасности рейхсфюрера СС (СД) города Севастополя, была раскрыта группа подпольщиков, входивших в состав КПОВТН, руководимая инженером судоподъемной компании П.Д. Сильниковым³⁸. В ночь с 12 на 13 октября 1943 года арестовали 8 чел.: П. Сильникова, его супругу Таисию, П. Алейникова, К. Ибраимова, С. Агаева, К. Коротаева и еще двоих³⁹. Сильников и его супруга расстреляны нацистами⁴⁰.

14–31 марта 1944 года штурмшарфюрером Г. Майером были раскрыты и арестованы все прочие члены КПОВТН: В. Ревякин, его супруга Л. Ревякина, Г. Прокопенко, В. Прокопенко, П. Яценко, К. Иванов, Н. Жукова, Л. Мисюта, Калинин, А. Максюк. Причина провала основной части КПОВТН состояла в том, что во время рейда члены группы В.И. Осокина вынуждены были оставить в лесу у дер. Узунджи⁴¹ одного из участников – еврея польского происхождения Людвиг Шпурника [20, с. 67]⁴². Он был найден румынским патрулем и отправлен в Бахчисарай. Не выдержав пыток, Шпурник начал сотрудничать со следствием, во вре-

мя одной из очных ставок указал на В.Д. Ревякина [20, с. 67]⁴³. Кроме того, 16 марта 1944 года он показал следователям штаб-квартиру подпольщиков в доме № 46 на Лабораторной стороне, где были обнаружены необходимые гитлеровцам улики⁴⁴.

Н.И. Терещенко был арестован в квартире Ленюк⁴⁵ [14, с. 205–206; 20, с. 67–68], причем его задерживал сам Г. Майер⁴⁶. При непосредственном участии Майера, после нечеловеческих пыток В.Д. Ревякин и 29 его товарищей были расстреляны 14 апреля 1944 года в противотанковом рве в Юхаревой балке (8-й километр Балаклавского шоссе)⁴⁷. Посмертно В.Д. Ревякину было присвоено звание Героя Советского Союза [7, с. 63], а Н.И. Терещенко и П.Д. Сильников были награждены орденом Ленина [20, с. 70–71].

Таким образом, в настоящей статье на основании архивных документов из фондов ГАРК, АГС и Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя, а также анализа отечественной историографии выяснено следующее:

1. В 1943 году в лагерях для военнопленных на территории Севастополя сформировалась антифашистская подпольная группа, которую возглавил бывший партийный работник горкома, участник героической обороны Севастополя Н.И. Терещенко.

2. Подпольная группа Н.И. Терещенко установила контакт с КПОВТН, возглавляемой В.Д. Ревякиным. Сам Н.И. Терещенко в объ-

³⁸АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 2. Л. 31, 53; ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 77. Л. 18–19; Д. 1339. Л. 51.

³⁹ГАРК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 224. Л. 30; АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 2. Л. 54; ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 182. Л. 7; Д. 77. Л. 28; Д. 594. Л. 53.

⁴⁰АГС. Ф. Р-434. Оп. 23. Д. 3. Л. 1–2.

⁴¹Ныне – с. Колхозное Балаклавского района Севастополя.

⁴²АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 48. Л. 50.

⁴³ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 182. Л. 12–13; Д. 480. Л. 122–123.

⁴⁴ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 480. Л. 123; Д. 594. Л. 98.

⁴⁵ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 594. Л. 97; Д. 1339. Л. 93–101.

⁴⁶Там же. Д. 480. Л. 124.

⁴⁷АГС. Ф. Р-434. Оп. 23. Д. 3. Л. 2; ФГБУК МЗГОИОС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 480. Л. 126; Д. 1339. Л. 105.

единенном севастопольском подполье играл важную роль как помощник и заместитель Ревякина. Все перечисленные организации городского Сопротивления возникли стихийно, без какого-либо контроля со стороны партийных структур либо разведорганов НКВД-НКГБ.

3. Основные векторы деятельности советских военнопленных, возглавляемых Н.И. Терещенко, состояли в организации диверсионно-подрывной работы, саботировании мероприятий нацистских и румынских оккупантов, агитационно-пропагандистской работе среди военнопленных и гражданских лиц, сборе оружия, боеприпасов, разведанных, подготовке вооруженного восстания против немецкого гарнизона во время наступления Красной Армии и возможной высадки десанта ЧФ.

4. Провал КПОВТН произошел из-за ошибок ряда лиц, не соблюдавших конспирацию и осторожность, вследствие чего осенью 1943 года раскрыта группа подпольщиков, руководимая П.Д. Сильниковым, а в начале 1944 года задержаны прочие члены КПОВТН. П.Д. Сильников, В.Д. Ревякин и Н.И. Терещенко вместе с соратниками были арестованы и погибли от рук гитлеровских палачей. Скорее всего, если бы вышеупомянутые руководители ужесточили требования к приему в подпольную организацию, хранению и передаче информации внутри Сопротивления, можно было избежать такой катастрофической ситуации. Тем не менее память об этих людях, более года (1943–1944) наносивших чувствительные удары по захватчикам в оккупированном Севастополе, живет среди благодарных потомков.

Список литературы

1. *Сапранкова К.Г., Удод В.П.* Их подвиги бессмертны (Из истории деятельности коммунистического подполья в Севастополе) // *Вопр. истории КПСС.* 1974. № 2. С. 91–98.
2. *Яковлев В.П.* Преступления. Борьба. Возмездие. Симферополь: Крымиздат, 1961. 240 с.
3. *Чирва И.С.* Крымское подполье 1941–1944 гг. // *Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.:* сб. ст. / под ред. И.С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 204–261.
4. *Шамко Е.Н.* Пламя над Крымом // *Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны:* сб. ст. / сост. В.Е. Быстров. М.: Политиздат, 1968. Вып. 2. С. 51–95.
5. *Негробов Н.Д.* Легендарный Севастополь. М.: Просвещение, 1968. 199 с.
6. *Румянцев Н.М.* Люди легендарного подвига: краткие биографии и описания подвигов Героев Советского Союза – тех, кто родился, жил и живет в Саратовской области. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1968. 592 с.
7. *Історія міст і сіл Української РСР:* в 26 т. Кримська область / відп. ред. П.Т. Тронько. Київ: УРЕ, 1974. 802 с.
8. *Руденко Н.Н.* Слово правды в борьбе с фашизмом: пропагандистская деятельность политорганов Красной армии среди войск противника на территории СССР 1941–1944. Киев: Наук. думка, 1980. 192 с.
9. *Подвигом прославленные: Герои Советского Союза – партизаны и подпольщики Украины в годы Великой Отечественной войны* / сост. В.Н. Немятый, Д.Ф. Григорович, П.И. Денисенко, В.А. Замлинский. Киев: Политиздат Украины, 1985. 382 с.
10. *Земсков В.Н.* Ведущая сила всенародной борьбы: борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Мысль, 1986. 271 с.
11. *Герои Советского Союза: крат. биограф. слов.:* [в 2 т.]. Т. 2: Любовь – Яшук / отв. ред. И.Н. Шкадов. М.: Воениздат, 1988. 863 с.
12. *Мельничук Е.Б.* Чужие среди своих... (Боевые действия разведчиков Черноморского флота на территории оккупированного Крыма в 1943–1944 гг.) // *Москва–Крым: ист.-публицист. альм.* Вып. 5: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. М., 2003. С. 386–462.
13. *Гармаш П.Е.* Подпольный бастион действует // *За родной Крым. Воспоминания участников боев за Крым.* Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 208–218.

14. Гармаш П.С. Підпільний бастион діє // Звитяга Севастополя. Сімферополь: ДП «Видавництво “Таврія”», 2011. С. 190–206.
15. Брошеван В.М. «Поднять гордый дух севастопольцев!..»: к истории вопроса о подпольной большевистской печати в Севастополе, оккупированном немецко-фашистскими захватчиками в 1943–1944 гг. // Воен.-ист. арх. 2012. № 10(154). С. 126–137.
16. Політична історія України. 20 століття: у 6 т. / редкол.: І.Ф. Курас (голова) та ін. Т. 4: Україна у Другій світовій війні (1939–1945). Київ: Генеза, 2003. 584 с.
17. Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI ст.: історичні нариси: у 2 кн. / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Київ: Наук. думка, 2011. Кн. 1. 731 с.
18. Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI ст.: історичні нариси: у 2 кн. / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Київ: Наук. думка, 2011. Кн. 2. 941 с.
19. Від Рейхстагу до Івдзими. У полум'ї війни: Україна та українці у Другій світовій / під заг. ред. Я. Примаченко. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2017. 352 с.
20. Задорожная Н.Ф. Дом-музей севастопольских подпольщиков 1942–1944 гг.: путеводитель. Севастополь: ЧП Борисов, 2007. 96 с.
21. Самошин С.Б. Подпольное движение // История Севастополя: в 3 т. Т. III. Севастополь в советский и постсоветский периоды. 1917–2014 гг. / под ред. Ю.А. Петрова, Е.Б. Алтабаевой. Севастополь: Альбатрос, 2021. С. 471–474.

References

1. Saprankova K.G., Udov V.P. Ikh podvigi bessmertny (Iz istorii deyatel'nosti kommunisticheskogo podpol'ya v Sevastopole) [Their Exploits Are Immortal (From the History of the Activities of the Communist Underground in Sevastopol)]. *Voprosy istorii KPSS* [Issues of the History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow, 1974, no. 2, pp. 91–98.
2. Yakovlev V.P. *Prestupleniya. Bor'ba. Vozmezdnie* [Crimes. Struggle. Retribution]. Simferopol, 1961. 240 p.
3. Chirva I.S. Krymskoe podpol'e 1941–1944 gg. [Crimean Resistance Movement 1941–1944]. Chirva I.S. (ed.). *Krym v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuzha 1941–1945 gg.* [Crimea in the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945]. Simferopol, 1963, pp. 204–261.
4. Shamko E.N. Plamya nad Krymom [Flame over Crimea]. Bystrov V.E. (comp.). *Geroi podpol'ya. O podpol'noy bor'be sovetskikh patriotov v tylu nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Heroes of the Underground Movement. About the Underground Struggle of Soviet Patriots Behind the Nazi Lines During the Great Patriotic War]. Moscow, 1968. Iss. 2, pp. 51–95.
5. Negrobov N.D. *Legendarnyy Sevastopol'* [The Legendary Sevastopol]. Moscow, 1968. 199 p.
6. Rumyantsev N.M. *Lyudi legendarnogo podviga: kratkie biografii i opisaniya podvigov Geroev Sovetskogo Soyuzha – tekhn, kto rodilsya, zhil i zhivet v Saratovskoy oblasti* [Legendary Heroes: Short Biographies and Descriptions of the Exploits of Heroes of the Soviet Union, Those Who Were Born, Lived and Live in the Saratov Region]. Saratov, 1968. 592 p.
7. Tronko P.T. (ed.). *History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR. Crimean Region*. Kyiv, 1974. 802 p. (in Ukrainian).
8. Rudenko N.N. *Slovo pravdy v bor'be s fashizmom: propagandistskaya deyatel'nost' politorganov Krasnoy armii sredi voysk protivnika na territorii SSSR 1941–1944* [The Word of Truth in the Fight Against Fascism: Propaganda Activities of the Political Bodies of the Red Army Among Enemy Troops on the Territory of the USSR, 1941–1944]. Kyiv, 1980. 192 p.
9. Nemyatyy V.N., Grigorovich D.F., Denisenko P.I., Zamlinskiy V.A. (comps.). *Podvigom proslavlennye: Geroi Sovetskogo Soyuzha – partizany i podpol'shchiki Ukrainy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Glorified by Feat: Heroes of the Soviet Union: Partisans and Members of the Underground Movement in Ukraine During the Great Patriotic War]. Kyiv, 1985. 382 p.
10. Zemskov V.N. *Vedushchaya sila vsenarodnoy bor'by: bor'ba sovetskogo rabocheho klassa na vremennno okkupirovannoy fashistami territorii SSSR (1941–1944 gg.)* [The Leading Force of the National Struggle: The Struggle of the Soviet Working Class on the Territory of the USSR Temporarily Occupied by the Fascists (1941–1944)]. Moscow, 1986. 271 p.

11. Shkadov I.N. (ed.). *Geroi Sovetskogo Soyuz. T. 2: Lyubov – Yashchuk* [Heroes of the Soviet Union. Vol. 2: Lyubov – Yashchuk]. Moscow, 1988. 863 p.

12. Mel'nichuk E.B. Chuzhie sredi svoikh... (Boevye deystviya razvedchikov Chernomorskogo flota na territorii okkupirovannogo Kryma v 1943–1944 gg.) [Strangers Among Their Own... (Combat Operations of the Reconnaissance Officers of the Black Sea Fleet on the Territory of the Occupied Crimea in 1943–1944)]. *Moskva-Krym. Vyp. 5: Krym v Velikoy Otechestvennoy voyne: dnevniki, vospominaniya, issledovaniya* [Moscow–Crimea. Iss. 5: Crimea in the Great Patriotic War: Diaries, Memoirs and Studies]. Moscow, 2003, pp. 386–462.

13. Garmash P.E. Podpol'nyu bastion deystvuet [The Underground Bastion Is Operating]. *Za rodnoy Krym. Vospominaniya uchastnikov boev za Krym* [For Our Dear Crimea. Memoirs of Participants in the Battles for Crimea]. Simferopol, 2008, pp. 208–218.

14. Garmash P.E. The Underground Bastion Is Operating. *Victory of Sevastopol*. Simferopol, 2011, pp. 190–206 (in Ukrainian).

15. Broshevan V.M. “Podnyat’ gordyy dukh sevastopol’tsev!..”: k istorii voprosa o podpol'noy bol'shevistskoy pečati v Sevastopole, okkupirovannom nemetsko-fashistskimi zakhvatnikami v 1943–1944 gg. [“To Raise the Proud Spirit of Sevastopol Residents!..”: On the History of the Underground Bolshevik Press in Sevastopol, Occupied by the Nazi Invaders in 1943–1944]. *Voenno-istoricheskiy arkhiv*, 2012, no. 10, pp. 126–137.

16. Kuras I.F. (ed.). *Political History of Ukraine. 20th Century*. Kyiv, 2003. Vol. 4: *Ukraine in the Second World War (1939–1945)*. Kyiv, 584 p. (in Ukrainian).

17. Smolii V.A. (ed.). *Ukraine in the Second World War: A View from the 21st Century: Historical Essays*. Kyiv, 2011. Book 1. 731 p. (in Ukrainian).

18. Smolii V.A. (ed.). *Ukraine in the Second World War: A View from the 21st Century: Historical Essays*. Kyiv, 2011. Book 2. 941 p. (in Ukrainian).

19. Primachenko Ya. (ed.). *From the Reichstag to Iwo Jima. In the Flames of War: Ukraine and Ukrainians in the Second World War*. Kharkiv, 2017. 352 p. (in Ukrainian).

20. Zadorozhnaya N.F. *Dom-muzey sevastopol'skikh podpol'shchikov 1942–1944 gg.* [House Museum of the Sevastopol Underground Movement of 1942–1944]. Sevastopol, 2007. 96 p.

21. Samoshin S.B. Podpol'noe dvizhenie [The Underground Movement]. Petrov Yu.A., Altabaeva E.B. (eds.). *Istoriya Sevastopolya. T. III. Sevastopol' v sovetskiy i postsovetskiy periody. 1917–2014 gg.* [History of Sevastopol. Vol. 3. Sevastopol During the Soviet and Post-Soviet Periods. 1917–2014]. Sevastopol, 2021, pp. 471–474.

Информация об авторе

В.А. Иванов – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма (адрес: 295017, г. Симферополь, ул. Киевская, д. 39).

Information about the author

Vyacheslav A. Ivanov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism (address: ul. Kievskaya 39, Simferopol, 295017, Russian Federation).

Поступила в редакцию 25.07.2023

Одобрена после рецензирования 05.12.2023

Принята к публикации 07.12.2023

Submitted 25 July 2023

Approved after reviewing 5 December 2023

Accepted for publication 7 December 2023

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 17–27.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 17–27.

Научная статья

УДК 94(73).092.9:327

DOI: 10.37482/2687-1505-V316

Тенденции развития внешней политики США конца XX – первой четверти XXI века. Концептуальный аспект

Владимир Юрьевич Лукьянов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,

Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

Аннотация. Статья посвящена анализу тенденций формирования внешнеполитического курса США конца XX – первых десятилетий XXI века как важнейшего фактора, влияющего на геополитические процессы. Проблема рассматривается в теоретическом аспекте и в историко-политической ретроспективе – начиная с периода 1990-х годов и заканчивая современностью. Предмет анализа – этапы формирования внешнеполитической доктрины, которой придерживаются США в современных международных отношениях. Применительно к периоду 1990-х годов анализируются доктрины, определяющие задачи внешней политики США в геополитических реалиях, сложившихся после распада СССР, которыми стали достижение гегемонии, формирование монополярного мира. Период 2000–2010-х годов был, по мнению автора, временем трансформаций внешней политики США – от принятия во время руководства страной Дж. Бушем-младшим в результате событий 11 сентября 2001 года так называемой доктрины Буша, предусматривающей право США на нанесение превентивных ударов и ведение интервенции против государств, подозреваемых в сотрудничестве с мировым терроризмом, до идеи отказа от претензий на мировую гегемонию, попытки нормализовать отношения с Россией («политика перезагрузки») и Китаем (проект «Большая двойка») в годы президентства Б. Обамы. В заключительной части статьи рассматриваются периоды нахождения у власти Д. Трампа и Дж. Байдена, когда США вернулись к идее мировой гегемонии, идеологической основой которой стал тезис «США – лидер свободного мира», противостоящего «миру автократий», правителями которого являются Россия и Китай. По мнению автора, сложившаяся ситуация воспроизводит реалии холодной войны, противостояния США как защитника «свободного мира» и СССР как основателя движения мирового коммунизма. В конце статьи представлена попытка определить причины трансформаций внешнеполитического курса США конца XX – начала XXI века, дать прогноз тенденций его развития. **Ключевые слова:** *внешняя политика США, распространение демократии, гегемония США, российско-американские отношения, китайско-американские отношения, новая биполярность.*

Для цитирования: Лукьянов, В. Ю. Тенденции развития внешней политики США конца XX – первой четверти XXI века. Концептуальный аспект / В. Ю. Лукьянов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 17-27. – DOI: 10.37482/2687-1505-V316.

Original article

Trends in US Foreign Policy in the Late 20th – First Quarter of the 21st Centuries: A Conceptual Aspect

Vladimir Yu. Luk'yanov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

Abstract. This article analyses trends in US foreign policy of the late 20th and first decades of the 21st centuries as a major factor influencing modern geopolitics. The problem is considered in the theoretical aspect and in the historical-political retrospect, from the 1990s to the present day. The subject of the analysis is the stages of the formation of the foreign policy doctrine upheld by the USA in international relations. For the 1990s, the paper studies the doctrines asserting hegemony and unipolarity as the goals of US foreign policy in the geopolitical realities that took shape after the collapse of the Soviet Union. The period of 2000s – 2010s was, according to the author, a time of transformation in US foreign policy: from the adoption after September 11, 2001 of the so-called Bush Doctrine, giving the USA rights to launch preventive strikes and make interventions against states suspected of cooperation with international terrorist organizations, to the idea of abandoning claims to global hegemony and attempts to normalize relations with Russia (“reset” policy) and China (the Group of Two) during Barack Obama’s presidency. The final part of the article examines the period of Donald Trump’s and Joe Biden’s presidencies, when the USA returned to the idea of global hegemony, based on the ideological thesis that the USA is the leader of the free world opposing the world of autocracies, whose leaders are Russia and China. According to the author, the current situation reproduces the realities of the Cold War, with the confrontation between the USA as the “defender of the free world” and the USSR as the founder of the world communism movement. The author concludes by attempting to determine the reasons for the transformations in US foreign policy of the late 20th and early 21st centuries as well as to give a forecast of its development trends.

Keywords: *US foreign policy, spread of democracy, US hegemony, Russia–US relations, China–US relations, new bipolarity.*

For citation: Luk'yanov V.Yu. Trends in US Foreign Policy in the Late 20th – First Quarter of the 21st Centuries: A Conceptual Aspect. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 17–27. DOI: 10.37482/2687-1505-V316

Основную тенденцию развития международных отношений в период конца XX – первых десятилетий XXI века можно определить как постоянное повышение уровня конфликтности. На сегодняшний день ситуация в мире может быть охарактеризована как крайне опасная. Главными источниками напряженности стали конфликт на Украине, проблема Тайваня, предельно обострившаяся ситуация на Ближнем Востоке. Очевидна необходимость построения стабильной системы международных отношений.

Основную роль в решении обозначенной проблемы играют Соединенные Штаты Америки (США) – государство, сосредоточившее в своих руках огромный военный, политический и экономический потенциал. Именно от этой страны в решающей степени зависит нормализация ситуации в мире. По данной причине рассмотрение внешней политики США в период конца XX – первых десятилетий XXI века представляется актуальной задачей.

Внешняя политика США в указанный период является предметом внимания как отечественных, так и зарубежных экспертов. Можно, на наш взгляд, выделить несколько основных направлений анализа проблемы.

Первое, наиболее важное, – анализ глобального уровня. Предметом изучения становится попытка создания монополярной модели международных отношений, основанной на так называемом либеральном миропорядке, подразумевающим глобальное доминирование США и распространение западных либеральных ценностей. В свою очередь, в рамках этого направления можно выделить два подхода:

– либеральный миропорядок, основанный на доминировании США, необходим, т. к. только он может гарантировать стабильность и предсказуемость геополитических процессов [1–3];

– стремление США построить либеральный миропорядок – причина нестабильности существующей сегодня системы международных отношений, крайне высокого уровня конфликтности и напряженности [4–10]. Данный подход апеллирует к ошибочности избранной государством политики, ее фактическому провалу.

Второе направление – региональное, анализ внешней политики США в наиболее важных в геополитическом плане регионах мира – на Ближнем Востоке [11], постсоветском пространстве (прежде всего в контексте отношений «США – Россия») [12; 13], в Арктическом регионе [14], а также в формате отношений «США – Европа» [15; 16].

В рамках данного направления необходимо выделить исследования, посвященные изучению отношений США с Россией и Китаем как главными противниками данного государства на мировой арене [17–19].

Заключительное направление, которое мы считаем необходимым отметить, посвящено

проблемам контроля над ядерным оружием как фактору внешней политики США. Здесь приоритетным является исследование отношений двух ядерных сверхдержав, США и России [20; 21].

Цель предлагаемой статьи – анализ внешней политики США в концептуальном плане. Мы стремимся рассмотреть не столько конкретные события, сколько теоретические концепты, базовые тенденции формирования внешней политики США и перспективы ее развития.

После распада в 1991 году Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и краха bipolarной системы международных отношений США остались единственной сверхдержавой, государством, единолично определяющим ход геополитических процессов. Президент страны Дж. Буш-старший в начале 1990-х годов выступил с заявлением о победе в холодной войне и «выдвижении США в бесспорные лидеры новой исторической эпохи»¹.

Проблема заключалась в том, что в результате распада СССР перестал существовать идеологический фундамент внешней политики США периода холодной войны – борьба с мировым коммунизмом. После исчезновения «коммунистической угрозы» необходимо было найти новое концептуальное обоснование внешней политики США в изменившихся геополитических реалиях.

Первые доктрины, определяющие цели внешней политики США в новую эпоху, появились в период президентства Б. Клинтона (1993–2001). Во второй половине 1990-х годов были последовательно приняты две внешнеполитических концепции – Стратегия национальной безопасности вовлеченности и расширения (1995)² и Стратегия национальной безопасности для нового столетия (1997)³. В их основе лежала идея о том, что в ситуации, сложившейся в мире

¹Речь президента США Д. Буша 28 января 1992 года: «Америка победила в Холодной войне». URL: <https://tbi-kto-takoi.livejournal.com/1423515.html> (дата обращения: 02.09.2023).

²A National Security Strategy of Engagement and Enlargement // The White House. 1995. URL: <https://archive.org/details/ANationalSecurityStrategyofEngagementandEnlargement/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 16.08.2023).

³Security Strategy for a New Century. 1997. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1997.pdf> (дата обращения: 16.08.2023).

после распада СССР, только США могут нести бремя глобального лидерства, обеспечивать порядок в международных отношениях. Кроме того, идея необходимости доминирования Америки как гаранта стабильности и предсказуемости развития международных отношений была озвучена и в работах ряда экспертов [1–3].

Названные доктрины определяли главную задачу внешней политики США как распространение демократии, т. е. оказание всесторонней помощи государствам, выбравшим путь построения демократии: политическая поддержка, выделение кредитов и т. п.

Важнейшим элементом поддержания порядка в мире признавался военно-политический блок Организации Североатлантического договора (НАТО), в котором США занимали лидирующее положение. Было решено, что следует отказаться от идеи роспуска НАТО в связи с исчезновением СССР и Организации Варшавского Договора (ОВД) и не разрушать этот военно-политический альянс.

Главный аргумент в пользу сохранения НАТО заключался в том, что после распада биполярной системы в мире неизбежны увеличение количества локальных и региональных конфликтов и рост уровня их интенсивности. Урегулирование подобных конфликтов с помощью международных организаций, прежде всего Организации Объединенных Наций (ООН) и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), представлялось малоперспективным. Ни у ООН, ни у ОБСЕ не будет хватать ресурсов – военных, экономических, организационных – для того, чтобы справиться с новой угрозой. Только НАТО с его хорошо отлаженной военно-организационной

структурой представлялся эффективным инструментом предотвращения и урегулирования конфликтов⁴.

Таким образом, в период 1990-х годов была сформулирована новая теоретическая доктрина, ставшая фундаментом внешней политики страны в XXI веке. Ее основная идея заключалась в том, что глобальное лидерство США объективно необходимо. Только оно может обеспечить международным отношениям стабильность и предсказуемость, не допустить возникновения войн и конфликтов.

Период 2000-х и первая половина 2010-х годов стали непростым временем как для внешней политики США, так и для мира в целом. В годы президентства Дж. Буша-младшего (2000–2008) курс на установление мировой гегемонии продолжился, однако в него были внесены коррективы. В начале XXI века произошло событие, в значительной мере повлиявшее на внешнюю политику США. Мы имеем в виду, разумеется, 11 сентября 2001 года. Возникла новая угроза мировой безопасности – международный терроризм.

Результатом стало принятие новой внешнеполитической доктрины – так называемой доктрины Буша, изложенной в послании президента Конгрессу⁵ и Стратегии национальной безопасности 2002 года⁶. Основная идея доктрины заключалась в допустимости нанесения упреждающего удара по территории государства, которое США сочтут потенциальной угрозой безопасности для мирового сообщества.

Доктрина Буша была воспроизведена и в Стратегии национальной безопасности, принятой в 2006 году⁷. Этот документ повторял идею необходимости лидерства США в мировой политике в целях борьбы с международным тер-

⁴The Alliance New Strategic Concept (1991). URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm (дата обращения: 10.08.2023).

⁵President Delivers State of the Union Addresses // The White House. 2002. 29 January. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (дата обращения: 16.09.2023).

⁶The National Security Strategy. September 2002 // The White House. 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (дата обращения: 16.09.2023).

⁷National Security Strategy of the United States of America // The White House. 2006. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/> (дата обращения: 12.09.2023).

горизмом, который признавался главной угрозой для мирового сообщества.

В 2008 году президентом США был избран Б. Обама, под его руководством была предпринята попытка отказаться от идеи американской гегемонии, наладить сотрудничество с другими государствами, в первую очередь с Китаем и Россией.

Можно выделить две причины попытки пересмотра внешней политики США.

Первая – явные провалы на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. США откровенно «завязли» в афганском конфликте, начавшемся в 2001 году после ввода международного воинского контингента, возглавляемого этой страной, на территорию Демократической Республики Афганистан. Не менее провальными для Америки и ее союзников оказались вторжения в Ирак (2003) и Ливию (2011), в результате которых арабский мир стал непримиримым врагом Запада, прежде всего США [22, с. 12].

Вторая, главная причина попыток пересмотра приоритетов внешней политики заключалась в том, что руководство страны начало осознавать бесперспективность курса на достижение мировой гегемонии. Даже США с их огромной военной, экономической и политической мощью не могли в одиночку контролировать ситуацию в мире. Мысль о необходимости корректировки внешнеполитического курса была озвучена в заявлениях Б. Обамы.

Выступая на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2009 года, Обама признал: в мире нарастают антиамериканские настроения, вызванные тем, что «в определенных критически важных вопросах Америка действовала в одностороннем порядке, не учитывая интересы других»⁸. США не могли более действовать на международной арене в одиночку. Необходимы были поиск со-

юзников, укрепление существующих и создание новых альянсов.

Именно в свете попыток изменения курса внешней политики США в период правления Б. Обамы попробовали наладить отношения со своими главными геополитическими противниками – Россией и Китаем.

В 2009 году была предпринята попытка найти взаимопонимание с Россией, осуществив так называемую перезагрузку российско-американских отношений, достигнув компромисса по всем спорным вопросам. В том же году США предложили Китаю проект «Большой двойки» (G2) – союза, при помощи которого два сильнейших государства мира, как предполагалось, будут совместными усилиями определять развитие системы международных отношений.

Идея нормализации отношений США с Россией и Китаем нашла свое отражение в новой Стратегии национальной безопасности, принятой в 2010 году⁹. Она декларировала отказ от гегемонии США и налаживание «отношений партнерства» с другими государствами с целью совместного противодействия глобальным угрозам, прежде всего угрозе мирового терроризма. Весьма показательным, что главными партнерами США на мировой арене именовались Россия и Китай.

К сожалению, этим проектам не суждено было воплотиться в жизнь. Во внешней политике США произошел радикальный поворот, вызванный главным образом событиями на постсоветском пространстве в период 2013–2014 годов – украинским политическим кризисом и присоединением Крыма к России. США сразу заняли позицию осуждения действий России, определяя их как агрессию против Украины¹⁰. Кроме того, фактором усиления напряженности в отношениях между Россией и Америкой

⁸Обама в ООН провозгласил новую «эру взаимодействия». URL: <https://inosmi.ru/20090924/252909.html> (дата обращения: 03.11.2023).

⁹Стратегия национальной безопасности США. 2010. URL: <https://www.constitutions.ru/?p=5602> (дата обращения: 20.08.2023).

¹⁰Реакция Запада и США на выступление Путина и подписание договора с Крымом 18 марта 2014 года оказалась, как и ожидалось, негативной: Евросоюз и Штаты грозят новыми санкциями. URL: <https://www.fontanka.ru/2014/03/19/111/> (дата обращения: 26.08.2023).

на постсоветском пространстве стали так называемые цветные революции, охватившие в 2000–2010-х годы многие республики бывшего СССР. По мнению российской стороны, «цветные революции» были организованы Западом, прежде всего США, с целью приведения к власти в республиках антироссийских политических сил [23–25].

На отношениях России и США в рассматриваемый период негативно отразились и события, связанные с начавшейся в 2011 году гражданской войной в Сирии, в которой обе страны приняли активное участие. Причина этого заключалась в том, что Россия поддерживала режим президента Сирии Б. Асада, в то время как Америка – антиасадовскую оппозицию [26, с. 776]. Результатом конфликта стало усиление напряженности в отношениях России и США.

В 2015 году была принята Стратегия национальной безопасности, в корне изменившая приоритеты внешней политики США¹¹. Одним из главных внешнеполитических вызовов она называла агрессию России. Что касается Китая, то здесь позиция США была не столь радикальна. Говорилось, что масштабы сотрудничества являются беспрецедентными. При этом, однако, указывалось на то, что США «сохраняют обеспокоенность военной модернизацией Китая и не признают тактики устрашения при решении территориальных споров»¹². Кроме того, Стратегия 2015 года содержала положение, согласно которому в случае возникновения угрозы страна может применить силу в одностороннем порядке, не учитывая позицию ООН и мирового сообщества. Таким образом, этот

документ означал возвращение к прежней теоретической основе внешней политики США – идее гегемонии.

Период второй половины 2010-х – начала 2020-х годов можно определить как время коренного поворота во внешней политике США. На президентских выборах 2016 года неожиданную победу одержал республиканец Д. Трамп, анонсировавший в ходе предвыборной кампании идею радикального изменения внешней политики. Он говорил о необходимости отказа от курса на вмешательство в дела других государств. Кроме того, Трамп считал важным наладить отношения с двумя главными конкурентами США на мировой арене – Китаем и Россией¹³.

Однако вскоре после прихода нового президента в Белый дом обнаружилось, что проводимая им внешняя политика имеет мало общего с предвыборными обещаниями. В декабре 2017 года была утверждена новая Стратегия национальной безопасности, в корне отличавшаяся от предыдущих¹⁴. В ней врагом США наряду с Россией назван Китай. В Стратегии 2015 года хотя и с оговорками, но он именовался стратегическим партнером. В Стратегии 2018 года говорилось о том, что Россия и Китай – ревизионистские державы, стремящиеся создать мир, соответствующий их авторитарной модели. В 2018 году был принят документ, дополняющий данную Стратегию и по-новому расставляющий приоритеты. Если ранее главной внешней угрозой был международный терроризм, то теперь – стратегическое соперничество между государствами. Главными соперниками США были названы Россия, Китай, Иран,

¹¹National Security Strategy. February 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

¹²Ibid.

¹³Trump on Foreign Policy // The National Interest. 2016. April 27. URL: <https://nationalinterest.org/feature/trump-foreign-policy-15960> (accessed: 06.06.2023).

¹⁴Kahn M. Document: December 2017 National Security Strategy and Transcript of Remarks. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/document-december-2017-national-security-strategy-and-transcript-remarks> (дата обращения: 20.02.2023).

Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР)¹⁵.

Остановимся на рассмотрении проблем развития внешней политики США при действующем президенте – Дж. Байдене.

Практически сразу после избрания на должность президента Байден предельно четко обозначил свое видение внешней политики. В первых официальных заявлениях, сделанных президентом и новым Государственным секретарем США Э. Блинкеном, звучат практически те же идеи, что были изложены в Стратегии 2018 года: главными противниками страны являются авторитарные режимы России и Китая, разрушающие существующий миропорядок, борющиеся с демократией и стремящиеся распространить авторитарную модель на весь мир¹⁶.

Показателен анализ последней Стратегии национальной безопасности США, принятой в октябре 2022 года. Документ включает два принципиальных тезиса¹⁷:

– основным содержанием геополитических процессов является борьба демократии и автократии. Именно по этой причине необходимость американского лидерства очевидна как никогда ранее. Только США могут привести мир к демократии и создать порядок, основанный на уважении норм международного права, законности, соблюдении прав человека и т. д.;

– государствами, олицетворяющими автократию, являются Россия и Китай, которые пытаются экспортировать по всему миру данную модель, основанную на терроре и репрессиях. Если Россия – угроза безопасности в Европе, то Китай – в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, дестабилизацию вносят и более

мелкие авторитарные государства, прежде всего Иран и КНДР.

Подводя итоги статьи, отметим, что в концептуальном плане внешняя политика США в период конца XX – первых двух десятилетий XXI века прошла три этапа:

1. *1990-е годы.* Этот период можно определить как попытку достижения доминирования США путем проведения политики распространения демократии, направленной на создание как можно большего количества государств, в основе устройства которых лежат ценности западной демократии – рыночная экономика, демократическая политическая система, многопартийность, правовое государство и т. д.

2. *2000-е – первая половина 2010-х годов.* США продолжают политику распространения демократии, дополняя ее в рамках упомянутой доктрины Буша тезисом о возможности использования силовых методов – политических и экономических санкций, военной интервенции. Принципиально важным фактором в этот период становится растущее сопротивление политике демократизации со стороны других государств, в первую очередь России и Китая. В годы президентства Б. Обамы предпринимается попытка найти взаимопонимание с Россией («политика перезагрузки») и Китаем (проект «Большая двойка»).

3. *2016–2023 годы.* В период президентства Д. Трампа и Д. Байдена США отказываются как от идеи распространения демократии, так и от попыток найти взаимопонимание с Россией и Китаем. Эти страны признаются главными внешнеполитическими противниками Америки, достижение компромисса с которыми невозмож-

¹⁵DoD Official: National Defense Strategy Will Enhance Deterrence // U.S. Department of Defense. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/1419045/dod-official-national-defense-strategy-will-enhance-deterrence/> (дата обращения: 20.05.2023).

¹⁶Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. URL: <http://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 08.04.2023); A Foreign Policy for the American People // U.S. Department of Defense. URL: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people/> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁷National Security Strategy. October 2022. URL: <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).

но. Происходит возвращение политического курса США к логике холодной войны. Америка – лидер «свободного мира», ведущего бескомпромиссную борьбу с «миром автократий», главами которого являются Россия и Китай.

В заключение необходимо дать ответ на вопрос: в чем причина того, что внешняя политика США не смогла отказаться от идеи гегемонии? Почему попытки перехода к политике сотрудничества, предпринятые Б. Обамой и анонсированные Д. Трампом, оказались неудачными? Как нам представляется, это связано не только и даже не столько с конкретными шагами руководства страны в сфере внешней политики. Причина лежит гораздо глубже и заключается в незавершенности процесса формирования системы международных отношений, начавшегося в 1990-е годы.

В рассматриваемый в статье период не были созданы международные организации, соответствующие новым геополитическим реалиям. Наоборот, были сохранены структуры эпохи холодной войны. Например, после распада СССР и ОВД была очевидна необходимость роспуска НАТО и передачи решения вопросов, касающихся обеспечения безопасности, международным организациям, прежде всего ООН и ОБСЕ. Однако вместо этого начался диаметрально противоположный процесс – сохранение и расширение НАТО, превращение альянса в структуру, определяющую ход развития геополитических процессов при фактическом игнорировании международных организаций, отвечающих за поддержание мировой безопасности, т. е. упомянутых ООН и ОБСЕ.

Кроме того, после распада биполярной системы не был принят документ, отражающий новые геополитические реалии. При формировании новых систем международных отношений – Версальско-Вашингтонской и Ялтинской – были подписаны Версальский договор и Ялтинские соглашения, закреплявшие геополитические реалии, сложившиеся в мире по окончании Первой и Второй мировых войн, определявшие принципы взаимоотношений государств. По завершении холодной войны ничего подобного сделано не было.

Именно это обстоятельство – сохранение в новых геополитических реалиях международных структур, в годы холодной войны контролируемых Западом, прежде всего США, с одной стороны, и осознание частью американской правящей элиты и американского общества невозможности построения монополярного мира, с другой, – и порождало противоречивость внешней политики США в концептуальном плане: от курса на установление американской гегемонии – к идее партнерства и сотрудничества с другими государствами, в т. ч. и теми, которые являются геополитическими противниками страны на мировой арене, т. е. в первую очередь с Россией и Китаем.

Однако на сегодняшний день можно, на наш взгляд, констатировать, что период колебаний во внешней политике США закончился. Америка отказалась от идеи установления партнерских отношений с государствами, которые лидеры страны обозначают как «автократии», т. е. прежде всего с Россией и Китаем. Кроме того, США, по нашему мнению, отказались и от политики распространения демократии, по крайней мере от распространения демократии в глобальном масштабе, «глобальной демократизации» в русле идеи «конца истории» Ф. Фукуямы.

Анализ Стратегий 2018 и 2022 годов дает основание говорить о возвращении внешней политики США в концептуальном плане не в период 1990-х годов, к идеям распространения демократии, но в эпоху холодной войны второй половины XX века. Трансформации, происходящие сегодня с политическим курсом США, в доктринальном плане напоминают теоретические концепции холодной войны. На смену тезису о борьбе «демократии и коммунизма» пришел тезис о борьбе «демократии и автократии», сформулированный во внешнеполитических документах США последнего времени.

Формирующаяся сегодня система международных отношений все более начинает напоминать биполярную модель эпохи холодной войны и может быть определена, по нашему мнению, как новая биполярность.

Как нам представляется, основным содержанием международных отношений становится создание биполярной системы международных отношений по линии «Запад – не-Запад». Уже сейчас эта тенденция достаточно очевидна. Можно констатировать факт создания «не-Запада» (точнее, даже «анти-Запада»), основой которого являются Россия и Китай, а структурными единицами – Шанхайская организация сотрудничества и формат Бразилия–Россия–Индия–Китай–Южная Африка (БРИКС).

Весьма показателен в этом плане анализ результатов последнего саммита БРИКС, прошедшего в столице Южно-Африканской Республики – Йоханнесбурге, а также принятых документов, в первую очередь итоговой декларации. Документ не содержит критики в адрес Запада в открытой форме, однако его положения носят очевидно антизападную направленность. Так, в декларации говорится о недопустимости применения односторонних мер (санкций), несовместимых с уставом ООН, о необходимости реформы Совета Безопасности ООН за счет включения в него развивающихся стран, но не других государств Запада, использования национальных валют в международной торговле, что

фактически подразумевает уход от доллара как мировой валюты, реформу Всемирной торговой организации и Международного валютного фонда путем укрепления позиций в этих структурах развивающихся стран. Отдельно указывается на необходимость развития отношений государств БРИКС и стран Африки, что фактически означает стремление БРИКС перехватить инициативу в сотрудничестве с африканскими странами у Запада¹⁸.

Возвращаясь к вопросу о перспективах развития внешней политики США в XXI столетии, считаем возможным сделать следующий вывод. Главным фактором, влияющим на формирование внешней политики США, является фактическое восстановление системы международных отношений эпохи холодной войны, формирование новой биполярности, о которой было сказано выше. В складывающейся ситуации единственной стратегией США может быть роль лидера Запада, т. е. укрепление позиций в отношениях с союзниками, прежде всего государствами НАТО и Евросоюза, и усиление конфронтации с государствами условного «не-Запада», прежде всего с Россией и Китаем.

Список литературы

1. *Ikenberry G.J.* Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011. 312 p.
2. *Ikenberry G.J.* The End of Liberal International Order? // *Int. Aff.* 2018. Vol. 94, № 1. P. 7–23.
3. *Waltz K.* Globalization and American Power // *Natl. Interest.* 2000. № 59. P. 46–56.
4. *Шаклеина Т.А.* «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка // *Междунар. процессы.* 2019. Т. 17, № 4(59). С. 36–48. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.3>
5. *Deneen P.J.* Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. 225 p.
6. *Levitsky S., Ziblatt D.* How Democracies Die. N. Y.: Broadway Books, 2018. 308 p.
7. *Mearsheimer J.J.* The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven: Yale University Press, 2018. 328 p.
8. *Mearsheimer J.J., Walt S.M.* The Case of Offshore Balancing: A Superior U.S. Grand Strategy // *Foreign Aff.* 2016. Vol. 95, № 4. P. 70–84.
9. *Walt S.M.* The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of the U.S. Primacy. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 384 p.

¹⁸Йоханнесбургская декларация – II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 года // М-во иностр. дел Рос. Федерации: [офиц. сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 18.09.2023).

10. *Kurchan C.* Isolationism: A History of America's Efforts to Shield Itself from the World. N. Y.: Oxford University Press, 2020. 446 p.

11. Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Баранова Т.В. Американская стратегия «достаточного присутствия» на Ближнем Востоке // Вестн. МГИМО-ун-та. 2020. Т. 13, № 5. С. 236–251. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-236-251>

12. Лукьянов В.Ю. Постсоветское пространство в контексте отношений Россия – Запад: проблемы и перспективы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 2. С. 59–69. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V164>

13. Маркелов С.М., Неклюдов Н.Я., Сучков М.А. Невоенные аспекты политического взаимодействия на Кавказе: сравнительный анализ подходов США и России // Полис. Полит. исследования. 2022. № 6. С. 166–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.12>

14. Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е. Арктический вектор внешней политики США: динамика развития в конце XX – начале XXI века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 2. С. 30–41. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V085>

15. Надточей Ю. Президентство Джо Байдена и трансатлантические отношения: «новый рассвет» или «сумеречная зона»? // Европ. безопасность: события, оценки, прогнозы. 2021. Вып. 60(76). С. 10–16.

16. Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. Дональд Трамп и европейские союзники: американские эксперты о судьбе НАТО // Соврем. Европа. 2021. № 1(101). С. 5–15.

17. Козлов В.О. Траектория американо-китайского размежевания в условиях обострения международной напряженности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 10. С. 72–79. <https://doi.org/10.31857/https://doi.org/10.31857/S2686673022100054>

18. Рогов С.М. Неравновесный треугольник: Россия–США–Китай в новой геополитической обстановке // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 8. С. 6–24. <https://doi.org/10.31857/S2686673022080016>

19. Лукьянов В.Ю. Проблема «несостоявшегося государства» во внешней политике России и США в конце XX – начале XXI века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 2. С. 14–23. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V255>

20. Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. Остановка или тупик? Элиты США о кризисе ДРСМД // Мировая экономика и междунар. отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 20–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-3-20-28>

21. Климов В.А. Фактор ЕвроПРО в отношениях России с США/НАТО // Мировая экономика и междунар. отношения. 2021. Т. 65, № 10. С. 103–111. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-10-103-111>

22. Рагимова А.Ф. Исламский фактор в мировой политике: оценка современных исследователей // *Ceteris paribus*. 2016. № 7-8. С. 9–16.

23. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. 2015. № 1. С. 1–19.

24. Цветкова Н.А. Дискурс «цветных революций» // Постсовет. исследования. 2019. Т. 2, № 2. С. 940–950.

25. Максимова Е.Н. Предпосылки «цветных революций»: сравнительный анализ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки. 2019. № 2. С. 24–36.

26. Косов А.П. Сирийский фактор в российско-американских отношениях (2011–2018 гг.) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения. 2018. Т. 18, № 4. С. 775–789. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789>

References

1. Ikenberry G.J. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton, 2011. 312 p.

2. Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? *Int. Aff.*, 2018, vol. 94, no. 1, pp. 7–23.

3. Waltz K. Globalization and American Power. *Natl. Interest*, 2000, no. 59, pp. 46–56.

4. Shakleina T.A. “Dilemma Ameriki” v formirovanii sovremennogo mirovogo poryadka [“American Dilemma” in the Forging of a New World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 36–48. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.3>

5. Deneen P.J. *Why Liberalism Failed*. New Haven, 2018. 225 p.

6. Levitsky S., Ziblatt D. *How Democracies Die*. New York, 2018. 308 p.

7. Mearsheimer J.J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, 2018. 328 p.

8. Mearsheimer J.J., Walt S.M. The Case of Offshore Balancing: A Superior U.S. Grand Strategy. *Foreign Aff.*, 2016, vol. 95, no. 4, pp. 70–83.

9. Walt S.M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of the U.S. Primacy*. New York, 2018. 384 p.

10. Kupchan C. *Isolationism: A History of America's Efforts to Shield Itself from the World*. New York, 2020. 446 p.
11. Ryzhov I.V., Borodina M.Yu., Baranova T.V. Amerikanskaya strategiya “dostatochnogo prisutstviya” na Blizhnem Vostoke [American Strategy of “Sufficient Presence” in the Middle East]. *Vestnik MGIMO-universiteta*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 236–251. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-236-251>
12. Luk'yanov V.Yu. Post-Soviet Space in the Context of Russia–West Relations: Problems and Prospects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 59–69. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V164>
13. Markedonov S.M., Neklyudov N.Y., Suchkov M.A. Non-Military Aspects of Political Interaction in the Caucasus: Comparative Analysis of US and Russia Approaches. *Polit. Stud.*, 2022, no. 6, pp. 166–181 (in Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.12>
14. Sokolova F.Kh., Shaparov A.E. The Arctic Vector of US Foreign Policy: Dynamics of Development in the Late 20th – Early 21st Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 30–41. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V085>
15. Nadtochey Yu. Prezidentstvo Dzhо Байдена i transatlanticheskie otnosheniya: “novyy rassvet” ili “sumerechnaya zona”? [Joe Biden's Presidency and Transatlantic Relations: A “New Dawn” or a “Twilight Zone”?]. *Evropeyskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*, 2021, no. 60, pp. 10–16.
16. Golub Yu.G., Shenin S.Yu. Donald Tramp i evropeyskie soyuzniki: amerikanskie eksperty o sud'be NATO [Donald Trump and European Allies: American Experts on the Future of NATO]. *Sovremennaya Evropa*, 2021, no. 1, pp. 5–15.
17. Kozlov V. Trajectories of the US–Chinese Decoupling in the Context of Escalating International Tensions. *USA Can. Econ. Politics Cult.*, 2022, no. 10, pp. 72–79 (in Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2686673022100054>
18. Rogov S. Inequilateral Triangle: Russia–USA–China in the New Geopolitical Environment. *USA Can. Econ. Politics Cult.*, 2022, no. 8, pp. 6–24 (in Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2686673022080016>
19. Luk'yanov V.Yu. The Failed State Problem in the Foreign Policies of Russia and the USA in the Late 20th and Early 21st Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 14–23. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V255>
20. Golub Yu.G., Shenin S.Yu. Ostanovka ili tupik? Elity SShA o krizise DRSMД [Stop or Deadlock? The U.S. Elites About the INF Crisis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 3, pp. 20–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-3-20-28>
21. Klimov V.A. Faktor EvroPRO v otnosheniyakh Rossii s SShA/NATO [The European Missile Defense Factor in Russia–USA/NATO Relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2021, vol. 65, no. 10, pp. 103–111. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-10-103-111>
22. Ragimova A.F. Islamskiy faktor v mirovoy politike: otsenka sovremennykh issledovateley [The Islamic Factor in World Politics: An Assessment of Contemporary Research]. *Ceteris paribus*, 2016, no. 7-8, pp. 9–16.
23. Manoylo A.V. Tsvetnye revolyutsii i tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov [Colour Revolutions and Technologies and Dismantling of Political Regimes]. *Mirovaya politika*, 2015, no. 1, pp. 1–19.
24. Tsvetkova N.A. Diskurs “tsvetnykh revolyutsiy” [Discourse of “Color Revolutions”]. *Postsovetskie issledovaniya*, 2019, vol. 2, no. 2, pp. 940–950.
25. Maksimova E.N. Predposylki “tsvetnykh revolyutsiy”: sravnitel'nyy analiz [Prerequisites for Color Revolutions: Comparative Analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki*, 2019, no. 2, pp. 24–36.
26. Kosov A.P. Syrian Factor in Russian-US Relations (2011–2018). *Vestnik RUDN. Int. Relat.*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 775–789 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789>

Информация об авторе

В.Ю. Лукьянов – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67).

Information about the author

Vladimir Yu. Luk'yanov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of International Entrepreneurship, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (address: ul. Bol'shaya Morskaya 67, St. Petersburg, 190000, Russian Federation).

Поступила в редакцию 29.09.2023
Одобрена после рецензирования 31.01.2024
Принята к публикации 01.02.2024

Submitted 29 September 2023
Approved after reviewing 31 January 2024
Accepted for publication 1 February 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 28–37.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 28–37.

Научная статья

УДК 81'371:811.111

DOI: 10.37482/2687-1505-V307

Вербальные фатические паттерны в русско-, немецко- и англоязычном экзаменационном дискурсе

Евгения Анатольевна Мурашова

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Россия,

e-mail: shenetschka@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6018-955X>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению фатических паттернов в качестве культурно закрепленных коммуникативных формул, реализуемых отправителями с целью установления, поддержания или прерывания/завершения коммуникативного контакта и осуществления исходного коммуникативного намерения. С позиций разрабатываемого интегративно-сопоставительного подхода, объединяющего достижения различных научных направлений, предпринята попытка заполнения некоторых теоретико-методологических лакун в данной предметной области, в т. ч. за счет обращения к определению фатической функции общения, сделан шаг к разработке системного представления паттернов-контактивов как средств ее вербального выражения. Объектом исследования стала фатическая функция общения, предметом – паттерны-контактивы. В качестве материала использованы отрывки текстов русско-, немецко- и англоязычного экзаменационного дискурса как многомерного ширококонтекстного образования, ядром которого является коммуникативная ситуация «экзамен», представленная вариативным набором соответствующих событийных моментов. Каждый из них (Приветствие, Представление, Предложение/Выбор билета, Подготовка ответа, Ответ, Дополнительные вопросы, Оценивание ответа, Благодарность, Прощание) соотнесен с конвенциональным набором фатических паттернов в русском, немецком и английском языках. Номенклатура национальных фатических паттернов проиллюстрирована конкретными примерами из соответствующих языковых корпусов. Паттерны-контактивы проанализированы с учетом контекстного окружения, исходного коммуникативного намерения, свернутости/развернутости, наличия или отсутствия эмоциональной и аксиологической окрашенности. Отмечено два вида фатических паттернов: актуализируемые преимущественно экзаменатором или экзаменуемым и реализуемые всеми участниками коммуникативной ситуации. Намечены перспективы дальнейшего исследования, в первую очередь иерархическое упорядочение паттернов-контактивов и акцентуация их перформативности.

Ключевые слова: фатическая функция общения, паттерны-контактивы, русскоязычный экзаменационный дискурс, немецкоязычный экзаменационный дискурс, англоязычный экзаменационный дискурс.

Для цитирования: Мурашова, Е. А. Вербальные фатические паттерны в русско-, немецко- и англоязычном экзаменационном дискурсе / Е. А. Мурашова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 28-37. – DOI: 10.37482/2687-1505-V307.

Original article

Verbal Phatic Patterns in the Russian-, German- and English-Language Examination Discourse

Evgeniya A. Murashova

A.P. Chekhov Institute (Branch) in Taganrog, Rostov State University of Economics,

Taganrog, Russian Federation,

e-mail: shenetschka@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6018-955X>

Abstract. The article dwells on phatic patterns as culturally fixed communicative formulas implemented by addressers in order to establish, maintain or interrupt/terminate a communicative contact and achieve the initial communicative intention. From the standpoint of the integrative-comparative approach being developed, combining the achievements of various disciplines, the author endeavours to fill in some theoretical and methodological gaps in this subject area. In particular, the paper turns to the definition of the phatic function of communication and takes a step to develop a systematic representation of contact patterns as means of the function's verbal expression. The object of the study is the phatic function of communication, while the subject is contact patterns. As research material, the author used text fragments of the Russian-, German- and English-language examination discourse as a multidimensional broad-context formation, whose core is the communicative situation "examination", represented by a variable set of relevant event moments. Each of these moments (greeting, introduction, getting an examination card, preparing the answer, answering, additional questions, evaluation of the answer, expression of gratitude, and parting) is correlated with a conventional set of phatic patterns in Russian, German and English. The nomenclature of national phatic patterns is illustrated by concrete examples from the corresponding language corpora. The contact patterns are analysed taking into account the context and initial communicative intention, the presence or absence of emotional and axiological colouring, and whether the formulas are short or expanded. Two types of phatic patterns are highlighted here: patterns actualized primarily by the examiner or the examinee and patterns that can be implemented by all participants in this communicative situation. The author outlines prospects for further research, first and foremost, the hierarchization of contact patterns and accentuation of their performativity.

Keywords: *phatic function of communication, contact patterns, Russian-language examination discourse, German-language examination discourse, English-language examination discourse.*

For citation: Murashova E.A. Verbal Phatic Patterns in the Russian-, German- and English-Language Examination Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 28–37. DOI: 10.37482/2687-1505-V307

Расширение горизонтов межкультурного взаимодействия, инициированное глобальной информатизацией общества, необратимыми миграционными процессами и диверсифицированностью диапазона межнациональных коопераций (от бытовых до профессиональных интернациональных контактов), неизбежно приводит к повышению значимости проблем поликультурной коммуникации и росту интереса к их изучению.

Поликультурная коммуникация как обмен информацией между представителями различных культур с помощью разнообразных как вербальных, так и невербальных средств в любом из возможных проявлений немислима без реализации фатической функции.

Изучение фатической функции общения опирается на значительные теоретико-методологические предпосылки, сформированные

разнонаправленными научными исследованиями, осуществленными в русле социолингвистики, литературоведения, лингвостилистики, теории речевых актов, теории текста, теории дискурса, лингвистической прагматики и т. д.

Традиционно считается, что термин «фатическое общение» был введен Б.К. Малиновским, разрабатывавшим идеи структурного функционализма в антропологии и социологии. По его мнению, любая социальная общность стремится к согласованию действий ее членов. Установлению «уз» социальной общности способствует фатическое общение, воплощающееся в инициации и поддержании коммуникативного контакта [1, с. 315]. В данном ракурсе оно не предполагает передачи фактуальной информации, которая не ориентирована на предоставление сигнала о том, что отправитель и получатель готовы к началу, поддержанию или завершению коммуникативного контакта.

В трудах Р.О. Якобсона, основоположника структурализма в языкознании и литературоведении, выделяется фатическая функция языка, реализующаяся с помощью специальных сообщений, основное назначение которых состоит не в передаче фактуальной информации, а в установлении, продолжении или завершении коммуникативного контакта, а также в определении работоспособности соответствующего канала связи [2, с. 166].

О фатической речи пишет в своих трудах представитель отечественной лингвостилистики Т.Г. Винокур, поддерживая противопоставление «фатики» и «информатики» как двух интенционально отличных стратегий речевого поведения [3, с. 108–109]. Основной интенцией фатической речи ученый постулирует само общение, все частные задачи, в т. ч. передача информации, рассматриваются как вторичные. Винокур выделяет типологически обособленные виды фатической речи: а) конативную речь (установление и поддержание контакта), б) речевой этикет, в) бытовое общение, г) художественные тексты, стилизованные под бытовое общение [3, с. 135].

В.В. Дементьев вводит понятие «фатические речевые жанры» и составляет их типо-

логию, выделяя: праздноречивые (светская беседа, англ.: small talk), ухудшающие (обвинения, выяснения отношений, ссоры) и улучшающие (разговоры по душам, признания, комплименты) межличностные отношения в прямой форме, ухудшающие (ирония, издевка) и улучшающие (шутка, флирт) межличностные отношения в косвенной форме [4, с. 43–44]. В качестве основания данной типологии Дементьев использует шкалу межличностных отношений и учет степени косвенности. Такой подход позволяет ему конкретизировать фатические интенционалы.

В теории текста фатическая функция соотносится с коммуникативной задачей определенного текстового отрезка: инициировать, поддерживать или прервать общение. В качестве носителей данной функции рассматриваются специальные фатические сигналы (слова, фразы, предложения), маркирующие активную позицию говорящего в управлении коммуникативной ситуацией [5, с. 27–28] и не передающие никакой фактуальной информации или передающие ее опосредованно [5, с. 29]. Исследование актуализации фатических сигналов осуществляется с учетом широкого контекста и исходных коммуникативных намерений собеседников.

В теории дискурса разрабатывается проблема фатической интенциональности, реализующейся целым рядом частных целеустановок: вступление в контакт, поддержание и налаживание контакта, проверка контакта, разрушение контакта, завершение контакта с установкой на его продолжение [6, с. 42]. Здесь значительно дополняется номенклатура фатических средств. Помимо лексических сигналов, реализация которых в тексте имеет контактоустанавливающий эффект, в качестве фатических средств выделяются прецедентные феномены, языковая игра, использование иностилевой лексики [6, с. 41–42].

В целом в разнонаправленных научных трудах, посвященных фатике, прослеживается общая тенденция расширения исследуемого диапазона в плане выделения типовых фатических контекстов, жанров, средств и т. д., а также в

плане увеличения числа анализируемых типов дискурса: от наиболее удобного для раскрытия проблемы диалогического дискурса (например, изучение диалогов экзаменаторов и экзаменуемых [5; 7]) до монологического дискурса (рассмотрение судебного монологического дискурса, а именно адвокатских выступлений [8], обращение к медиадискурсу, в частности к PR-текстам [6], и др.).

Расширение исследовательского диапазона происходит также за счет вовлечения в поле анализа прагматических составляющих фатической стороны коммуникации. Здесь следует особо отметить лингвопрагматические работы, представляющие различные стороны фатического общения в стратегическом ракурсе, в т. ч. реч-этикетную, метакоммуникативную и аргументативно-ориентированную стратегии речевого поведения [8]. Большой интерес вызывают также прагмаориентированные исследования феномена фатического общения как условия успешной речевой интеракции при взаимном соблюдении национально-культурных и коммуникативных интересов и регулировании поведения в соответствии со стратегией вежливости [9, с. 50–51].

При всей разноплановости изучения фатического общения, в современных направлениях научного знания до настоящего момента отсутствуют универсальное определение данного понятия, системное представление средств вербального выражения и их иерархическое упорядочение. Этот фактор делает обращение к указанной проблематике актуальным и обуславливает появление новых интегративно-сопоставительных работ.

С позиций нашего исследования фатическая функция общения рассматривается как подвид коммуникативной функции, реализация которого способствует достижению исходного коммуникативного намерения посредством выстраивания эмоционально-интеллектуального взаимопонимания и доверия коммуникантов друг к другу [8, с. 37].

Представляется, что фатическое общение всегда конвенционально и индивидуально обусловлено. С одной стороны, фатическая функция реализуется в соответствии с националь-

но-культурными моделями речевого поведения коммуникантов – своеобразными речевыми стандартами, осознанно и неосознанно усваиваемыми людьми в процессе социализации. С другой стороны, каждая речевая личность оперирует индивидуальным набором конкретных фатических конструкций, продемонстрировавших свою эффективность в процессе установления, поддержания или завершения ею коммуникации.

В каждой национальной культуре существует собственная номенклатура фатических паттернов, маркирующих начало, продолжение и окончание коммуникативного контакта. Фатические паттерны (паттерны-контакты) понимаются в данном случае как культурно закрепленные коммуникативные формулы-образцы, применяемые для налаживания, сохранения или завершения общения (ср. [2, с. 166]). Фатические паттерны могут быть разделены на вербальные и невербальные. Номенклатура их реализации контекстуально детерминирована. Например, общение экзаменатора и экзаменуемых во время устного или письменного испытания отличается от общения тех же самых субъектов вне аудитории, в другом ситуативном контексте.

В данной статье наше внимание сосредоточено на реализации конвенционально обусловленных фатических паттернов в русско-, немецко- и англоязычном экзаменационном дискурсе. Дискурс понимается как многомерное культурно-ситуативное речевое образование, текст в ситуации реального общения [10, с. 26, 31]. Экзаменационный дискурс – многомерное ширококонтекстное образование, складывающееся вокруг проблемной коммуникативной ситуации «экзамен».

В различных лингвокультурах экзаменационный контекст предполагает строгое ограничение во времени общения, четкую локализацию в пространстве (как правило, специально оборудованное место), административно или даже законодательно закрепленный алгоритм действий. Общение экзаменатора и экзаменуемых имеет тривиальный характер, поскольку коммуниканты взаимодействуют в рамках заранее оговоренного круга вопросов. Экзаменатор *a priori*

является экспертом в своей области, знает ответы на задаваемые вопросы и может оценить качество формулируемых экзаменуемым ответов. Универсальная коммуникативная задача экзаменатора состоит в выявлении наличия или отсутствия у экзаменуемого достаточно для прохождения экзаменационных испытаний объема знаний, умений или навыков и выставлении соответствующей отметки [5, с. 26–27]. Еще одной универсальной особенностью коммуникации данного типа является высокая степень вариативности числа экзаменаторов и экзаменуемых в различных культурных традициях [5, с. 33]. Экзаменатор может общаться с экзаменуемым один на один, один экзаменатор может опрашивать нескольких экзаменуемых, несколько экзаменаторов могут общаться с одним экзаменуемым, несколько экзаменаторов могут взаимодействовать с несколькими экзаменуемыми. Как экзаменатор, так и экзаменуемый, помимо определенных знаний, умений и навыков в профессиональной области, актуализируют во время экзамена фатические паттерны для установления, поддержания или прерывания коммуникативного контакта.

Экзамен как сложная (гипержанровая) коммуникативная ситуация действительности включает несколько событийных моментов: Приветствие участников экзамена, Представление экзаменующимся себя, Предложение/Выбор билета, Подготовка ответа, Ответ, Дополнительные вопросы, Оценивание ответа, Благодарность, Прощание [7, с. 317–319, 323–324]. Все без исключения событийные моменты могут быть представлены несколькими вариантами.

Каждый событийный момент или его вариант оформляются с помощью актуализируемых участниками коммуникации речевых средств конвенционально обусловленной фатической номенклатуры. Для того, чтобы вы-

вести номенклатуру фатических паттернов, мы провели анализ отрывков текстов из национальных корпусов русского¹, немецкого² и английского³ языков, объединенных контекстом коммуникативной ситуации «экзамен». Исследуемая выборка включает 30 фрагментов текстов художественной литературы, написанных в начале XXI века, каждый – объемом около 10 тыс. знаков.

В отрывках фиксировались речевые средства с актуализированной фатической функцией, с учетом внешнего контекстного окружения идентифицировалось первичное коммуникативное намерение отправителя, далее осуществлялась классификация фатических паттернов по принадлежности к одному из событийных моментов коммуникативной ситуации «экзамен». Такой подход позволил отметить основные тенденции актуализации вербальных фатических паттернов российской, немецкой и английской лингвокультур в экзаменационном дискурсе. Проиллюстрируем их.

Фазы начала и конца коммуникации реализуются в проанализированных отрывках с помощью соответствующих этикетных формул. Наиболее употребительными в русском языке являются *здравствуйте, добрый день / до свидания*, в немецком – *guten Tag, hallo / auf Wiedersehen*, в английском – *hello, good morning/afternoon / goodbye*.

Этикетные формулы Приветствия / Прощания, такие как рус.: *привет; салют; здорово; привет честной компании; привет, мой свет; здравствуй, здравствуй, проходи, садись да хвастай; вот так встреча; какие люди; мое почтение / пока; прощайте; до скорого; будь(те) здоров(ы), пиши(те) письма; счастливо оставаться; разрешите откланяться*; нем.: *hi; servus; allesklar; grüß dich/Sie/ Abschiedsgrüße; Tschüss; Ciao; wir sehen uns; bis zum nächsten Mal; wir sprechen uns später*,

¹Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 03.08.2023).

²Institut für Deutsche Sprache. URL: <https://www.ids-mannheim.de/service/> (дата обращения: 03.08.2023).

³British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 03.08.2023).

schönes Wochenende; viel Spaß, gute Fahr; англ.: *hi; hey, nice to see you; what's up / bye-bye; adieu; see you again* и т. п., в контексте коммуникативной ситуации «экзамен» расцениваются участниками общения как неуместные, провоцирующие нарушение взаимодействия или даже инициирующие коммуникативный конфликт.

То же происходит и в случае с представлением событийного момента Благодарность. Нейтральным выражением благодарности в русском языке является *спасибо*, в немецком – *danke schön, vielen Dank*, в английском – *thank you*. Такие этикетные формулы, как рус.: *тысячу раз спасибо, спасибо, тебе/Вам тоже, заранее спасибо*; нем.: *vielen Dank noch / vielen lieben Dank, tausend Dank*; англ.: *thank you ever so much, many thanks, thanks a lot*, традиционно считаются неуместными.

Событийный момент Представление экзаменуемым себя на экзамене является, как правило, односторонним и не предполагает использования развернутых этикетных формул типа: *разреши(те)/позвольте с Вами (с тобой) познакомиться, давай(те) познакомимся, хорошо бы познакомиться*. Они более уместны в эмоционально окрашенных разговорно-бытовых ситуациях, их появление приводит к коммуникативным недоразумениям. Экзаменуемый, согласно конвенционально закреплённому алгоритму, предъявляет экзаменатору свою зачетную книжку, студенческий билет или другой документ, удостоверяющий личность, и, используя одну из усеченных этикетных формул, называет свою фамилию (и имя), например рус.: *Кузнецов, Иван Кузнецов*; нем.: *Fritz, Fritz Schmitt*; англ.: *James, James Smith*. Имена собственные иногда дополняются личными местоимениями, например рус.: *я Кузнецов*; нем.: *Ich bin Schmitt*; англ.: *I am Smith*, а также нарицательными именами существительными (*фамилия, имя*) в связке с притяжательными местоимениями первого лица единственного числа, например рус.: *моя фамилия Кузнецов, мое имя Иван*; нем.: *mein Name ist Fritz (Schmitt)*; англ.: *my name is James (Smith)*.

Максимально нейтральные усеченные формулы используются для оформления событий-

ного момента Предложение/Выбор билета в рус.: *берите билет / (мой билет) номер 1*; нем.: *nehmen Sie eine Prüfungskarte / (die Nummer meiner Prüfungskarte ist) Nummer 1*; англ.: *take an examination card / (my examination card number is) number 1*.

Если для событийных моментов Приветствие, Прощание, Благодарность, Представление экзаменуемым себя, Предложение/Выбор билета билета актуализируются строго нормализованные нейтральные формулы, то такие событийные моменты, как Подготовка ответа, Ответ, Дополнительные вопросы, Оценивание ответа, в контексте коммуникативной ситуации «экзамен» оформляются в более свободной форме с помощью речевых средств, которые, в первую очередь, согласуются с идеальными коммуникативными задачами экзаменатора и экзаменуемого. Данные задачи при смене центральной роли – отправитель или получатель – ориентированы на запрос и выслушивание учебной информации с последующим оцениванием ответа (экзаменатор) и сообщением запрошенной учебной информации с возможной корректировкой (подтверждением, уточнением, опровержением) сообщаемого (экзаменуемый) [7, с. 319].

Большое значение при выборе речевых средств, отображающих событийные моменты Подготовка ответа, Ответ, Дополнительные вопросы, имеет доминирующий тип языковой личности коммуникантов независимо от принадлежности к конкретной языковой культуре. Рационально-эвристические личности стремятся к точным и эмоционально нейтральным формулировкам, инвективные (агрессивные) – демонстрируют преимущественно негативные эмоциональные реакции, куртуазные – эксплицируют и инициируют положительные эмоциональные реакции и т. д. [11, с. 19–24].

Рационально-эвристические личности, выбирающие нейтральный стиль изложения информации и стремящиеся к объективизации сообщаемого, часто используют отсылки к источнику получения информации (*как показал эксперимент, как написано в учебнике, как говорил/писал..., говоря словами...*).

Инвективные личности, легко переходящие в состояние возбуждения, могут транслировать свое психоэмоциональное состояние через экспрессивную манеру подачи информации за счет избыточной актуализации эмоционально-оценочных средств как с позитивной, так и с негативной коннотацией (*очень, совершенно, прекрасный, ужасный*), избыточных слов (*вот, значит, этот самый, э-э-э, ну, так сказать*) или даже метафор для привлечения внимания получателя к определенному положению вещей (например, *Германия оказалась в положении паровоза, у которого хватило пара только на гудок*).

Куртуазные личности стремятся к формированию положительного эмоционального фона и используют эмоционально-оценочные средства, окрашенные преимущественно положительно (*спасибо Вам за актуальный вопрос; интересно, что...; абсолютно точно сказано/написано...*), в ходе развернутого выразительного изложения информации. Они также регулярно вовлекают получателя в коммуникацию, используя, к примеру, формы первого лица множественного числа (*рассмотрим, перейдем к следующему вопросу, остановимся на... и т. д.*).

При этом информативная сторона идеальной коммуникативной ситуации «экзамен» традиционно строится в научном стиле, а фатическая – оформляется в максимально нейтральных, поддерживающих коммуникативный контакт средствах.

Отдельные паттерны-контактivity являются привилегией экзаменатора. Они могут содержать дополнительный, оценивающий компонент. В качестве примера можно привести такие ободряющие контактivity, как рус.: *дальше, пожалуйста; так; я слушаю; хорошо*; нем.: *bitte weiter; ja weiter; ich höre zu; schon gut; sehr schön; ja bitte; ja okay*; англ.: *come on; okay; continue please*; или осуждающие, такие как рус. *хм*, нем. и англ. *hm* и др. Экзаменатор может также использовать аксиологически окрашенные лексические контактivity, например рус.: *итак, да, конечно, хорошо, точно, правильно, прекрасно, нет, хм*; нем.: *so, ja weiter; ja, ok, gut, genau, sehr schön, nein, hm, aha, ach*

ja, ach so; англ.: *yes, okay, well, good, right, no, hm, yeah, sorry* и др.

Есть также паттерны-контактivity, которые могут актуализировать как экзаменатор, так и экзаменуемый, например: рус.: *совершенно верно*; нем. *genau, ja, natürlich, gut*; англ.: *exactly, right*.

Событийный момент Оценивание ответа является привилегией экзаменатора. Здесь паттерны-контактivity обладают высокой степенью перформативности в духе Дж. Остина, поскольку актуализированные они не просто описывают действие, а сами являются действиями (или влекут за собой действия, которые они называют) [12, с. 264]. Диапазон оценок (от похвалы до порицания) может быть представлен различными формулировками, например рус.: *Прекрасный ответ. У меня нет больше вопросов. Ставлю Вам отлично / Это не ответ. Вы не понимаете сути вопроса. Идите – учите*; нем.: *Eine schöne Antwort. Ich habe keine weiteren Fragen. Sie bekommen eine „Sehr gut“ / Das ist keine Antwort. Sie verstehen den Kern der Frage nicht. Gehen Sie und studieren Sie die Frage durch*; англ.: *An excellent answer. I don't have any more questions. It's an A / That's not the answer. You don't understand the essence of the question. Go and study*. Здесь фатические речевые средства максимально плотно взаимодействуют с информативно и прагматически валентными.

В ряду прочих фатических средств особое место занимают обращения. При их актуализации действуют соответствующие лингвокультурные правила. Представители русской лингвокультуры обращаются к экзаменатору на «Вы» и по имени и отчеству: *Иван Петрович, Мария Владимировна*. По отношению к экзаменуемым актуализируется обращение на «Вы» в сочетании с полным или кратким именем: *Евгений (Женя), как Вы понимаете термин «фатическое общение»?; обращение на «ты» в сочетании с полным или кратким именем: тьяни билет, Андрей* [7, с. 324]. В немецко- и англоязычной традиции к экзаменатору обращаются с помощью формулы «*Doktor/Professor + фамилия*»: *Doktor Müller, Professor Abramson*. В немецкоязычной традиции есть также об-

ращение на «Вы» (к экзаменатору и к экзаменуемому): *könnten Sie mir bitte sagen, was das bedeutet*; и на «ты» (к экзаменуемому): *kannst du mir bitte das an dem Beispiel erklären?*. В англоязычной традиции в данном случае используется нейтральное «you»: *could you please tell me what this means?*.

Это наблюдение в полной мере соответствует выявленным отличиям векторной ориентации в русско-, немецко- и англоязычном вербальном коммуникативном речевом поведении, активно изучаемом в последнее время [13–17].

В ходе исследования мы выяснили, что паттерны-контактivity в русском, немецком и английском языках могут разделяться с учетом определенной фазы коммуникации (начало, середина, конец). Событийные моменты Приветствие, Благодарность и Прощание актуализируются с помощью фатических паттернов – развернутых этикетных формул; Представление экзаменуемым себя и Предложение/Выбор билета – с помощью усеченных.

Ядерная (средняя) часть коммуникативной ситуации «экзамен» (Подготовка ответа, Ответ, Дополнительные вопросы, Оценивание ответа), помимо нормализованных нейтральных формул, представлена фатическими паттернами, которые могут быть классифицированы с учетом аксиологического вектора их реализации, а именно: привлечение внимания, акцентуация определенных коммуникативных зон, поддержание коммуникации, подтверждение

получения информации, корректировка, обсуждение, выражение согласия/несогласия.

Носителями фатической функции могут быть отдельные паттерны-контактivity или их сочетания. Некоторые выражения, содержащие оценивающий компонент, являются привилегией экзаменатора. Однако большая их часть стремится к нейтральности и может быть актуализирована как экзаменатором, так и экзаменуемым.

Выбор паттернов-контактivity национальной номенклатуры индивидуально и конвенционально обусловлен. Некорректный выбор конвенциональных фатических паттернов может стать причиной коммуникативных неудач.

Перспективы исследования конвенциональных фатических паттернов мы видим в увеличении объема контекстной выборки для каждого из национальных языков (русского, английского, немецкого), расширении номенклатуры фатических средств, дальнейшей интерпретации паттернов-контактivity с учетом широкого контекста коммуникативной ситуации, индивидуальных и национально-культурных особенностей отправителей и получателей и последующем их иерархическом упорядочении.

Поскольку актуализация вербальных паттернов-контактivity направлена на достижение конкретных коммуникативных целей, она имеет не только контекстуально и конвенционально, но и перформативно обусловленный характер. Изучение последнего может также способствовать расширению знаний об актуализации фатических паттернов в русско-, немецко- и англоязычном экзаменационном дискурсе.

Список литературы

1. *Malinowski B.* The Problem of Meaning in Primitive Languages // *Ogden C.K., Richards I.A.* The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. With Supplementary Essays by B. Malinowski and F.G. Crookshank. N. Y.: Harcourt, 1923. P. 296–336.
2. *Jakobson R.* Poesie der Grammatik und Grammatik der Poesie: Sämtliche Gedichtanalysen. Kommentierte deutsche Ausgabe. Berlin: de Gruyter, 2008, 1568 s.
3. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
4. *Дементьев В.В.* Фатические речевые жанры // *Вопр. языкознания.* 1999. № 1. С. 37–55.

5. Cirko L. Phatische Signale in deutschen, englischen und polnischen Prüfungsgesprächen // Sprachreport. 2016. Jg. 32, Heft 1. S. 26–34. URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/4768/file/Cirko_Phatische_Signale_2016_1.pdf (дата обращения: 03.08.2023).
6. Прокофьева Н.А. Жанровые стили фатики в PR-коммуникации // Филология и человек. 2016. № 3. С. 40–51.
7. Шарифуллин Б.Я. Экзамен как сложная коммуникативная ситуация действительности // Экология языка и коммуникат. практика. 2015. № 2(5). С. 313–330.
8. Карпук Г.В. Контактостанавливающая функция языка: направления и перспективы исследования // Вестн. МГЛУ. Сер. 1: Филология. 2010. № 1. С. 35–45.
9. Матвеева Т.В. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2000. С. 46–55.
10. Карасик В.И. Речевая коммуникация: дискурсивный аспект // Грани познания. 2013. № 1(21). С. 23–33.
11. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. 1999. № 2. С. 13–26.
12. Остин Дж. Три способа пролить чернила: филос. работы. СПб.: Алетейя: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 334 с.
13. Probst J. Ein Kompliment in Ehren ... Aspekte eines „höflichen“ Sprechaktes in mehreren Sprachen. Darmstadt: Universitäts- und Landesbibliothek, 2023. 16 s.
14. Язык vs. социум: XXI век / глав. ред. Н.В. Юдина. Владимир: Владимир. фил. Финанс. ун-та при Правительстве РФ, 2020. 286 с.
15. Лингвокультурное и коммуникационное пространство человека. (К юбилею профессора Фаины Иосифовны Карташковой) / отв. ред. Е.А. Вансяцкая. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. 256 с.
16. Газизов Р.А. Особенности виртуального коммуникативного взаимодействия в немецкой лингвокультуре: моногр. Уфа: БашГУ, 2022. 163 с.
17. Гладров В., Которова Е.Г. Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре. М.: ЯСК, 2021. 470 с.

References

1. Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages. Ogden C.K., Richards I.A. *The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. With Supplementary Essays by B. Malinowski and F.G. Crookshank*. New York, 1923, pp. 296–336.
2. Jakobson R. *Poesie der Grammatik und Grammatik der Poesie: Sämtliche Gedichtanalysen. Kommentierte deutsche Ausgabe*. Berlin, 2008. 1568 p.
3. Vinokur T.G. *Govoryashchiy i slushayushchiy. Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and Listener. Variants of Speech Behaviour]. Moscow, 1993. 172 p.
4. Dement'ev V.V. Faticheskie rechevye zhanry [Phatic Speech Genres]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1999, no. 1, pp. 37–55.
5. Cirko L. Phatische Signale in deutschen, englischen und polnischen Prüfungsgesprächen. *Sprachreport*, 2016, vol. 32, no. 1, pp. 26–34. Available at: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/4768/file/Cirko_Phatische_Signale_2016_1.pdf (accessed: 3 August 2023).
6. Prokof'eva N.A. Zhanrovye stili fatiki v PR-kommunikatsii [Phatic Genre Styles in PR Communication]. *Filologiya i chelovek*, 2016, no. 3, pp. 40–51.
7. Sharifullin B.Ya. Ekzamen kak slozhnaya kommunikativnaya situatsiya deystvitel'nosti [Exam as a Complex Communicative Situation of the Reality]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2015, no. 2, pp. 313–330.
8. Karpuk G.V. Kontaktostanavlivayushchaya funktsiya yazyka: napravleniya i perspektivy issledovaniya [The Contact-Establishing Function of Language: Areas and Prospects of Research]. *Vestnik MGLU. Ser. 1: Filologiya*, 2010, no. 1, pp. 35–45.
9. Matveeva T.B. Normy rechevogo obshcheniya kak lichnostnye prava i obyazannosti [Norms of Speech Communication as Personal Rights and Obligations]. *Yurislilingvistika-2: russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii* [Jurilinguistics-2: Russian Language in Its Natural and Legal Existence]. Barnaul, 2000, pp. 46–55.
10. Karasik V.I. Rehevaya kommunikatsiya: diskursivnyy aspekt [Speech Communication: Discursive Aspect]. *Grani poznaniya*, 2013, no. 1, pp. 23–33.

11. Sedov K.F. O zhanrovoy prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti [On the Genre Nature of Discursive Thinking of a Linguistic Personality]. *Zhany rechí*, 1999, no. 2, pp. 13–26.
12. Austin J.L. *Philosophical Papers*. Oxford, 1961. 242 p. (Russ. ed.: Ostin Dzh. *Tri sposoba prolit' chernila: filosofskie raboty*. St. Petersburg, 2006. 334 p.).
13. Probst J. Ein *Kompliment in Ehren ... Aspekte eines „höflichen“ Sprechaktes in mehreren Sprachen*. Darmstadt, 2023. 16 p.
14. Yudina N.V. (ed.). *Yazyk vs. sotsium: XXI vek* [Language versus Society: 21st Century]. Vladimir, 2020. 286 p.
15. Vansyatskaya E.A. (ed.). *Lingvokul'turnoe i kommunikatsionnoe prostranstvo cheloveka* [Linguocultural and Communicative Space of a Person]. Ivanovo, 2022. 256 p.
16. Gazizov R.A. *Osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo vzaimodeystviya v nemetskoj lingvokul'ture* [Virtual Communication in German Linguistic Culture]. Ufa, 2022. 163 p.
17. Gladrov V., Kotorova E.G. *Modeli rechevogo povedeniya v nemetskoj i russkoj kommunikativnoy kul'ture* [Models of Speech Behaviour in German and Russian Communicative Culture]. Moscow, 2021. 470 p.

Информация об авторе

Е.А. Мурашова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого и французского языков Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (адрес: 347900, Ростовская обл., г. Таганрог, ул. Петровская, д. 68).

Information about the author

Evgeniya A. Murashova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the German and French Languages Department, A.P. Chekhov Institute (Branch) in Taganrog, Rostov State University of Economics (address: ul. Petrovskaya 68, Taganrog, 347900, Rostovskaya obl., Russian Federation).

Поступила в редакцию 07.08.2023
 Одобрена после рецензирования 15.12.2023
 Принята к публикации 19.12.2023

Submitted 7 August 2023
 Approved after reviewing 15 December 2023
 Accepted for publication 19 December 2023

Филиппова И.Н.

Перевод в переводе: стратегии передачи инокультурности (по «китайским» детективам Р. ван Гулика)

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 38–46.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 38–46.

Научная статья

УДК 81'255:811.581

DOI: 10.37482/2687-1505-V321

Перевод в переводе: стратегии передачи инокультурности (по «китайским» детективам Р. ван Гулика)

Ирина Николаевна Филиппова

Государственный университет просвещения, Мытищи, Россия,

e-mail: little_lion06@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6799-2065>

Аннотация. В статье представлен анализ различных приемов передачи инокультурного колорита в произведениях художественной литературы. Экзотическая культура (китайская) опосредуется британским английским, а затем служит объектом перевода для иноязычной целевой аудитории (русскоязычной). Двойной лингвоэтнический барьер преодолевается переводчиками по-разному, в ходе этого процесса применяются различные стратегии. К анализу привлечены романы «The Emperor's Pearl» и «Necklace and Calabash» из англоязычной серии детективов Р. ван Гулика о судье Ди, переведенные на русский язык Ж. Грушанской, И. Мансуровым и О. Завьяловой с минимальной временной амплитудой. Основу методологии исследования составляют сопоставительный и контекстуальный анализ, а также анализ дефиниций из лексикографических источников; в качестве вспомогательных методов в работе применяются приемы анализа и синтеза, обобщения и абстрагирования, классификации, интерпретации, дескрипции. Реалии как фрагменты языковой и концептуальной картины мира средневекового Китая активно использованы Р. ван Гуликом для создания специфического колорита чужой, экзотической для европейцев, китайской культуры. С британского английского на русский язык они передаются различными приемами, отражающими разные переводческие стратегии. Переводческая задача решается при помощи форенизации с поясняющим переводом, доместикации, нулевого перевода и элиминации национальной специфики. Выявленная вариативность перевода детерминирована индивидуальной переводческой манерой ввиду нивелирования прочих факторов переводной множественности, т. к. временная дистанция переводов минимальна, прогнозируемая аудитория гомогенна, направление межъязыкового и межкультурного контакта одномерно. Обнаруженные погрешности в переводческих решениях, отклоняющихся от адекватности, вызваны ловушками псевдоэквивалентности и неверной стратегией передачи инокультурных реалий в дважды опосредованном переводе.

Ключевые слова: *инокультурный колорит, перевод, переводческая стратегия, инокультурная реалья, переводческая трансформация, адекватность перевода.*

Для цитирования: Филиппова, И. Н. Перевод в переводе: стратегии передачи инокультурности (по «китайским» детективам Р. ван Гулика) / И. Н. Филиппова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 38-46. DOI: 10.37482/2687-1505-V321.

Original article

Translation in Translation: Strategies for Conveying Foreign Culture (Based on “Chinese” Detective Novels by R. van Gulik)

Irina N. Filippova

Federal State University of Education, Mytishchi, Russian Federation,

e-mail: little_lion06@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6799-2065>

Abstract. This article presents an analysis of various methods of translating foreign cultural colouring in works of fiction. An exotic culture (Chinese) is mediated by the author’s native language (British English) and then serves as an object of translation for a foreign-language target audience (Russian-speaking). Such a double ethnolinguistic barrier is overcome by translators in different ways, involving various strategies. The analysis focused on Robert van Gulik’s novels *The Emperor’s Pearl* and *Necklace and Calabash* from the English-language crime fiction series about Judge Dee, translated into Russian by Zh. Grushanskaya, I. Mansurov and O. Zavyalova with a minimal time gap. The research methodology is based on comparative and contextual analysis as well as analysis of dictionary definitions using lexicographic sources. In addition, the methods of analysis and synthesis, generalization and abstraction, classification, interpretation, and description are applied. Realia as fragments of the linguistic and conceptual worldview of mediaeval China are actively used by van Gulik to create a specific colouring of Chinese culture, exotic for Europeans. From British English into Russian, they are translated by means of various techniques reflecting different translation strategies. The multiple solutions include foreignization with explanatory translation, domestication, omission and elimination of national specifics. The translation variability revealed is determined by the individual translation style due to the levelling of other factors of translation multiplicity, since the time gap between the translations is minimal, the target audience is homogeneous, and the direction of the interlanguage and intercultural contact is one-dimensional. The identified errors in translation solutions deviating from adequacy are caused by pseudo-equivalence traps and incorrect strategies for conveying foreign cultural realia in a doubly mediated translation.

Keywords: *foreign cultural colouring, translation, translation strategy, realia, interlingual transformation, translation adequacy.*

For citation: Filippova I.N. Translation in Translation: Strategies for Conveying Foreign Culture (Based on “Chinese” Detective Novels by R. van Gulik). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 38–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V321

Введение. Перевод произведений художественной литературы представляет самую сложную задачу в асинхронной межъязыковой коммуникации. Многогранность оригинала и многоаспектность перевода создают почву для широкой интерпретации авторского текста языковым посредником и обуславливают различные приемы передачи. В переводоведении пе-

ревод традиционно рассматривается как опыт не только межъязыковой, но и межкультурной коммуникации [1]. В этом аспекте наибольший исследовательский интерес представляет осложненная коммуникация, где исходный текст (ИТ) сам является результатом межкультурного диалога, который может быть реализован в различных формах. Межкультурность оригинала

может достигаться за счет немногочисленных вкраплений реалий чужой культуры, как, например, индийские заимствования в сочинениях Р. Киплинга, А.К. Дойля и др. Иная степень «проникновения» культуры, неродственной языку ИТ (в анализируемом случае – китайской в англоязычный текст), представлена в произведениях, содержание которых являет слепок с чужого мира, где сюжетная линия и концептуальная картина эксплицированы языковыми средствами иной культурной принадлежности. Подобные тексты встречаются значительно реже, их создание – особый опыт конструирования вымышленного мира, где «чужая» культура объективируется родным языком (родным – для автора и читателя оригинала), т. е., по сути, становится результатом перевода в исполнении автора художественного произведения. Таким предстает перед англоязычными читателями роман А. Кристи «Death Comes as the End», таковы и произведения голландского сиолога Роберта ван Гулика о службе судьи Ди в средневековом Китае.

В настоящей статье предпринята попытка анализа межъязыковой передачи «чужих» реалий с точки зрения используемых приемов перевода. Цель исследования – поиск ответа на вопрос об успешности стратегий перевода для адекватного воздействия на читателей [2–4]. Для достижения этой цели подвергаются изучению приемы перевода «чужих» реалий.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составляют оригинальные произведения

Р. ван Гулика (романы / повести и рассказы) и их переводы на русский язык. Детективы дипломата-китаеведа и страстного поклонника китайской культуры и истории были написаны на английском языке и призваны познакомить европейских читателей с «прошлым великих империй Дальнего Востока»¹.

Переводы произведений Р. ван Гулика на русский язык публиковались в трех издательствах: «Иностранка», «Центрполиграф» и «Амфора». В работе по межъязыковой и межкультурной передаче оригинальных текстов принимали участие 12 переводчиков: И. Кормильцев, М. Рубинштейн, В. Тихомиров, В. Полосин, И. Мансуров, Ж. Грушанская, Е. Звягин, Н. Кучеровская, А. Кабанов, М. Соловьева, С. Морозова, О. Завьялова. Мы остановимся только на двух романах: «The Emperor's Pearl»² (1963) / «Императорская жемчужина» в переводе Ж. Грушанской (2001)³ с двумя переизданиями и И. Мансурова (2002)⁴ с одним переизданием, а также «Necklace and Calabash» (1967)⁵ / «Ожерелье и тыква-горлянка» в переводе О. Завьяловой (1996)⁶ с двумя переизданиями и И. Мансурова (2001)⁷ без переизданий.

Методологически исследование базируется на лингвистических методах: сопоставительном и контекстуальном анализе, а также анализе дефиниций из лексикографических источников.

Приоритетное значение имеет сопоставительный анализ, который позволяет обнаружить межъязыковые параллели и отклонения от прямого лексического соответствия. Кон-

¹ван Гулик Р. Императорская жемчужина / пер. с англ. Ж. Грушанской. СПб.: Амфора, 2001. 218 с.

²van Gulik R. The Emperor's Pearl. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1963. URL: https://readfrom.net/robert-van-gulik/603005-the_emperors_pearl.html (дата обращения: 12.05.2023).

³ван Гулик Р. Императорская жемчужина.

⁴ван Гулик Р. Жемчужина императора / пер с англ. И. Мансурова. М.: Центрполиграф, 2002. 68 с.

⁵van Gulik R. Necklace and Calabash. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1963. URL: https://readfrom.net/robert-van-gulik/603010-necklace_and_calabash.html (дата обращения: 12.05.2023).

⁶ван Гулик Р. Четыре пальца. Убийство на улице полумесяца. Ожерелье и тыква-горлянка: повести. СПб.: Амфора, 2000. 574 с.

⁷ван Гулик Р. Ожерелье и тыква-горлянка / пер. И. Мансурова. URL: <https://mir-knigi.info/books/detektivy-i-trillery/istoricheskie-detektivy/26663-ozherele-i-tykva.html> (дата обращения: 30.06.2023).

текстуальный анализ способствует выявлению прагматической задачи инокультурной реалии в тексте оригинала. Анализ словарных дефиниций опирается на авторитетные лексикографические источники и во взаимодействии с другими приемами дает основание интерпретировать переводческие решения как факты эквивалентности и псевдоэквивалентности в передаче инокультурности.

Общенаучные методы (анализ и синтез, обобщение и абстрагирование, классификация) играют вспомогательную роль и служат операционно-логической основой исследования. В работе по мере необходимости использованы интерпретация полученных данных, позволяющая обнаружить тенденции передачи инокультурного колорита, и дескрипция, обеспечивающая передачу выявленного нового знания научной общественности в соответствии с традицией гуманитарных наук.

Теоретическое ядро. Англоязычная детективная проза Р. ван Гулика призвана увлечь читателей в мир китайской культуры, незнакомый широкой европейской публике [5]. Для этого автор использует различные средства воссоздания местного колорита. Внешняя атрибутика издания (перечисление действующих лиц, пролог, план города, иллюстрации в технике гравюры тушью по дереву) апеллирует к исконной традиции детектива в Китае, весьма отличного от европейского канона. Языковые средства также позволяют читателям погрузиться в псевдореальный мир. Р. ван Гулик оживляет на страницах своих текстов культуру средневекового Китая: описывает систему ценностей, быт, семейные отношения, судопроизводство, государственную систему в целом, религию и суеверия – рисует концептуальную картину. Лингвистическими маркерами инокультурности на этом фоне служат многочисленные реалии и речевые стереотипы.

Интересно, что оригинальный текст Р. ван Гулика при этом не представляет собой набор китайских реалий; некоторые сегменты заменены европейскими аналогами. Они сглаживают слишком существенные культурные различия, которые могут оттолкнуть читателя, превратив

захватывающее постижение чужой культуры в отторжение чуждой. По прагматической задаче автора носители иной культуры не должны восприниматься как немцы ('они не мы'), что было свойственно русской культуре Петровских времен, или как варвары, что характерно для древних римлян ('непонятно, невнятно' = 'дико', даже если контактирующая цивилизация древнее). Во избежание такого лингвокультурного конфликта Р. ван Гулик гибко (как сказали бы ранее – на диалектической основе) сочетает форенизацию с доместикацией [6; 7]. Мы знаем их как стратегии перевода [8; 9], но в данном случае, имея дело с «переводом в переводе», вполне уместно использовать эти термины и для характеристики работы с оригинальным текстом. Принимая во внимание авторские комментарии, поясняющие многочисленные аспекты создания оригинала (авторскую задачу, идиостиль, специфику изображаемого, лингвокультурные различия средневекового Китая и европейской цивилизации XX века), можно предполагать разнообразие переводческих стратегий для передачи столь своеобразных произведений.

Множественность переводческих решений, воплощенная в различных средствах передачи одного и того же сегмента оригинала, обнаруживается и в диахронии (в публикациях переводов разными издательствами и со значительной временной амплитудой), и в работе одного издательства (при участии нескольких языковых посредников) в сжатых временных рамках.

Сопоставляя разновременные и не имеющие временной дистанции переводы (как в нашем случае), можно выявить массу интересных взаимных расхождений. Если же сопоставить эти решения с оригиналами, возникнет множество вопросов о факторах, влияющих на выбор переводчиком одной из альтернатив [10]. В фокусе нашего внимания – несколько ярких и убедительных примеров перевода, которые эксплицируют разные стратегии дважды межязыковой и дважды межкультурной передачи. Языковой и культурный барьер превращается в усло-

виях «перевода в переводе» в особую задачу: переводчик должен (принимая во внимание авторские комментарии) распознать интенцию в текстовом масштабе и реализовать ее в контекстном преломлении [11].

Результаты и обсуждение. Доместикация в оригинальном тексте нередко однозначно понимается переводчиками: они прибегают к замене реалии функциональным аналогом, обращаясь к принимающей культуре. Так, в оригинальном тексте: *'When she dropped in here, I always gave her a couple of dumplings stuffed with sweet beans – our speciality, you know'*⁸. Р. ван Гулик использует европейскую реалию, которая в переводе с английского на русский язык имеет несколько соответствий: *клецка, пельмень, вареник, кнедик, галушка, пышка, пончик*.

И. Мансуров (2002) передает ее в строгом соответствии с оригиналом: *«Когда госпожа Вэй заглядывала ко мне, я всегда давал ей парочку клецек с начинкой из сладких бобов – это наше фирменное блюдо»*⁹. В толковых словарях С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова *клецки* – *'кусочки теста, сваренные в супе'*¹⁰. Этимологический словарь М. Фасмера описывает путь заимствования этой лексемы русским языком из средневерхненемецкого через польский¹¹.

В работе О. Завьяловой (1996) использован более колоритный вариант: *«Когда она заглядывала к нам, я всегда угощал ее рисовыми пампушками с начинкой из красной фасоли – их у нас отменно готовят»*¹². Толкование значения реалии *пампушки* – «украинская маленькая круглая сдобная булочка из дрожжевого теста размером с грец-

кий орех или маленькое яблоко. <...> Пампушки делают из сдобного дрожжевого теста... Разделав тесто на “булочки” величиной с грецкий орех... варят на пару в формочках около 20–30 минут и допекают в духовке до легкого заколерования. Подают к борщу горячими, с подливкой из жареного лука или с чесноком»¹³. Этимологический словарь М. Фасмера также проследивает происхождение лексемы *пампушки* в немецком языке и описывает ее внедрение в русский через польский¹⁴.

Технология приготовления *клецок* (варенных в бульоне или молоке) и *пампушек* (варенных на пару и допекаемых в духовке) существенно отличается от жаренных в масле маленьких рисовых колобков с разными начинками. В отношении сохранения национальной специфики использование лексем *пампушки* (с ярким украинским колоритом) и *клецки* (с европейским шлейфом) для обозначения китайской сладости с начинкой видится неприемлемым. Читатель, заинтригованный инокультурными мотивами в тексте, несомненно, заметит подмену китайской культуры другими национальными традициями и усомнится в подлинности сочинения и/или профессионализме переводчика.

С точки зрения кулинарии ближе всего к китайской реалии единицы *пончик* и *пышка*: они также жарятся в масле, сладкие, часто с начинкой. Для поддержания общего замысла Р. ван Гулика полезнее в анализируемом сегменте отступить от строгой эквивалентности и посредством элиминации культурного кода раскрыть значение китайской реалии, применяя компен-

⁸van Gulik R. Necklace and Calabash.

⁹ван Гулик Р. Ожерелье и тыква-горлянка.

¹⁰Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. С. 521; Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 30.06.2023).

¹¹Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Азбука-Терра, 1986–1987. 2944 с.

¹²ван Гулик Р. Четыре пальца. Убийство на улице полумесяца. Ожерелье и тыква-горлянка: повести.

¹³Пампушки // Академик: словари и энциклопедии. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1394273> (дата обращения: 18.06.2023).

¹⁴Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.

сацию: «Когда она заглядывала к нам, я всегда угощал ее рисовыми **пончиками** со сладкой начинкой из красной фасоли...» Далее по тексту можно обратиться к замещению с генерализацией до гиперонимов *сладости* или *лакомство*, не рискуя ввести читателя в заблуждение о национальной специфике, отраженной в данной бытовой реалии.

Замещение реалии ИТ реалией принимающей культуры в переводном тексте (ПТ) представляется неадекватным приемом. В контексте китайской средневековой культуры украинское или европейское национальное блюдо размывает контуры авторского произведения, отвлекает читателя от самобытности демонстрируемой в романе картины мира и таким образом искажает его восприятие.

Этнографические особенности, переданные лексически, наиболее полно воссоздают в изображаемом мире (тексте художественной литературы) мир реальный, существовавший в средневековой Китайской империи эпохи Мин, раскрывая читателю незнакомую (или мало знакомую) культуру. Последовательно воплощая доместикацию как стратегию сглаживания культурных барьеров, Р. ван Гулик использует компенсацию в номинации главного персонажа своих детективов: *The magistrate was required only to perform that ceremony, but Judge Dee, always eager to take part in the feasts of the people entrusted to his care, had wanted to assist at the races from the beginning*¹⁵. Чиновник, реализующий в каждом субъекте Империи судебную и исполнительную власть, функционально близок в европейской культуре к *магистрату* – ‘римскому наместнику, представителю власти (=консул, трибун, легат, претор, префект и т. п.), главе города в разных странах европейской культуры’, как указывает толковый словарь Д.Н. Ушакова¹⁶.

В языковой картине мира читателей ПТ (носителей русского языка) единица *магистрат* неразрывно связана с европейской культурой, поэтому ее использование в тексте диссонировало бы с изображаемой культурой, т. к. не соответствует национальному и историческому колориту. Переводчики по-разному решают задачу межъязыковой и межкультурной передачи этого сегмента.

Ж. Грушанская (2001) аккуратно внедряет в контекст компенсацию в рамках описательного (разъяснительного, поясняющего) перевода: *Судье как главному должностному лицу провинции полагалось провести только эту церемонию*¹⁷. Данный способ погружения читателя в китайскую культуру следует признать обоснованным и успешным: в письменной коммуникации такое небольшое по объему приложение не отвлекает читателя от основного повествования и при этом позволяет полностью раскрыть значение, скрытое в ИТ под реалией европейского мира (древнеримского античного и более позднего), не разрушая национального колорита.

И. Мансуров (2002) отдает предпочтение нулевому переводу – реалия, соответствующая единице ИТ, в ПТ отсутствует: *Судью попросили только наградить лучших, но он всегда с удовольствием принимал участие во всех праздниках жителей вверенного ему города, а потому предложил свою помощь в проведении состязаний*¹⁸. Более широкий контекст раскрывает изъятую информацию и нивелирует различие знаний китаеведов и «непосвященных» читателей. Соответственно, умолчать в данном миниконтексте о специфике полномочий главного персонажа вполне уместно. Распределение властных полномочий и чиновничьих должностей (с соответствующими обязанностями и привилегиями) в средневековом Китае отступает на задний план, не деформируя изображаемую картину реалией европейской культуры.

¹⁵van Gulik R. The Emperor's Pearl.

¹⁶Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка.

¹⁷ван Гулик Р. Императорская жемчужина. С. 10.

¹⁸ван Гулик Р. Жемчужина императора. С. 2.

Весьма примечателен еще один опыт преодоления лингвокультурного барьера самим автором ИТ и российскими переводчиками. В ИТ: *Mr. Kou and I saw to it that all the men were suitably entertained with food and wine in the restaurant of Marble Bridge Village*¹⁹. *Restaurant* в данном контексте обозначает место общественного питания в небольшом населенном пункте. В англоязычной культуре *restaurant* не имеет дополнительных оттенков значения, содержание этой лексемы не несет национальных, временных, территориальных маркеров: ‘a place where meals are prepared and served to customers’²⁰. Однако в русском языке словарный эквивалент, переданный транскрибированием, – *ресторан* – не удовлетворяет требованию адекватности перевода²¹. В большинстве толковых словарей русского языка эксплицировано коннотативное значение ‘элитарность, шик’: «Открытая до ночи или ночью, хорошо обставленная столовая с подачей дорогих заказных блюд и напитков, обычно с музыкальной эстрадой»²². В связи с этим возникает курьезная ситуация: в небольшом населенном пункте имеется место питания, соответствующее столичной роскоши (элитарная кухня, высокие цены, первоклассный сервис).

Ж. Грушанская попадает в ловушку псевдоэквивалентности (по меткому выражению К.И. Чуковского о *неточной точности*: «...тяготение к педантической точности неотвратимо приводит к неточности» [12, с. 52]): *Господин Гоу и я проследили, чтобы всех хорошенько угостили едой и вином в ресторане деревни Мраморный*

*Мост*²³. Любой читатель закономерно удивится тому, что в деревне имеется ресторан, осознание этого диссонанса разрушает линейность и гармонию погружения в инокультуру, т. е. перевод перестает быть, как теперь часто говорят, атмосферным.

И. Мансуров решает эту переводческую задачу иным способом – использует доместикацию, реализуя ее как замещение функциональным аналогом: *Господин Ку и я проследили за тем, чтобы участники были накормлены в харчевне у Мраморного моста*²⁴. В словаре С.И. Ожегова *харчевня* – ‘трактир, закусочная с дешевыми и простыми кушаньями’ – сопровождается пометой «устаревшее»²⁵. Этимологические словари М. Фасмера и Н.М. Шанского не дают сведений об этой единице, но однокоренное слово с производящей основой *харчи* зафиксировано в них²⁶ как заимствованное древнерусским языком из тюркских. Денотативное равенство исходной английской лексемы *restaurant* и ее аналога *харчевня* позволяет говорить об эквивалентной передаче ИТ, а архаизация согласуется со стилистической задачей Р. ван Гулика по вербальной реставрации Китая эпохи Мин. Такой вариант перевода видится более предпочтительным.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования. Подводя итоги представленного анализа, можно отметить следующее:

1. Инокультурный колорит, насыщающий текст оригинала и отражающий концептуальную и языковую картину средневекового Китая, призван

¹⁹van Gulik R. The Emperor’s Pearl.

²⁰Cambridge Dictionary. Cambridge University Press, 2018. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 30.06.2023).

²¹Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. Изд. 7-е. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 13, 163.

²²Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 676.

²³ван Гулик Р. Императорская жемчужина. С. 14.

²⁴ван Гулик Р. Жемчужина императора. С. 23.

²⁵Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 858.

²⁶Фасмер М. Этимологический словарь русского языка; Шанский Н.М. Этимологический словарь. М.: Дрофа, 2004. <https://lexicography.online/etymology/x/харчи> (дата обращения: 30.06.2023).

решить главную творческую задачу Р. ван Гулика – погружение европейских читателей в изображаемую экзотическую культуру, интригующую реципиентов. Передача инокультурности с английского на русский язык представляет собой двукратный лингвистический и культурный трансфер, реализуемый разными способами.

2. Стратегии перевода у русскоязычных посредников различаются и оказывают на читателя разный коммуникативный эффект. Строгая эквивалентность приводит к деформации языковой и концептуальной картины, доместикация диссонирует с национальным колоритом изображаемого мира, элиминация этнокультурной специфики и даже нулевой перевод оказываются уместными в более широком контексте.

3. Выбор одной из альтернативных стратегий передачи инокультурности в рассматриваемом эмпирическом материале определен только личными предпочтениями переводчиков ввиду отсутствия временной дистанции выполнения переводов и общности проекции читательской аудитории (в рамках одного языка перевода) и единой культурно-исторической парадигмы межязыкового контакта (средневековый Китай → англоязычная Европа второй половины XX века → Россия конца XX – начала XXI века). Видение своей миссии и

творческие амбиции приводят переводчиков к разным интерпретациям оригинала и взаимно нетождественным переводческим решениям.

4. Умеренное использование форенизации и внутритекстовой компенсации оказывается успешным. Благодаря им лакуарность фоновых знаний русскоязычных читателей убывает, при этом реципиенты не испытывают дискомфорта от постраничных или затекстовых комментариев.

В связи с несколькими неожиданными и любопытными результатами теоретического осмысления наблюдаемого возникает ряд сопряженных вопросов: 1) Как именно дефинировать «перевод в переводе» и как его анализировать, если основные мерилы выработаны для текстов в иных весовых категориях сложности межкультурного диалога? 2) Всегда ли перевод непосредственно зависит от общественно-политических контактов стран исходной культуры (в нашем случае даже не оригинала ИТ) и принимающей? 3) Относительно чего определять стратегию в преодолении двукратного лингвоэтнического барьера: относительно ИТ (который сам уже адаптация и стилизация) или относительно исходной культуры, которая дана в ИТ в опосредованном виде? Поиск ответов на данные вопросы должен обозначить направления дальнейших исследований.

Список литературы

1. Леонтьева К.И. Семиотика текста vs. семиотика дискурса: к поиску адекватного эпистемологического основания теории художественного перевода // *Вопр. когнит. лингвистики*. 2014. № 1(38). С. 75–80.
2. Ивлева А.Ю., Пузаков А.В., Аржанова И.А. Определение понятия «стратегия перевода» в русле лингвистической теории и коммуникативно-функционального подхода // *Рус. лингвист. бюл.* 2023. № 6(42). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.39>
3. Прошина З.Г. Экопереводоведение как модель переводческой деятельности // *Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2016. Вып. 4. С. 100–109. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2016.408>
4. Hu G., Tao Y. Eco-Translatology: A New Paradigm of Eco-Translation – a Comparative Study on Approaches to Translation Studies // *T&I Rev.* 2016. Vol. 6. P. 115–132. URL: http://cms.ewha.ac.kr/user/erits/download/review_6/6.pdf (дата обращения: 08.09.2022).
5. Филиппова И.Н. Лингвокультурный трансфер в формате детектива // *Индоевропейские языки: общелингвистические и методологические аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: МГОУ, 2022. С. 198–203.*
6. Попович А.В. Проблемы художественного перевода. М.: Высш. шк., 1980. 199 с.

7. Venuti L. Strategies of Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker. London: Routledge, 2001. P. 240–244.
8. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies. Implications and Applications // Text and Technology / ed. by M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli. Amsterdam: Jon Benjamins Publishing Company, 1993. P. 233–250.
9. Blum-Kulka S., Levenston E.A. Universals of Lexical Simplification // Strategies in Interlanguage Communication / ed. by C. Færch, G. Kasper. London: Longman, 1983. P. 119–139.
10. Леонтьева К.И. Эстетические доминанты стратегии художественного перевода // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2020. № 4(67). С. 190–200. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2020.4.190>
11. Филиппова И.Н. Авторская креолизация как проблема перевода // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики. М.: МГОУ, 2018. С. 225–230.
12. Чуковский К.И. Высокое искусство. М.: Совет. писатель, 1988. 348 с.

References

1. Leont'eva K.I. Semiotika teksta vs. semiotika diskursa: k poisku adekvatnogo epistemologicheskogo osnovaniya teorii khudozhestvennogo perevoda [Semiotics of Text vs. Semiotics of Discourse: Searching the Adequate Epistemological Base for Literary Translation Studies]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2014, no. 1, pp. 75–80.
2. Ivleva A.Yu., Puzakov A.V., Arzhanova I.A. Opredelenie ponyatiya “strategiya perevoda” v rusle lingvisticheskoy teorii i kommunikativno-funktional'nogo podkhoda [The Definition of “Translation Strategy” Within the Framework of Linguistic Theory and the Communicative-Functional Approach]. *Russkiy lingvisticheskiy byulleten'*, 2023, no. 6. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.39>
3. Proshina Z.G. Ecotranslatology as a Model of Translation. *Vestnik SPbSU. Ser. 9. Philol. Asian Stud. Journal.*, 2016, no. 4, pp. 100–109 (in Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2016.408>
4. Hu G., Tao Y. Eco-Translatology: A New Paradigm of Eco-Translation – a Comparative Study on Approaches to Translation Studies. *T&I Rev.*, 2016, vol. 6, pp. 115–132. Available at: http://cms.ewha.ac.kr/user/crits/download/review_6/6.pdf (accessed: 8 September 2022).
5. Filippova I.N. Lingvokul'turnyy transfer v formate detektiva [Linguocultural Transfer in the Format of Detective Fiction]. *Indoevropeyskie yazyki: obshchelingvisticheskie i metodologicheskie aspekty* [Indo-European Languages: Linguistic and Methodological Aspects]. Moscow, 2022, pp. 198–203.
6. Popovich A.V. *Problemy khudozhestvennogo perevoda* [Issues of Literary Translation]. Moscow, 1980. 199 p.
7. Venuti L. Strategies of Translation. Baker M. (ed.). *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London, 2001, pp. 240–244.
8. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications. Baker M., Francis G., Tognini-Bonelli E. (eds.). *Text and Technology*. Amsterdam, 1993, pp. 233–250.
9. Blum-Kulka S., Levenston E.A. Universals of Lexical Simplification. Færch C., Kasper G. (eds.). *Strategies in Interlanguage Communication*. London, 1983, pp. 119–139.
10. Leont'eva K.I. Esteticheskie dominanty strategii khudozhestvennogo perevoda [Aesthetic Dominants and the Strategy of Literary Translation]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, 2020, no. 4, pp. 190–200. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2020.4.190>
11. Filippova I.N. Avtorskaya kreolizatsiya kak problema perevoda [Author Creolization as a Translation Problem]. *Rol' i mesto lingvokul'turnoy adaptatsii khudozhestvennogo teksta v teorii i praktike perevoda. Perevodcheskie strategii i taktiki* [Role and Place of Linguocultural Adaptation of a Literary Text in the Theory and Practice of Translation. Translation Strategies and Tactics]. Moscow, 2018, pp. 225–230.
12. Chukovsky K.I. *Yysokoe iskusstvo* [A Hight Art]. Moscow, 1988. 348 p.

Информация об авторе

И.Н. Филиппова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения (адрес: 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24).

Information about the author

Irina N. Filippova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department for Translation Studies and Cognitive Linguistics, Federal State University of Education (address: ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi, 141014, Moskovskaya obl., Russian Federation).

Поступила в редакцию 09.08.2023
Одобрена после рецензирования 13.12.2023
Принята к публикации 19.12.2023

Submitted 9 August 2023
Approved after reviewing 13 December 2023
Accepted for publication 19 December 2023

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 47–55.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 47–55.

Научная статья

УДК 81'373.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V320

Семантические особенности квазиантропонимов в текстах англоязычных фэнтезийных видеоигр

Дина Вадимовна Захарова^{1✉}

Людмила Михайловна Бондарева²

^{1,2}Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия

¹e-mail: dina.zakharova13@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-8359>

²e-mail: bondareva.koenig@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9631-0860>

Аннотация. В статье осуществляется анализ семантических параметров квазиантропонимов, функционирующих в англоязычных сопроводительных текстах к видеоряду компьютерных игр жанра фэнтези. На начальном этапе исследования разработан собственный подход к пониманию термина «квазиантропоним», обладающего неоднозначными трактовками в научных публикациях. Сформулирована дефиниция данного понятия, под которым в рамках статьи подразумеваются номинации вымышленных одушевленных объектов, фигурирующих в видеоиграх в качестве персонажей виртуальных миров. С учетом соотношения элементов реального и фикционального выполняется систематизация фэнтезийных персонажей согласно степени их вымышленности. Квазиантропонимы, которые номинируют героев игровых вселенных, характеризующихся высшей степенью вымышленности, разделены на три основные группы в соответствии со своим семантическим потенциалом. В качестве базовых семантических параметров, лежащих в основе этой классификации, приняты: указание на внешний вид персонажа, на его специфические характеристики, а также на комбинации некоторых признаков, включая функции, выполняемые персонажем в игровой вселенной. Научная ценность работы определяется расширением сферы антропонимических исследований в результате обращения к релевантному языковому материалу, репрезентированному в текстах виртуального игрового дискурса. О практической значимости свидетельствует возможность использования полученных результатов в лекционно-семинарских курсах по лексикологии и стилистике современного английского языка, а также при анализе номинативного контента текстов видеоигр в жанре фэнтези в ходе их внедрения в практику преподавания языка в соответствии с тенденцией к геймификации современного образовательного процесса. В результате исследования установлены содержательные критерии, лежащие в основе генерирования англоязычных номинаций вымышленных персонажей, фигурирующих в пространстве фэнтезийных видеоигр. Произведены инвентаризация, систематизация и классификация данных языковых единиц.

Ключевые слова: антропонимы, квазиантропонимы, видеоигры фэнтези-сеттинга, степень вымышленности, семантические параметры, англоязычный компьютерно-игровой дискурс.

Для цитирования: Захарова, Д. В. Семантические особенности квазиантропонимов в текстах англоязычных фэнтезийных видеоигр / Д. В. Захарова, Л. М. Бондарева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 47-55. – DOI: 10.37482/2687-1505-V320.

Original article

Semantic Peculiarities of Quasi-Anthroponyms in the Texts of English-Language Fantasy Video Games

Dina V. Zakharova¹✉

Lyudmila M. Bondareva²

^{1,2}Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

¹e-mail: dina.zakharova13@gmail.com✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-8359>

²e-mail: bondareva.koenig@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9631-0860>

Abstract. The article presents an analysis of the semantic parameters of quasi-anthroponyms utilized in English-language accompanying texts for fantasy computer games. As a first step, we developed an approach to clarify the term *quasi-anthroponym*, which had been subject to various interpretations in scholarly publications. Quasi-anthroponyms are defined here as names of animated fictional objects that function as characters within the virtual worlds of video games. Taking into account the correlation between real and fictional elements, fantasy characters are categorized based on the degree of their fictionality. Quasi-anthroponyms naming characters of highly fictional game universes are classified into three major groups according to their semantic potential. The primary semantic parameters underlying this classification include indications of the character's appearance, specific characteristics and combinations of certain features, such as the character's functions in the game universe. The significance of this research lies in expanding the field of anthroponymic studies by incorporating relevant language material from virtual game discourse. Moreover, the practical implications are demonstrated through the potential use of these findings in lectures and seminars on contemporary English lexicology and stylistics, as well as in the analysis of texts of fantasy video games in language teaching. This aligns with the growing trend towards gamification of modern educational practices. Ultimately, this study establishes substantive criteria underlying the creation of English-language names for fictitious characters in the realm of fantasy video games. In addition, inventorization, systematization and classification of these linguistic units were conducted.

Keywords: *anthroponyms, quasi-anthroponyms, fantasy video games, degree of fictionality, semantic parameters, English-language videogame discourse.*

For citation: Zakharova D.V., Bondareva L.M. Semantic Peculiarities of Quasi-Anthroponyms in the Texts of English-Language Fantasy Video Games. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 47–55. DOI: 10.37482/2687-1505-V320

Введение. Цель настоящей статьи – разработка семантической классификации квазиантропонимов, функционирующих в текстах англоязычных фэнтезийных видеоигр (ФВИ). Достижение указанной цели обеспечивается решением следующих задач: осуществить отбор и систематизацию релевантных языковых единиц, проанализировать семантический потенциал выявленных квазиантропонимов и установить ведущие параметры их значения.

В качестве объекта исследования выступают номинации вымышленных персонажей, репрезентированных в сопроводительных текстах ФВИ «Pokemon», «Adventure Time Card Wars» и «Temtem».

Актуальность выбранной темы обусловлена обращением к проблеме взаимосвязи языка и виртуальной действительности, о наличии которой свидетельствует появление в языковом пространстве ряда новых понятий и соответствующих номинаций, связанных с выходом игровых миров за пределы виртуальной реальности. Рассмотрение субстанциальных параметров наименований игровых персонажей, интегрированных в материальную действительность из вымышленных миров, способствует углублению представлений о механизмах номинативных процессов в ходе когнитивной деятельности человека.

Научная новизна состоит в осуществлении инвентаризации и классификации англоязычных квазиантропонимов игровых персонажей на основе анализа семантической структуры подразумеваемых номинаций.

Методология исследования. Определяется результатами анализа ряда научных работ, которые посвящены проблемам антропонимики [1; 2] и семантики [3; 4], связанным с рассмотрением вопроса о значимости имен собственных, а также некоторых переводоведческих публикаций [5; 6], содержащих анализ особенностей перевода наименований персонажей в художественной литературе и компьютерных играх жанра фэнтези.

Для достижения поставленной цели и решения вытекающих из нее задач в процессе рабо-

ты применялись методы дефиниций, сплошной выборки и семантического анализа. Первый использовался для выделения квазиантропонимов в отдельную автономную группу онимов в связи с отсутствием однозначной трактовки данного понятия в рамках современных лингвистических исследований. Второй позволил сформировать корпус релевантных языковых единиц путем отбора наименований из англоязычных ФВИ. При помощи третьего установлены содержательные параметры квазиантропонимов с позиций учета референциальной соотнесенности данных номинаций с объектом номинирования.

Результаты исследования. В рамках антропоцентрически ориентированной парадигмы лингвистического мышления в фокус внимания ученых нередко попадают наименования вымышленных одушевленных персонажей, функционирующих в художественной литературе жанра фэнтези и сопроводительных текстах ФВИ, что обусловлено процессом активной интеграции элементов вымышленных миров в ментальное пространство современного социума. Перспективность подобных исследований представляется достаточно очевидной, поскольку, как отмечают некоторые ученые, в частности О.А. Степовая, любые имена собственные содержат определенное, зашифрованное их создателем сообщение, или «свернутый текст» [3].

Для описания наименований фэнтезийных существ, представленных в пространстве виртуальной действительности и сфере художественной литературы, нередко используется термин «квазиантропоним», который получает неоднозначную трактовку в соответствующих научных публикациях. На наш взгляд, в целях уточнения терминологического статуса данного понятия следует предварительно обратиться к рассмотрению характера его взаимоотношений с такими узуальными номинациями, как «антропоним», «значимый антропоним» и «литературный антропоним».

Как известно, в целом под антропонимами понимают собственные имена людей, однако в исследованиях наряду с термином «антропоним»

нередко встречается понятие «значимый антропоним». Значимость антропонимов является дискуссионным вопросом: логики, философы и некоторые лингвисты неоднократно подвергали сомнению наличие у наименований людей смысловой составляющей. Однако некоторые ученые, например Д.М. Федотова, ссылаются на противоположное мнение Ю.Н. Тынянова, считавшего, что в художественном произведении нет неговорящих имен [4].

Несмотря на то, что традиционно к антропонимам причисляются только человеческие имена, список которых пополняется с небольшой скоростью, ряд исследователей использует термин «антропонимы» применительно к вымышленным существам, лишь отдаленно похожим на человека.

В данном русле К.Р. Зеленко в статье, посвященной переводу антропонимов в компьютерных играх, апеллирует к номинации *Lisrythe Bloodwatch* (Лизрита Кровавый Взор), которая функционирует в англоязычной игре «World of Warcraft» и референциально соотносится с неигровым прямоходящим существом [5, с. 89]. Этот персонаж подобен человеку с точки зрения наличия необходимого количества конечностей, но отличается от привычного нам образа длиной и формой ушей, цветом кожи и строением глаз (в них нет белков и зрачков). Данная номинация выходит за рамки узальной трактовки понятия «антропоним».

Следует добавить, что кроме термина «антропоним» в соответствующих научных трудах, связанных с анализом художественных текстов, упоминается «литературный антропоним». При этом к литературным антропонимам причисляются имена людей, созданных воображением писателя и включенных им в текст литературно-художественного произведения [1; 6]. Однако Г.А. Силаева полагает, что литературные антропонимы подразумевают «не только созданные писателем имена собственные, но и имена реальных исторических лиц, являющихся действующими лицами произведения», поскольку исторические лица в художественном произведении заключают в себе черты образа

автора, играют роль в авторском замысле и влияют на формирование ономастикона произведения [1, с. 156]. В соответствии с данным суждением реальные антропонимы приобретают в рамках художественного текста статус литературных.

В контексте настоящих рассуждений необходимо отметить то обстоятельство, что соотношение интерпретируемой реальности и вымысла непосредственно при изображении исторических фигур в нефикциональных и фикциональных текстах является величиной неопределенной. Как констатирует Л.М. Бондарева, есть несколько точек зрения на характер взаимосвязи историографии и литературы в целом: ряд ученых подвергает сомнению принципиальные различия между этими понятиями; представители другого мнения, проводя многочисленные параллели между историографией и литературой, одновременно указывают на существующие в данном плане различия; третьи говорят о наличии четкой границы между историографическими и литературно-художественными источниками [7, с. 70–71].

Мы полагаем, что, вне зависимости от сюжетных поворотов, имена исторических личностей в художественном произведении все же не лишаются своей реальной исторической основы, а следовательно, остаются реальными антропонимами. Вследствие этого уравнивание терминов «антропоним» и «литературный антропоним» в данном контексте, на наш взгляд, является нецелесообразным.

Не менее дискуссионный характер имеет термин «квазиантропоним», который также встречается в научных публикациях, впрочем, не так часто в связи с достаточно ограниченным количеством исследований, посвященных указанной проблеме.

В процессе анализа соответствующей научной литературы нами было установлено, что в настоящее время существует три подхода к определению квазиантропонима.

Согласно первому квазиантропоним может быть приравнен к понятию «антропоним», о чем пишет, в частности, М.А. Питолина. Ис-

следователь выделяет в группе квазиантропонимов 7 подгрупп: личные имена, прозвища, дигнитонимы, патронимы, названия титулов, фамилии, наследственные семейные наименования, прибавляемые к личным именам и переходящие от отца или матери к детям [8, с. 119]. Эти подгруппы полностью идентичны классам антропонимов в их традиционном понимании. Характерно, что дигнитонимы в качестве класса обычных антропонимов упоминаются в исследованиях Н.В. Подольской¹ и С.Н. Смольникова [2].

С точки зрения второго подхода термин «квазиантропоним» относится к номинациям вымышленных человекоподобных существ любого рода. В процессе исследования приемов передачи на русский язык подобных квазиантропонимов, употребляющихся в тексте романа Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец», Е.М. Божко упоминает такие лексические единицы, как *Gollum*, *Anarion*, *Finrod*, *Gandalf*, *Daddy Twofoot*, *Sandyman* [9, с. 244]. Важно отметить, что почти все перечисленные наименования принадлежат персонажам, внешне почти не отличающимся от людей, а герой по имени *Gollum* (Голлум) в принципе является антропоморфным созданием, бывшим некогда хоббитом². В данном случае квазиантропонимы, как и антропонимы, называют людей и других человекоподобных созданий, существующих в вымышленных мирах. Таким образом, выделение подобных номинаций в качестве автономной группы квазиантропонимов не представляется нам достаточно убедительным, поскольку эти лексемы, по сути, являются литературными антропонимами.

По нашему мнению, адекватным решением вопроса о сущности понятия «квазиантропоним» может служить подход, в рамках которого квазиантропонимы приобретают автономный статус в системе онимов и референциально соотносятся с антропоморфными вымышленными

ми одушевленными объектами, отличающимися от человека и являющимися исключительно плодами авторской фантазии.

Безусловно, при подобной трактовке анализируемой проблемы целесообразно учитывать *степень фикциональности* вымышленных персонажей, фигурирующих в текстах жанра фэнтези и ФВИ. К героям с низкой степенью фикциональности можно отнести человекоподобных существ, почти неотличимых от людей (например, представители расы «хоббиты» в произведениях Дж.Р.Р. Толкина). Средней степенью фикциональности обладают персонажи, имеющие не только схожие с человеком черты, но и одновременно убедительные характеристики, выдающие их «нечеловеческое» происхождение (например, уже упомянутый персонаж *Lisrythe Bloodwatch* из ФВИ «World of Warcraft»).

Однако наивысшей степенью фикциональности отличаются представители третьей категории, которые весьма отдаленно напоминают человеческий образ и имеют лишь некоторые антропоморфные черты. Следует указать, что именно данная группа квазиантропонимов является предметом нашего научного интереса. В процессе исследования текстов англоязычных ФВИ «Pokemon» и «Adventure Time Card Wars» нами была установлена возможность классификации таких номинаций по следующим семантическим параметрам: внешний вид, характеристика и комбинированный, или смешанный, тип значения, объединяющий в себе целый ряд релевантных признаков персонажей [10, с. 5–11].

При рассмотрении квазиантропонимов, созданных на основе параметра «внешний вид» (47 % грифонимов, что соответствует 560 наименованиям из 1190 выявленных языковых единиц), достаточно показательным является наименование персонажа из ФВИ «Pokemon»,

¹Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

²Антропоморфный – это животное с чертами человека или все же наоборот? // FB. URL: <https://fb.ru/article/196307/antropomorfnyy---eto-jivotnoe-s-chertami-cheloveka-ili-vse-je-naoborot> (дата обращения: 15.07.2022).

а именно существа *Bulbasaur*³ (Бульбазавр), которое представляет собой динозавра мятлого цвета с луковицей, растущей на спине. Внешний облик этого персонажа отражается в его названии: номинация *Bulbasaur* образована при помощи блендинга (*bulb* – луковица и *dinosaur* – динозавр).

По аналогичной модели создан квазиантропоним *Ugly Tree* (Дерево-Урод) из игры «Adventure Time Card Wars»⁴, номинирующий персонажа, представляющего собой одушевленное дерево с редкой листвой и пугающими отверстиями, напоминающими искривленные гримасой глаза и рот.

Вторую группу квазиантропонимов, принадлежащих персонажам с высокой степенью фикциональности, составляют номинации, референциально соотносящиеся с характеристикой героев. Семантический параметр «характеристика» присущ 17 % грифонимов, или 202 наименованиям. Такой характеристикой могут являться, в частности, личностные качества персонажа и его раса. Например, имя покемона *Gengar*⁵ (Генгар) восходит к немецкому слову *Doppelgänger*, обозначающему демонического двойника человека. В ФВИ Генгар, в полном соответствии со своим именем, является представителем демонической расы и обнаруживает склонность зло подшучивать над окружающими.

Подобным примером квазиантропонима, передающего характеристику фэнтезийного персонажа, служит наименование *Snorlax*⁶ (Снорлак) из игры «Pokemon», образованное путем объединения редуцированной формы англоязычной лексемы *snore* (храпеть) и прилагательного *lax* (вялый, ленивый). Первый компонент имени отражает особенности жизни персонажа,

который после плотной трапезы всегда отправляется ко сну, а второй компонент акцентирует отсутствие желания проявлять излишнюю активность.

Самой репрезентативной группой квазиантропонимов в исследуемых ФВИ оказались номинации, созданные на основе семантического параметра «комбинированный тип значения» (36 %, т. е. 428 наименований). Она объединяет главным образом такие сочетания значений, как «внешний вид + характеристика», «внешний вид + функция», а также «характеристика + функция». Примером сочетания параметров «внешний вид» и «функция» может служить имя персонажа из игры «Adventure Time Card Wars» *Fisher Fish*⁷ (Рыба-Рыбак), который изображен в форме рыбы, сидящей на камне с удочкой и ловящей в реке себе подобных. В данном случае имя героя указывает на его внешний вид и род деятельности – занятие рыбалкой.

Следующим примером квазиантропонима с комбинированным параметром значения является наименование *Noxolotl*⁸ (Ноксолотль) из ФВИ «Temtem», которое принадлежит герою, представляющему собой розово-фиолетовое вымышленное морское создание, отдаленно напоминающее аксолотля – представителя класса земноводных. В имени персонажа содержится указание на его внешний облик и характеристику: одна часть номинации соответствует первому компоненту – прилагательному *noxious* (ядовитый), что свидетельствует о свойствах этого фэнтезийного создания, имеющего токсичный кожный покров, а другая часть – образована от усеченного научного названия соответствующей биологической особи (*axolotl* – аксолотль).

³Bulbasaur // Pokémon Wiki. URL: <https://pokemon.fandom.com/wiki/Bulbasaur> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴Ugly Tree // Card Wars Wiki. URL: https://cardwars.fandom.com/wiki/Ugly_Tree (дата обращения: 07.02.2023).

⁵Gengar // Pokémon Wiki. URL: <https://pokemon.fandom.com/wiki/Gengar> (дата обращения: 07.02.2023).

⁶Snorlax // Pokémon Wiki. URL: <https://pokemon.fandom.com/wiki/Snorlax> (дата обращения: 07.02.2023).

⁷Fisher Fish // Card Wars Wiki. URL: https://cardwars.fandom.com/wiki/Fisher_Fish (дата обращения: 07.02.2023).

⁸Noxolotl // Temtem Wiki. URL: <https://temtem.fandom.com/wiki/Noxolotl> (дата обращения: 07.02.2023).

Особого интереса заслуживает в контексте настоящих рассуждений имя покемона *Gloom*⁹ (Глум), которое содержит информацию о внешнем облике и внутреннем состоянии персонажа. Мы полагаем, что данная номинация образована путем слияния лексем *bloom* (цветение/цвести) и *gloom* (уныние). Основанием для соотносительности квазиантропонима *Gloom* со словом *bloom* можно считать внешний облик персонажа, поскольку на его голове растет несколько листьев коричневого цвета. Не случайно и видимое созвучие данного имени собственного и существительного *glute*, референциально соотносящегося в английском языке с типом листа в анатомии травянистого растения. Вторая часть квазиантропонима явно указывает на настроение героя, сохраняющего во всех ситуациях унылое выражение лица.

Заключение. На основании сравнительно-сопоставительного анализа подходов современных лингвистов к трактовке термина «квазиантропоним» мы полагаем правомерным подразумевать под ним наименования одушевленных объектов, фигурирующих в фэнтезийных текстах и обладающих на фоне отдельных антропоморфных признаков целым рядом специфических нестандартных характеристик, обнаруживающих принадлежность данных существ к альтернативному миру.

При исследовании квазиантропонимов в текстах англоязычных ФВИ представляется целесообразным учитывать различную степень фикци-

ональности их носителей. Квазиантропонимы, принадлежащие персонажам с высокой степенью вымышленности, в соответствии со своим семантическим потенциалом могут быть классифицированы следующим образом: содержащие указание на внешний вид персонажей, на их характеристику или на комбинацию указанных и иных признаков. Наибольшим многообразием отличается комбинированный тип квазиантропонимов, включающий в себя номинации, которые несут комплексную информацию о персонажах игровых вселенных («внешний вид + характеристика», «внешний вид + функция», «характеристика + функция»).

Обобщая все вышесказанное, мы приходим к выводу о необходимости учета при изучении фэнтезийных квазиантропонимов их богатого семантического потенциала, что может способствовать углублению представлений об особенностях процесса номинирования в пространстве виртуального дискурса и более активному развитию процесса геймификации в системе современных образовательных структур.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в создании базы данных квазиантропонимов, репрезентированных в текстах ФВИ. Такая база может быть использована для интенсификации обработки большого объема данных и последующего упрощения генерации искусственным интеллектом подобных наименований, необходимых для структурирования текстового пространства новых игровых вселенных.

Список литературы

1. Силаева Г.А. О содержании понятия «литературный антропоним» // Русская ономастика: респ. сб. Рязань, 1977. С. 152–156.
2. Смольников С.Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 23–35.
3. Степовая О.А. Имя собственное как свернутый текст: к постановке проблемы // Филология и человек. 2014. № 4. С. 127–131.
4. Федотова Д.М. Имена собственные и онимы в художественном тексте // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманит. науки. 2016. № 13(752). С. 107–115.

⁹Gloom // Pokémon Wiki. URL: <https://pokemon.fandom.com/wiki/Gloom> (дата обращения: 07.02.2023).

5. Зеленько К.Р. Перевод антропонимов в компьютерных играх на примере “World of Warcraft” // Науч. журн. 2017. № 4(17). С. 88–90.

6. Фомин А.Г., Чоботар В.И. Особенности перевода антропонимов в литературе и компьютерных играх жанра фэнтези // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2019. Т. 21, № 2(78). С. 558–564. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-558-564>

7. Бондарева Л.М. Историография и литература: союз или симбиоз? // Слово.ру: балт. акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 66–75.

8. Питолина М.А. Особенности квазиантропонимов в художественном тексте (на материале произведений Дж.Р.Р. Толкина) // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей: сб. науч. ст. / под ред. Г.Р. Власян, М.А. Самковой. Челябинск: Энциклопедия, 2019. Вып. 4. С. 117–121.

9. Божко Е.М. Анализ приемов передачи квазиреалий в переводе на русский язык романа Джона Р.Р. Толкина «Властелин Колец», выполненном А.А. Грузбергом // Вестн. ЧГПУ. 2010. № 1. С. 238–248.

10. Бондарева Л.М., Захарова Д.В. Грифонимы как объект лингвистического исследования // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021. № 1. С. 5–11.

References

1. Silaeva G.A. O sodержanii ponyatiya “literaturnyy antroponim” [On the Content of the Concept of Literary Anthroponym]. *Russkaya onomastika* [Russian Onomastics]. Ryazan, 1977, pp. 152–156.

2. Smol’nikov S.N. Aktual’naya i potentsial’naya russkaya antroponimiya [Current and Potential Russian Anthroponyms]. *Voprosy onomastiki*, 2005, no. 2, pp. 23–35.

3. Stepovaya O.A. Imya sobstvennoe kak svernutyu tekst: k postanovke problemy [Proper Name as a Reduced Text: Formulating the Problem]. *Filologiya i chelovek*, 2014, no. 4, pp. 127–131.

4. Fedotova D.M. Imena sobstvennyye i onimy v khudozhestvennom tekste [Proper Names and Onyms in the Literary Text]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 13, pp. 107–115.

5. Zelen’ko K.R. Perevod antroponimov v komp’yuternykh igrakh na primere “World of Warcraft” [Translation of Anthroponyms in Computer Games Using *World of Warcraft* as an Example]. *Nauchnyy zhurnal*, 2017, no. 4, pp. 88–90.

6. Fomin A.G., Chobotar V.I. Anthroponyms in Fantasy Fiction and Computer Games: Approaches to Translation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, vol. 21, no. 2, pp. 558–564 (in Russ.). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-558-564>

7. Bondareva L.M. Historiography and Literature: An Alliance or a Symbiosis? *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2017, vol. 8, no. 2, pp. 66–75 (in Russ.).

8. Pitolina M.A. Osobennosti kvaziantroponimov v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedeniy Dzh.R.R. Tolkina) [Specific Features of Quasi-Anthroponyms in a Literary Text (Based on the Works of J.R.R. Tolkien)]. Vlasyan G.R., Samkova M.A. (eds.). *Aktual’nye problemy lingvistiki: vzglyad molodykh issledovateley* [Current Issues of Linguistics: An Outlook of Young Researchers]. Chelyabinsk, 2019, no. 4, pp. 117–121.

9. Bozhko E.M. Analiz priemov peredachi kvazirealiy v perevode na russkiy yazyk romana Dzhona R.R. Tolkina “Vlastelin Kolets”, vypolnennom A.A. Gruzbergom [Analysis of Ways to Render Quasi-Realias in the Russian Translation of the Novel “The Lord of the Rings” by John R.R. Tolkien, Carried Out by A.A. Gruzberg]. *Vestnik ChGPU*, 2010, no. 1, pp. 238–248.

10. Bondareva L.M., Zakharova D.V. Grifonimy kak ob’ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Griphonyms as a Subject of Linguistic Research]. *Vestnik Baltiyskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2021, no. 1, pp. 5–11.

Информация об авторах

Д.В. Захарова – старший преподаватель, образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (адрес: 236000, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56а).

Л.М. Бондарева – доктор филологических наук, доцент, профессор образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (адрес: 236000, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56а).

Information about the authors

Dina V. Zakharova, Senior Lecturer, Education and Research Cluster “Institute of Education and the Humanities”, Immanuel Kant Baltic Federal University (address: ul. Chernyshevskogo 56a, 236000, Kaliningrad, Russian Federation).

Lyudmila M. Bondareva, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Education and Research Cluster “Institute of Education and the Humanities”, Immanuel Kant Baltic Federal University (address: ul. Chernyshevskogo 56a, 236000, Kaliningrad, Russian Federation).

Поступила в редакцию 17.07.2023

Одобрена после рецензирования 05.12.2023

Принята к публикации 07.12.2023

Submitted 17 July 2023

Approved after reviewing 5 December 2023

Accepted for publication 7 December 2023

Горшунов Ю.В.

Эвфемизмы и дисфемизмы английского языка на тему физиологии женщины (беременность и роды)

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 56–67.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 56–67.

Научная статья

УДК 811.111:81'373.49

DOI: 10.37482/2687-1505-V322

Эвфемизмы и дисфемизмы английского языка на тему физиологии женщины (беременность и роды)

Юрий Владимирович Горшунов

Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий, Бирск, Россия,

e-mail: gorshunov_@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4389-4385>

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть некоторые распространенные эвфемизмы и дисфемизмы английского языка на тему женской физиологии на примере зачатия, беременности и родов, проследить пути их создания и представить социокультурный комментарий с акцентом на эвфемистические маркеры в английском языке новейшего времени. Актуальность исследования определяется тем фактом, что эвфемизмы на тему женской физиологии изучены достаточно поверхностно. Анализ с позиции рифмованного сленга представляет новое и перспективное направление в области эвфемии. Методы исследования определяются целью и задачами работы. Основной метод – описательный – реализован в приемах систематизации, обобщения и интерпретации языкового материала. Лингвистические методы включают контекстный анализ и семантическую интерпретацию. Тема физиологии женщины освещается на примерах выражений, характеризующих зачатие, контрацепцию, беременность и роды, которые были отобраны из авторитетных словарей эвфемизмов, общего и рифмованного сленга и англоязычной художественной литературы. Выполнена тематическая классификация эвфемизмов (беременность как особое состояние, беременность как период ожидания, беременность с акцентом на зачатие, беременность как увеличение размера живота, беременность как источник неприятностей, беременность как случайность). Представлены способы и приемы создания характеризуемых номинаций. В качестве нового перспективного сектора функционирования эвфемизмов и дисфемизмов на тему физиологии женщины отмечен рифмованный сленг, для которого эвфемистическая функция является одной из основных. Базовые положения и выводы статьи могут быть использованы при освещении проблем эвфемии и дисфемии в лекциях и семинарах по теории языка, лексикологии, стилистике, интерпретации текста, межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: эвфемизм, дисфемизм, рифмованный сленг, физиология женщины, зачатие, беременность, контрацепция, роды.

Для цитирования: Горшунов, Ю. В. Эвфемизмы и дисфемизмы английского языка на тему физиологии женщины (беременность и роды) / Ю. В. Горшунов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 56-67. – DOI: 10.37482/2687-1505-V322.

Original article

English Euphemisms and Dysphemisms Relating to Female Physiology (Pregnancy and Childbirth)

Yuriy V. Gorshunov

Birsk Branch, Ufa University of Science and Technology, Birsk, Russian Federation,

e-mail: gorshunov_@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4389-4385>

Abstract. This article aimed to study some common English euphemisms and dysphemisms on female physiology as exemplified by conception, pregnancy and childbirth, to describe the ways of creating such words and expressions, as well as to provide a sociocultural commentary on the euphemistic markers in contemporary English. The research is relevant due to the fact that euphemisms relating to female physiology have been studied rather superficially. Analysis from the viewpoint of rhyming slang represents a new and promising area in the field of euphemisms. The research methods are determined by the purpose and objectives of the study. The key method is descriptive, implemented using systematization, generalization and interpretation of language material. The linguistic methods include contextual analysis and semantic interpretation. The topic of women's physiology is represented by expressions characterizing conception, contraception, pregnancy and childbirth that were selected from authoritative dictionaries of euphemisms and general and rhyming slang, as well as English-language fiction. The euphemisms were classified thematically (pregnancy as a special condition, pregnancy as an expectancy period, pregnancy with an emphasis on conception, pregnancy as an increase in the size of the belly, pregnancy as a source of trouble, and pregnancy as an accident). Techniques and means for creating euphemisms under study are presented. Rhyming slang, whose major function is euphemistic, is highlighted as a new promising sector of the functioning of euphemisms and dysphemisms referring to female physiology. The main points and conclusions of the article can be used when presenting the problems of euphemisms and dysphemisms in lectures and seminars on the theory of language, lexicology, stylistics, text interpretation, and intercultural communication.

Keywords: *euphemism, dysphemism, rhyming slang, female physiology, conception, pregnancy, contraception, childbirth.*

For citation: Gorshunov Yu.V. English Euphemisms and Dysphemisms Relating to Female Physiology (Pregnancy and Childbirth). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 56–67. DOI: 10.37482/2687-1505-V322

Проблемы эвфемии и эвфемизации, различные аспекты изучения эвфемизмов и дисфемизмов на материале разноструктурных языков (например, русского [1–3], английского [4–6], немецкого [7; 8], французского [9; 10] и др.) и в сопоставительном плане [11–13] отражены в многочисленных исследованиях. На материале современного английского языка эвфемизмы описывались и детально характеризовались в контексте культурной истории, с точки зрения их популярности и использования [14],

как средство манипулирования в языке средств массовой информации [15], как часть фразеологического фонда [16] и др. Предметом изучения были функционирование данных единиц в различных дискурсах – военно-политическом, деловом [17; 18], семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка [19; 20], когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке [21–23] и др. Тем не менее за рамками мейнстрима остались многие интерес-

ные моменты, такие как эвфемистическое использование рифмованного сленга и тема женской физиологии и беременности, которые мы выбрали для изучения. Данная тема освещается на примерах эвфемизмов и дисфемизмов, отобранных из соответствующих словарей¹ и англоязычной художественной литературы. Исследование развивает положения, затронутые в работах [24–27]. Эвфемизмы и дисфемизмы английского языка на тему физиологии женщины касаются таких моментов, как контрацепция, зачатие ребенка, беременность и роды. Ставится цель – описать способы и приемы создания исследуемых языковых единиц, выделить основания для их тематической классификации и представить социокультурный комментарий к рассматриваемым эвфемизмам и дисфемизмам.

В английском языке акцент при описании номинаций, характеризующих беременность, смещен в сторону эвфемизмов, т. к. тема физиологии женщины относится к числу табуируемых и деликатных во многих лингвокультурах. Она вызвала к жизни массу эвфемистических номинаций, возникновение которых продиктовано причинами морального, психологического, этического и социокультурного порядка. Беременность – физиологическое состояние женщины, когда после зачатия в ее организме развивается эмбрион. Если беременность нежелательна, партнеры прибегают к «безопасному сексу», принимая меры предосторожности, используя контрацептивы или противозачаточные таблетки. Если женщина принимает противозачаточные таблетки, о ней скажут (She is) *on the pill*. Популярность этой формы контрацепции демонстрирует рифмованный сленг (РС): слово *pill* в значении «противозачаточная таблетка как форма контрацепции» рифмуется с *Benny Hill*, как во фразе “*to be on the Benny Hill*”, т. е. *on the pill*. Рифма основана на

имени английского комика Бенни Хилла, чей рискованный юмор, особенно в сериале «Шоу Бенни Хилла», имел международную популярность, т. к. этот сериал транслировался более чем в 140 странах мира. Другие ономастические рифмы – *Fanny Hill = pill*, *Harry Hill = pill* (Are you on the *Harry Hill* darling?), *Jack/Jack and Jill = pill* (My girlfriend’s on the *Jack and Jill* at last. She’s on the *Jack*). Рифма *Fanny Hill = pill* суггестивна в контексте сексуальности, поскольку Фанни Хилл – главная героиня эротического романа Джона Клиленда «Воспоминания женщины для удовольствия» (широко известного как «Фанни Хилл»), впервые опубликованного в Англии в 1748 году [27, с. 148–150]. Что касается рифмы *Harry Hill = pill*, то Гарри Хилл, на имени которого она основана, – английский комик, писатель и телеведущий, получивший премию *Peggier*. Известно, что он был сторонником одноименного футбольного клуба *Narrow Hill FC*, также известного как *Harry Hill FC*. Рифма *Jack and Jill = pill* отсылает к традиционному детскому стишку, который начинается с фразы “*Jack and Jill went up the hill...*” и указывает на двух неразлучных друзей, влюбленную пару, как в пословице “*A good Jack makes a good Jill*” [27, с. 148–149]. Таким образом, мы можем отметить рифмованный сленг в качестве нового перспективного сектора функционирования эвфемизмов и дисфемизмов на тему секса и физиологии женщины.

Эвфемизм *precautions* как альтернатива термину *contraception* отражает применение контрацептивов, помогающих избежать нежелательной беременности. Один из эвфемизмов, обозначающих противозачаточное средство, – *anti-baby medicine*. Средство, известное ненадежностью, иронично именуется *midwife’s friend*.

В целях безопасности, чтобы избежать нежелательной беременности и защититься от

¹*Holder R.W.* Oxford Dictionary of Euphemisms (How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms). Oxford: Oxford University Press, 2008. 412 p.; *Neaman J.S., Silver C.G.* The Wordsworth Book of Euphemism. Ware: Wordsworth, 1995. 409 p.; *Ayto J.* The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. Oxford: Oxford University Press, 2003. 309 p.; *Green J.* The Big Book of Rhyming Slang. London: Cassel, 2002. 334 p.; *Green J.* Cassell’s Dictionary of Slang. London: Cassel, 1998. 1316 p.; *Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д.* Англо-русский словарь сленга и ненормативной лексики. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2004. 383 с.

венерических болезней, рекомендуется пользоваться контрацептивами. Секс с использованием кондома обычно называют «защищенным сексом»: *protected sex*; *safe sex*; *safer sex*, в то время как секс без кондома – *unprotected sex*; *unsafe sex*; *a capella*; *baby gallop*; *bald journey* (о мужчине). До 1990-х годов был распространен термин *safe sex* – «безопасный секс», т. е. совокупление в презервативе. Ему на смену пришел термин *safer sex* как более точный, т. к. полностью безопасного секса не существует.

РС кодирует некоторые разговорные и сленговые обозначения кондома: *Casanova's rubber sock*, *dunkie*, *funky*, *fuck rubber*, *glove*, *johnny* и *rubber johnny*, *latex*, *rubber*, *rubber boot*, *rubber sock*, *Trojan* и др. Из приведенного списка в РС чаще всего употребляются обозначения *dunkie*, *funky*, *johnny* и *rubber* [26]. Сленговые обозначения *dunkie* и *funky* скрываются за рифмами *brass monkey* и *wise monkey*. Рифма *brass monkey* отсылает к выражению “cold enough to freeze the balls/the tail off a brass monkey”, употребляемому, когда речь идет об очень холодной погоде. Вторая рифма – *wise monkey* – вызывает в сознании образ трех мудрых обезьян, которые символизируют буддистскую идею недеяния зла, отрешенности от неистинного. Одна из обезьянок закрывает старательно лапами глаза, вторая – уши, а третья – рот: «Если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нем, то я защищен от него» [27, с. 149].

Ономастическая рифма *Reggie and Ronnie* = *Johnny*² основана на именах двух легендарных гангстеров братьев-близнецов Реджинальда и Рональда Крэй, которые в середине XX века контролировали преступный мир в Ист-Энде. В Лондоне и за его пределами близнецы были настоящими звездами – их интервью в 1965 году показывали в прямом эфире на одном из центральных каналов. Лишь в 1968 году следователи смогли насобирать нужное количество улик, на основании которых братьев приговорили к пожизненному заключению.

Совокупление с применением контрацептива скрывается за эвфемизмом *dry run*, а совокупление без презерватива – *the raw* (AAE). Мужчина, совершающий половой акт без презерватива, описывается как *bare back* или *bareback rider*; альтернативное обозначение – *baby grinder*, с намеком, что такое совокупление чревато беременностью. В прошлом, когда средства контрацепции можно было приобрести в мужских парикмахерских, у клиента могли поинтересоваться “*Will there be anything else?*”, намекая на покупку кондомов.

Многие пары практикуют «прерванный половой акт» – *coitus interruptus* – как метод предотвращения нежелательной беременности, получивший разговорные обозначения *withdrawal*, *reverse thrust* и *swerve*. Он заключается в том, что мужчина вынимает половой член до эякуляции, что передается эвфемизмами *leave before the gospel*, *swerve*, *withdraw*. Еще один малонадежный способ предотвращения нежелательной беременности – совокупление в так называемые безопасные дни – получил обозначение *Vatican roulette*.

Но иногда женщина (по разным причинам) не может забеременеть. Обеспокоенные или сочувствующие родственники и близкие друзья могут посоветовать ей обратиться к врачу-специалисту, занимающемуся проблемами бесплодия:

Lady Clementine exchanged another glance with Fanny who raised her brows. ‘There’s nothing wrong, is there? *Downstairs?*’

My first thought was she referred to our lack of housemaids; I realized her true meaning only when Fanny swallowed her cake and added eagerly, ‘There’s doctors you could see. *Ladies’ doctors.*’³

Здесь озабоченные родственники и друзья семьи употребили два эвфемизма – *downstairs* в значении «женский низ, т. е. гениталии как репродуктивный орган», и *ladies’ doctors* – «специалисты по женским болезням, по проблемами бесплодия».

²Green J. The Big Book of Rhyming Slang. P. 216; Ayto J. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. P. 100.

³Morton K. The House at Riverton. Pan Books, 2006. P. 370.

Подтверждение беременности называется дисфемистически *killing the rabbit* (букв. «умерщвление кролика»). Дисфемизм отсылает к одному из первых распространенных тестов на беременность (*rabbit test*), который проводился на крольчихах: мочу проверяемой женщины вводили самке, а через несколько дней проверяли изменения в яичниках, которые происходили в ответ на гормон, вырабатываемый только в случае беременности. Зачатие передается, к примеру, эвфемизмом *click*, означающим также нежелательную беременность.

Беременность, как мы отметили ранее, одна из самых деликатных тем. В качестве заменителей прилагательного *pregnant* наиболее употребительны эвфемизмы *in an interesting condition*, *in a delicate condition*, *in the family way*, *with a baby coming*, *(big) with child*, *expecting* и др., обычно приводимые в качестве примеров в классических учебниках по английской лексикологии, а также *awkward*, *babyed*; *clucky* (сравнение с курицей, снесшей яйцо); *full in the belly*; *full of it*; *full of heir* (ожидающая наследника; игра слов *air-hair*) и *heir-conditioned* (игра слов *air-conditioned*); *gone* (например, *6 months gone*); *in a bad state*; *in a fix*; *in for it*; *quick with child* (усмат.); *kidded*; *that way* (о незапланированной или нежелательной беременности); *wearing the belly high*; *high-bellied*; *on the hill*; *wearing the apron high* и др. Частотны следующие дисфемизмы: *bagged*; *banged up*; *belly up*; *knapped*; *knocked up*; *in pig* (усмат.); *in pod*; *in pup*; *jazzed/jazzed up*; *shot in the giblets*; *shot in the tail*; *storked*; *stork-mad*.

Беременность эвфемизируется как *bad shape*, *bad way*, *delicate condition*, *interesting condition*; ироничными *Paddy's toothache*, *Irish toothache*; *sprogdrop* (*sprog* = child). Похоже, что беззаботное, а в некоторых случаях и пренебрежительное, отношение к беременности демонстрируется через использование однокоренных слов *preg*, *preggers*, *preggy*, *prego* [25, с. 234; 27, с. 947] для обозначения беременных.

Первоначально слово *preggers*, имеющее в своем составе «оксбриджский» суффикс *-ers* и характерное для речи людей высшего или среднего класса, приобрело партнера из рабочей среды в сленге в лице рифмы *Keith Cheggars/Cheggars* = *preggers*: *Is she Keith Cheggars or just a bit on the old fat side?* Она эксплуатирует имя Кита Чегвина (*Keith Chegwin*), известного также как *Keith Cheggars*, популярного в середине 1970-х годов английского телеведущего и актера, представлявшего, в частности, программу *Cheggars Plays Pop* [25, с. 148].

Из мира животных взяты метафоричные дисфемизмы *in pup* (букв. «щенная»), *in pig* (букв. «супоросая») и *in calf* (букв. «стельная»), употребляемые в грубой речи в значении «быть беременной», мотивированные названиями детенышей некоторых животных (например, щенок, тюлененок, волчонок, лисенок – *pup*; детеныш оленя, слона, кита – *calf*).

Несерьезное или ироничное отношение к беременности передают выражения, созданные при участии языковой игры, например: *prigging* ← *prigging preggers* + *in pig*; *pu the elop* – перевертыш *up the pole*.

Нередко эвфемистическую функцию выполняют заимствования, например *enceinte* (Fr. *surrounded*). В викторианскую эпоху, как иронизируют составители словаря эвфемизмов, женщина никогда не была беременна (*pregnant*), она была *enceinte*. Один из самых элегантных способов обойти грубую житейскую правду – высказаться о ней по-французски⁴. В речи мужчин встречается эвфемизм *hors de combat* (Fr. *out of fight*; вышедший из строя (в результате ранения и т. п.)).

Назовем выражения, передающие значение «быть беременной» и указывающие на наличие плода: *have a bun in the oven*, *have a dumpling on*, *have one in the box*. Старомодный чопорно-галантный эвфемизм *lady-in-waiting*, употребляемый в шуточных или ироничных контекстах, называет беременную женщину «дамой-в-ожидании».

⁴*Neaman J.S., Silver C.G. The Wordsworth Book of Euphemism. P. 239.*

дании» (каламбур, основанный на придворном звании «фрейлина, придворная дама»).

Совокупление с беременной женщиной, в период пока позволяют размеры живота, передается дисфемизмом *beat it while the beating is good*.

Значение «забеременеть» или «зачать ребенка» передается многочисленными разговорными выражениями: *burn one's foot; catch; get caught; click; cop it (AusE); fall (усл.); get a belly bumber; get a belly buster; get knocked up; get wrong; have been playing tricks; have been sitting in the garden with the gate unlocked; hold/hold it (усл.); join the club/the pudden club/the pudding club*. О молодоженах, зачавших ребенка, могут сказать *have been doing naughty things*, а в ситуации, когда ребенок рождается раньше, чем через 9 месяцев после свадьбы, – *jump the gun*. Зачать ребенка до брака – *eat supper before you say grace*.

Помимо эвфемизмов со значением «оплодотворить женщину», например *baby sb; kid sb; boom the census (шутл.); fill sb in; fix sb in; get home; give sb the (fresh) heir (шутл.); put sb in a bad shape/in a bad way; ring the bell*, имеют хождение дисфемизмы *bang sb up; jazz sb up; knock sb up; bottle sb; seal (усл.); sew sb up (усл.); slip sb up; spoil a woman's shape; tie sb up*.

Из приведенного списка интерес в социокультурном аспекте представляет колоритный фразеологический эвфемизм *ring the bell*⁵, вызывающий ассоциацию с ярмарочным аттракционом на проверку силы, когда молотом ударяют по наковальне. При максимальной силе удара на вершине измерительного столба аттракциона звенит колокольчик. Беременность в описываемом случае – результат целенаправленных усилий со стороны мужчины.

Эвфемизмы, характеризующие беременность, поддаются тематической классификации:

1. Беременность как особое состояние, требующее бережного и заботливого отношения

к женщине, проявления внимания и почтения. Такое восприятие актуализируется выражениями: *in an interesting condition, in a delicate condition, in a delicate state of health, in the family way*. Например:

Following Jenny into the salon, he wondered how on earth somebody so slight could ever have produced a three-and-a-half-year-old son. She must have looked extraordinary when pregnant – like a very young tree with one enormous pear... with this he suddenly realized that he found pregnant women sexually attractive. By the time he reached Minerva, whose peaky face was a white towel twisted like a turban round her head, he was blushing – thank goodness his mother couldn't read his mind – she would be even more shocked than he was... she called a pregnancy *a condition* – implying that it was not a very nice one at that⁶.

Эвфемизмы с прилагательным *delicate* воспринимаются в настоящее время как несколько старомодные и чопорные.

Популярный эвфемизм *in the family way*, употребляющийся с XVII века, намекает на то, что мужчина скоро станет отцом и что беременность была незапланированной:

Arthur was delighted when I told him I was *in the family way*, because he wanted at least six babies. <...> Eight months later I gave birth to a boy, and thank god there was nothing to suggest that he wasn't Arthur's. We christened him *Harold*, which pleased my father, because it meant his name would survive for another generation⁷.

2. Беременность как период ожидания. Отражается эвфемизмами: *expectant ← expectant mother; expecting; baby-bound; anticipating; anticipating a blessed event; anticipating a vital statistics; anticipating expense; infanticipating* (шуточное выражение, созданное игрой слов *infant* + *anticipate*); *babyland shopping; rattle shopping; bassinet shopping; preparing the*

⁵Green J. The Big Book of Rhyming Slang. P. 248.

⁶Howard E.J. Getting It Right. Harmondsworth: Penguin Books, 1983. P. 134.

⁷Archer G. Only Time Will Tell. London: Pan Books, 2011. P. 104.

bassinet; waiting for the patter of little feet; full of heir (ожидающая наследника; игра слов *air-hair*); *on the nest* (AmE) (букв. «на гнезде», от малоподвижного поведения наседки); *rehearsing lullabies*.

3. Беременность с акцентом на зачатии и присутствии плода в чреве матери. Метафорически описывается эвфемизмами: *to have a bun/one in the oven* (с XVIII века слово *oven* было вульгарным обозначением наружных женских половых органов); *to have a cookie in the oven; to have a dumpling on; in the pudding club; in the spud line; to have an egg in the nest; to have a trout in the well* (IrE); *to have a joey in the pouch* (Aus. *joey* = = a baby kangaroo); *to have one in the box* (*box* – вульгарное обозначение вагины). Часто это шуточные грубоватые обороты, основанные на кулинарных метафорах, например *in the club* – сокращенная форма выражения, популярного в XVII веке, *in the pudding club*, которое является одной из многочисленных фольклорных фраз, скрывающих за кулинарной метафорой слова сексуального содержания. Слово *pudding* является устаревшим обозначением спермы и, реже, женских половых органов. Эвфемизм *join the club* означает, что женщина забеременела.

4. Беременность как увеличение размера живота. Есть несколько эвфемистических выражений, мотивированных ростом живота у беременной женщины: *to be great with child* = = *great, to be big with child* (находиться на последних месяцах беременности), *large* (*with child*), *swell*. Эти устаревшие выражения и менее почтительные эвфемизмы *full in the belly; full of it; full of heir* (ожидающая наследника); *high-bellied/high in the belly; lumpy; pillowed; pumped; double ribbed; fat* (AAE); *filled in; full of it; in the increasing way; wearing the apron high, wearing the bustle wrong* (устар.); *with a bay window; carry all before her; on the hill; obvious; thickening for something* и др. применяются по отношению к беременной женщине с большим

животом. Британский разговорный эвфемизм *show* также указывает, что женщина находится на последних сроках беременности. Эвфемизм *apron up* мотивирован тем фактом, что передник или фартук позволяет женщине до определенного времени скрывать беременность, но по мере роста живота он поднимается и беременность становится очевидной. Одно из последних добавлений рассматриваемой группы – *baby bump*.

Ряд шуточных эвфемизмов совмещают характеристики зачатия и роста живота у беременной женщины: *swallowed a seed* (*a watermelon seed, an olive seed*) (букв. «проглотил семечко (арбузное, оливковое)»). Проглотить женщина может также какой-либо иной фрукт или ягоду (*swallowed a coconut, a pumpkin, an apple*), предмет (*a pill, a quarter, train*) или даже слона (!), если живот огромен (*swallowed an elephant*).

С увеличением в объеме и указанием на срок связаны эвфемизмы *gone* и *on* (например, *6 months gone, 6 months on* – на 7-м месяце беременности); *on her way* (устар.; например, *2 months on her way*); *heavy of foot* (букв. «с тяжелой поступью») – о женщине на поздней стадии беременности.

Когда о женщине говорят, что она ест за двоих (*She is eating for two*), имеют в виду, что она беременна:

They swept her with them into a coffee shop, a greasy spoon with pretensions. Now the smell was of frying and of coffee from the big silver espresso machine.

'You'll be puckish,' Vera said. Now you're eating for two.'

And it seemed that Freya was hungry. Morgan might be vegetarian, but the girl managed a full English breakfast and a mug of tea. The sausage and bacon disappeared in seconds⁸.

5. Беременность как источник неприятностей, особенно если у женщины нет мужа. Беременность незамужней женщины в таких случаях осуждается в обществе и рассматривается как проблема. Это обстоятельство передается эвфе-

⁸Cleaves A. *Silent Voices*. London: Macmillan, 2011. P. 253.

мизмами *in trouble; in a fix* (букв. «в трудном, тяжело или безвыходном положении»); *in for it; up the spout; up the pole; up the flue; sewn up* (put in a difficult or unpleasant situation, placed in a compromising position – «в трудной или неприятной ситуации», «в компрометирующем положении»); *shot in the giblets* (giblets – гусиные или куриные потроха); *shot in the tail* (букв. «подстреленная в хвост») – бестактный многозначный каламбур *shot + + semen + tail; stung by a/the serpent* (пенис в роли змеи); *little accident; poisoned* (ААЕ).

Выражение *up the spout* первоначально имело значение «заложил заложенное» (где *spout* – ломбард и имущество, заложенное в ломбард). В переносном смысле *up the spout* означало «в безнадежном положении или состоянии; обанкротившийся» и со временем стало применяться и по отношению к беременности вне брака. Синонимичные выражения – *up the pole, up the stick* (как пошутил Р. Холдер, это то место, где, как говорят, оказывается обезьяна⁹); *up the duff; up the flue* (AusE) и др.

Наиболее распространенным эвфемизмом этой группы является *in trouble*:

“<...> She was a loose girl with no morals. Disgusting! It was some time before I found that she was what they call ‘in trouble’”¹⁰;

“And then *she got into trouble*, did she?” Tuppence said, using the well-known euphemism, hoping that it would not offend Mrs. Copleigh’s sense of propriety¹¹;

“<...> But with what girls are nowadays it’s no use speaking to them. They go their own way. And often *they live to regret it*.”

“Did Amy *live to regret it*?” asked Luke bluntly¹².

Ироничный эвфемизм *Irish toothache*, свернутый в аббревиатуру *ITA*, это еще одна шутка англичан в адрес ирландцев, намек на то, что

в Ирландии беременность – такое же рутинное событие, как зубная боль.

6. Случайная беременность, беременность по неосторожности, по оплошности (не обязательно нежелательная). Передается эвфемизмами *caught; caught with the goods; knocked up; overdue* (в результате не наступившей менструации); *click* (нежелательная беременность). Американский дисфемизм *to knock up* означает «оплодотворить, сделать беременной» или, грубо выражаясь, «обрюхатить».

Свадьба беременной невесты – ситуация не редкая и не вызывающая удивления – эвфемизируется как *off-white wedding* (в отличие от *white wedding*, «белой свадьбы») – традиционной свадебной церемонии, когда невеста одета в белое платье и фату. Белый цвет символизирует чистоту и невинность. *White wedding*, по идее, свадьба, на которой невеста – девиственница. В некоторых случаях *off-white wedding* превращается в *shotgun marriage* или *shotgun wedding* (букв. «брак под дулом пистолета») – вынужденный брак, брак по принуждению, заключаемый по требованию родителей девушки, когда они узнают о ее связи с мужчиной или беременности. Такая свадьба также передается синонимичными *military marriage, military wedding* и эвфемизмом *rush job* (букв. «срочная работа», «внеплановая работа»).

В последний месяц перед родами женщина воздерживается от совокуплений. Этот период получил название *steg month* (также *stag-month*), когда мужчина (в прошлом) относительно безнаказанно мог иметь внебрачный секс¹³.

Разрешение от бремени передается заимствованием *accouchement* (Fr. *the period of childbirth*). Эвфемизм *bed* в значении «роды» обыгрывает одну из символических ассоциаций слова *bed*, которое символизирует супру-

⁹Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms (How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms). P. 393.

¹⁰Christie A. Murder Is Easy. Pan Books, 1976. P. 47.

¹¹Christie A. By the Pricking of My Thumbs. Fontana/Collins, 1982. P. 82.

¹²Christie A. The Mousetrap and Selected Plays. London: Harper Collins Publishers, 1994. P. 113.

¹³Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms (How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms). P. 364.

жество, коитус и роды. Устаревшее выражение *be brought to bed* – общепринятый способ сообщить, что женщина разрешилась от бремени, родила ребенка: *She was brought to bed of a daughter* (Она разрешилась от бремени девочкой). Если роды протекают дома, то выражение *she's gone upstairs* означает, что роды вот-вот должны начаться.

Эвфемизмом для *childbirth* выступает *labour* – родовые муки, роды.

Эвфемизм *go down* употребляется в значении «родить», это же значение передают в грубой форме устаревшие дисфемизмы *piss bones*, *piss children*, *piss hard*, *slip a joey*, *drop a pup* австралийского происхождения, отсылающие к животному миру, и менее грубый *kitten*. О рожавшей женщине в прошлом говорили *in the straw*.

Восприятие рождения ребенка как долгожданного и радостного события отражают эвфемизмы *blessed event*, *happy event*, шуточный эвфемизм *hatch* сравнивает рождение ребенка с появлением птенца из яйца, а эвфемизм *lusty addition* представляет его как результат сладострастия.

Рождение ребенка объясняют прилетом аиста: *visit from the stork*. Акушера, принимающего роды, шуточно называют *stork doctor*. На задаваемый детьми вопрос «Откуда берутся дети?» стереотипно объясняют, что мальчиков находят под кустом крыжовника (*under a gooseberry bush*), а девочек – на грядке с петрушкой (*in a parsley bed*)¹⁴. Устаревшее выражение *parsley bed* (место, где находят новорожденных девочек) является также эвфемизмом для обозначения матки¹⁵. В российской культуре ребенка приносит аист, а детей находят в капусте.

Объясняя маленьким детям, что в семье ожидается прибавление, мать может употребить эвфемизм *a little stranger*.

Появление незаконнорожденного ребенка облекается в выражения *have a misfortune*, *meet with a misfortune*; *slip a foot* и *slip a girth*

(ассоциации с падением во время езды); дисфемистическое выражение *tender a fool*. Для обозначения внебрачного или незаконнорожденного ребенка придумана масса эвфемизмов: *accident*, *incident*, *come-by-chance*, *love child*, *doorstep baby/child* (о подкидыше); *early variety* (жаргон цветоводов); *hasty pudding*, *haystack kid* (ребенок, якобы, зачат в стоге сена или на сеновале) [27, с. 580]; *little misfortune*, *natural child*, *souvenir*; *abishag* (eep. «ошибка матери»); *bee* (о внебрачном ребенке); *blankard* (о внебрачном ребенке) (*AusE*); *sinfant* (*infant born in sin*) и др., но еще больше дисфемизмов, список которых возглавляет *bastard*, многие из которых имеют американское происхождение: *get*, *git*, *bachelor's baby*; *brierpatch child*, *bush baby*, *brush colt*, *catch-colt*, *field colt*, *woods colt*; устаревшие *by-blow*, *by-chop*, *fly-blow*, *goose egg*; *momzer*; *tisket*; *war baby* (незаконнорожденный ребенок солдата) и др. Такой ребенок *comes through the side door* или *is born on the wrong side of the blanket/on the wrong side of the covers*, *born in the vestry*.

После родов женщина кормит ребенка грудью. В романе Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд» нам встретилось ироничное и манерное описание кормления, где «питаться грудным молоком» передано эвфемистично как *derive sustenance from Nature's founts* – «получать питание (средства к существованию) от Природы, из источника, дарованного Природой»:

'The twins no longer derive their sustenance from Nature's founts – in short,' said Mr. Micawber, in one of his bursts of confidence, 'they are weaned – and Mrs. Micawber is, at present, my travelling companion'¹⁶.

Итак, мы рассмотрели некоторые распространенные эвфемизмы и дисфемизмы английского языка на тему физиологии женщины (контрацепция, зачатие, беременность, роды), выполнили их тематическую классификацию

¹⁴Holder R. W. Oxford Dictionary of Euphemisms (How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms). P. 364.

¹⁵Ibid.

¹⁶Dickens Ch. David Copperfield. London: Penguin Books, 1994. P. 218.

(беременность как особое состояние, беременность как период ожидания, беременность с акцентом на зачатие, беременность как увеличение размера живота, беременность как источник неприятностей, беременность как случайность), коснулись способов и приемов создания характеризующих номинаций, снабдив, по возможности, иллюстративными примерами употребления, заимствованными из художественной

литературы, и социокультурной информацией, отметили новый перспективный сектор функционирования эвфемизмов и дисфемизмов на тему секса и физиологии женщины – РС.

Базовые положения и выводы статьи могут быть использованы при освещении проблем эвфемии и дисфемии в лекциях и семинарах по теории языка, лексикологии, стилистике, интерпретации текста, межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Дегтярёва А.Р. Функциональная типология эвфемизмов современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2015. 265 с.
2. Мейриева А.С. Эвфемистическая лексика в современном русском языке: комплексная характеристика: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 186 с.
3. Барауля Е.А. Явление эвфемии и эвфемизмы в современном русском языке // Материалы научно-практической конференции. 16 мая 2003. Тара: ОмГПУ, 2003. С. 48–50.
4. Босчаева Н.Ц. Контекстуальная эвфемия в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 190 с.
5. Вильданова Г.А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект: моногр. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2011. 157 с.
6. Иванова О.Ф. Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 181 с.
7. Бердова Н.М. Эвфемизмы в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981. 230 с.
8. Прудывус А.Н. Эвфемизмы в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 188 с.
9. Турганбаева Л.С. Функциональная семантика эвфемизмов в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 154 с.
10. Голованова Е.Ю. Эвфемизация табуированных соматизмов: на материале французского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 216 с.
11. Арсентьева Ю.С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 177 с.
12. Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке: на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 420 с.
13. Тишина Н.В. Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 292 с.
14. Keyes R. Euphemania: Our Love Affair with Euphemisms. N. Y.: Little, Brown and Co, 2010. 279 p.
15. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 162 с.
16. Ковалева Т.А. Фразеологические эвфемизмы в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2008. 160 с.
17. Киселева С.А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе: структурно-семантический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 240 с.
18. Потапова Н.М. Эвфемизмы в языке и речи: на материале англоязычного делового дискурса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 165 с.
19. Уварова Е.А. Системная семантика английского эвфемизма: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2012. 185 с.
20. Тюрина Е.Е. Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1998. 134 с.

21. Giezek U. Euphemisms and Euphemization from the Perspective of Cognitive Linguistics // Acta Universitatis wratislaviensis. Wrocław, 2002. № 2400: Anglica wratislaviensa, № 39. P. 117–127.

22. Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопр. когнит. лингвистики. 2010. № 2(23). С. 5–11.

23. Алексикова Ю.В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2010. 163 с.

24. Горшунов Ю.В. Эвфемизмы и дисфемизмы на тему прерывания беременности // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Бирск: Бирск. фил. БашГУ, 2020. Вып. 14. С. 42–47.

25. Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Английские эвфемизмы и дисфемизмы на тему физиологии женщины (менструация) // Австрийск. журн. гуманит. и обществ. наук. 2020. № 9-10. С. 33–42. <https://doi.org/10.29013/AJH-20-9.10-33-42>

26. Горшунов Ю.В. Тема контрацепции в общем и рифмованном сленге // Междунар. науч.-исслед. журн. 2023. № 4(130). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.130.18>

27. Горшунов Ю.В. Эвфемизмы в рифмованном сленге: моногр. (на англ.). = Euphemistic Uses of Rhyming Slang: Monograph. Бирск: БФ БашГУ, 2016. 256 с.

References

1. Degtyareva A.R. *Funktsional'naya tipologiya evfemizmov sovremennogo russkogo yazyka* [Functional Typology of Euphemisms in the Modern Russian Language: Diss.]. Kemerovo, 2015. 265 p.

2. Meyrieva A.S. *Evfemisticheskaya leksika v sovremennom russkom yazyke: kompleksnaya kharakteristika* [Euphemistic Vocabulary in Modern Russian: A Comprehensive Characteristics: Diss.]. Stavropol, 2004. 186 p.

3. Baraulya E.A. Yavlenie evfemii i evfemizmy v sovremennom russkom yazyke [The Phenomenon of Euphemism and Euphemisms in the Modern Russian Language]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of a Research to Practice Conference]. Tara, 2003, pp. 48–50.

4. Boschaeva N.Ts. *Kontekstual'naya evfemiya v sovremennom angliyskom yazyke* [Contextual Euphemisms in Modern English: Diss.]. Leningrad, 1989. 190 p.

5. Vil'danova G.A. *Evfemiya i printsip vezhlivosti v sovremennom angliyskom yazyke: gendernyy aspekt* [Euphemism and the Principle of Politeness in Modern English: The Gender Aspect]. Birsik, 2011. 157 p.

6. Ivanova O.F. *Evfemisticheskaya leksika angliyskogo yazyka kak otrazhenie tsennostey angloyazychnykh kul'tur* [Euphemistic Vocabulary of the English Language as a Reflection of the Values of English-Language Cultures: Diss.]. Moscow, 2004. 181 p.

7. Berdova N.M. *Evfemizmy v sovremennom nemetskom yazyke* [Euphemisms in Modern German: Diss.]. Kiev, 1981. 230 p.

8. Prudyvus A.N. *Evfemizmy v sovremennom nemetskom yazyke* [Euphemisms in Modern German: Diss.]. St. Petersburg, 2006. 188 p.

9. Turganbaeva L.S. *Funktsional'naya semantika evfemizmov v sovremennom frantsuzskom yazyke* [Functional Semantics of Euphemisms in Modern French: Diss.]. Moscow, 1989. 154 p.

10. Golovanova E.Yu. *Evfemizatsiya tabuirovannykh somatizmov: na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Euphemization of Taboo Somatisms: Based on the Material of the French and Russian Languages: Diss.]. Ufa, 2005. 216 p.

11. Arsent'eva Yu.S. *Frazeologizmy-evfemizmy v angliyskom i russkom yazykakh* [Phraseological Euphemisms in the English and Russian Languages: Diss.]. Kazan, 2012. 177 p.

12. Porokhnitskaya L.V. *Kontseptual'nye osnovaniya evfemii v yazyke: na materiale angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo i ital'yanskogo yazykov* [Conceptual Bases of Euphemisms in a Language: Based on the Material of English, German, French, Spanish and Italian: Diss.]. Moscow, 2014. 420 p.

13. Tishina N.V. *Natsional'no-kul'turnye osobennosti evfemii v sovremennom angliyskom i russkom yazyke* [National and Cultural Features of Euphemisms in Modern English and Russian: Diss.]. Moscow, 2006. 292 p.

14. Keyes R. *Euphemia: Our Love Affair with Euphemisms*. New York, 2010. 279 p.

15. Baskova Yu.S. *Evfemizmy kak sredstvo manipulirovaniya v yazyke SMI: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Euphemisms as a Manipulation Means in the Language of Mass Media: Based on the Russian and English Languages: Diss.]. Krasnodar, 2006. 162 p.

16. Kovaleva T.A. *Frazeologicheskie evfemizmy v sovremennom angliyskom yazyke* [Phraseological Euphemisms in Modern English: Diss.]. Kolomna, 2008. 160 p.

17. Kiseleva S.A. *Funktsionirovanie evfemizmov v sovremennom angliyskom voenno-politicheskom diskurse (strukturno-semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty)* [Functioning of Euphemisms in Modern English Politico-Military Discourse (Structural-Semantic and Pragmatic Aspects): Diss.]. Moscow, 2015. 240 p.
18. Potapova N.M. *Evfemizmy v yazyke i rechi: na materiale angloyazychnogo delovogo diskursa* [Euphemisms in Language and Speech: Based on the Material of English-Language Business Discourse: Diss.]. Moscow, 2008. 165 p.
19. Uvarova E.A. *Sistemnaya semantika angliyskogo evfemizma* [The Systematic Semantics of English Euphemisms: Diss.]. Tula, 2012. 185 p.
20. Tyurina E.E. *Semanticheskiy status evfemizmov i ikh mesto v sisteme nominativnykh sredstv yazyka: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka* [Semantic Status of Euphemisms and Their Place in the System of Naming Means of a Language: On the Material of Modern English: Diss.]. Nizhny Novgorod, 1998. 134 p.
21. Giezek U. Euphemisms and Euphemization from the Perspective of Cognitive Linguistics. *Acta Universitatis wratislaviensis*. Wrocław, 2002, no. 2400: *Anglica wratislaviensa*, no. 39, pp. 117–127.
22. Boldyrev N.N., Aleksikova Yu.V. Kognitivnyy aspekt evfemizatsii (na materiale angliyskogo yazyka) [Cognitive Aspect of Euphemization (Based on the Material of the English Language)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2010, no. 2, pp. 5–11.
23. Aleksikova Yu.V. *Kognitivnye osnovy formirovaniya evfemizmov v sovremennom angliyskom yazyke* [Cognitive Bases of the Formation of Euphemisms in Modern English: Diss.]. Tambov, 2010. 163 p.
24. Gorshunov Yu.V. Evfemizmy i disfemizmy na temu preryvaniya beremennosti [Euphemisms and Dysphemisms on the Termination of Pregnancy]. *Yazyk i literatura v polikul'turnom prostranstve* [Language and Literature in a Multicultural Space]. Birk, 2020. Iss. 14, pp. 42–47.
25. Gorshunov Yu.V., Gorshunova E.Yu. Angliyskie evfemizmy i disfemizmy na temu fiziologii zhenshchiny (menstruatsiya) [English Euphemisms and Dysphemisms on the Topic of the Physiology of Women (Menstruation)]. *Avstriyskiy zhurnal gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2020, no. 9-10, pp. 33–42. <https://doi.org/10.29013/AJH-20-9.10-33-42>
26. Gorshunov Yu.V. Tema kontratseptsii v obshchem i rifmovannom slenge [The Topic of Contraception in General and Rhyming Slang]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2023, no. 4. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.130.18>
27. Gorshunov Yu.V. *Euphemistic Uses of Rhyming Slang*. Birk, 2016. 256 p.

Информация об авторе

Ю.В. Горшунюв – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий (адрес: 452450, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Ленина, д. 41).

Information about the author

Yuriy V. Gorshunov, Dr. Sci. (Philol.), Prof. at the Department of Romance and Germanic Philology, Birk Branch, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Lenina 41, Birk, 452450, Respublika Bashkortostan, Russian Federation).

Поступила в редакцию 04.08.2023
Одобрена после рецензирования 13.12.2023
Принята к публикации 19.12.2023

Submitted 4 August 2023
Approved after reviewing 13 December 2023
Accepted for publication 19 December 2023

Колесникова О.П.

Konjunktiv II в немецких энантиосемичных синтаксических конструкциях

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 68–76.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 68–76.

Научная статья

УДК [81'367+81'22]:811.112.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V318

Konjunktiv II в немецких энантиосемичных синтаксических конструкциях

Олеся Петровна Колесникова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия,

e-mail: Ole-ole-olesija@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4076-1288>

Аннотация. В статье рассматривается энантиосемия как лингвистический феномен. Под этим термином понимается сложный, многомерный объект, который представляет собой как явление, отражающее определенную сущность, так и общую языковую категорию. Наряду с трудами по энантиосемии на фонетическом, морфологическом, лексическом, фразеологическом и фразеосинтаксическом уровнях, наибольший интерес вызывают публикации, посвященные энантиосемии на синтаксическом уровне, т. к. эта область исследований находится на начальном этапе развития. Целью данной работы является изучение энантиосемичных синтаксических конструкций. Материалом послужили произведения художественной литературы на немецком языке. Рассматривается несколько энантиосемичных синтаксических конструкций в виде сложноподчиненных предложений с придаточными сравнения с союзами *als ob* и *als* (с *als wäre, als hätte, als würde*). Для данных конструкций характерно употребление предиката в форме *Konjunktiv II*. Исследуется асимметрия формы и содержания синтаксических конструкций. Так как основой энантиосемии является противоположность, важную роль в актуализации противоположного значения играет контекст. В ходе исследования было выяснено, что при определении энантиосемичности рассматриваемых конструкций не всегда необходим контекст. Отмечается также, что выделенные синтаксические конструкции в большинстве случаев асимметричны. По результатам исследования в научный оборот могут быть введены некоторые предложенные схемы, которые помогут выявлению подобных конструкций в немецком языке. Анализ энантиосемичных синтаксических конструкций способствует дальнейшему изучению синтаксиса немецкого языка, а также может помочь при переводе немецких текстов.

Ключевые слова: энантиосемия, синтаксическая конструкция, контекст, *Konjunktiv II*, придаточные предложения сравнения, нереальная действительность, языковая асимметрия.

Для цитирования: Колесникова, О. П. Konjunktiv II в немецких энантиосемичных синтаксических конструкциях / О. П. Колесникова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 68-76. – DOI: 10.37482/2687-1505-V318.

Original article

Konjunktiv II in German Enantiosemic Syntactic Constructions

Olesya P. Kolesnikova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation,

e-mail: Ole-ole-olesija@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4076-1288>

Abstract. The article investigates enantiosemey as a linguistic phenomenon. It is understood here as a complex, multidimensional object, which is both a phenomenon that reflects a certain essence and a general linguistic category. Along with studies into enantiosemey at the phonetic, morphological, lexical, phraseological and phraseosyntactic levels, publications on enantiosemey at the syntactic level are of particular interest, since this research area is at the initial stage of development. Therefore, the purpose of this article was to study enantiosemic syntactic constructions. As the material the author used German-language works of fiction. The paper considers several enantiosemic syntactic constructions in the form of complex sentences with adverbial clauses of comparison with conjunctions *als ob* and *als* (with *als wäre*, *als hätte*, *als würde*). These constructions are characterized by the use of a predicate in *Konjunktiv II*. The asymmetry of the form and content of the syntactic constructions is investigated. Considering that enantiosemey is based on opposition, context plays an important role in the actualization of the opposite meaning. The author found that when determining the enantiosemic nature of the constructions under study, context is not always required. In addition, it is noted that in most cases the selected syntactic constructions are asymmetrical. According to the results of the study, some of the proposed schemes, which can help to identify such constructions in the German language, can be introduced into scholarly discourse. The analysis of enantiosemic syntactic constructions contributes to further research into German syntax and can be of use when translating German texts.

Keywords: *enantiosemey, syntactic construction, context, Konjunktiv II, comparative clauses, irreality, linguistic asymmetry.*

For citation: Kolesnikova O.P. *Konjunktiv II* in German Enantiosemic Syntactic Constructions. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 68–76. DOI: 10.37482/2687-1505-V318

Введение. Явление энантиосемии вследствие слабой изученности вызывает неподдельный интерес у все большего количества лингвистов. Распространение антропоцентризма в настоящее время ведет к активному развитию коммуникативного синтаксиса [1]. В процессе общения смысл практически любого высказывания может искажаться, а иногда и меняться на совершенно противоположный. Сосуществование в одной языковой единице двух полярных значений в лингвистике принято называть энантиосемией [2]. Направление ис-

следований указанной категории на синтаксическом уровне языка находится в начале своего развития, особенно мало данное явление изучено на материале немецкого языка, поэтому и возникает необходимость обращения к этой теме.

Помимо синтаксического, энантиосемия рассматривается и на других уровнях языка: фонетическом (Л.В. Минаева (1978)), лексическом (Г.Н. Острикова (2022) [3]), морфологическом (Л.Е. Бессонова (1983)), фразеологическом (В.Н. Цоллер (2000) [4]) и

фразеосинтаксическом (В.Ю. Меликян (1996)). В диссертации Г.В. Яцковской представлены анализ взаимоотношений энантиосемии с лексическими категориями и классификация энантиосемичных фактов немецкого языка [5].

Целью исследования является рассмотрение энантиосемичных синтаксических конструкций, которые выражены сложноподчиненными предложениями с придаточными сравнения.

Материалы и методы. В процессе работы были использованы следующие методы: сравнение, сопоставление, контекстуальный анализ и описание структурно-семантических особенностей энантиосемичных синтаксических конструкций. Исследуемые синтаксические конструкции были обнаружены с помощью метода сплошной выборки из произведений художественной литературы на немецком языке. Общее количество анализируемых конструкций составило 210 единиц. Материалом исследования послужили следующие художественные произведения: Kerstin Gier «Smaragdgrün», Stephenie Meyer «Biss zum Morgengrauen», Rolf Ackermann «Der Fluch des Florentiners», Cecelia Ahern «P. S. Ich liebe Dich», Jojo Moyes «Kleine Fluchten», Lev Grossman «Der Zauber von Fillory».

Результаты. В лингвистической науке считается, что синтаксическая энантиосемия возникает в тех конструкциях, где семантическая поляризация появляется под влиянием грамматической сочетаемости [6]. В связи с этим возникает потребность описать данную проблему противоположности значений в одной языковой форме [7]. Вслед за В.Ю. Меликяном считаем необходимым разделить синтаксические конструкции с энантиосемичным значением на симметричные и асимметричные [8]. Под симметричными мы понимаем синтаксические конструкции, которые имеют и прямое, и переносное значение. Очевидно, что для таких конструкций контекст являет-

ся обязательным условием, именно благодаря ему можно определить, является ли синтаксическая конструкция энантиосемичной. По мнению ученого Г.В. Колшанского, контекст есть «мера, взвешивающая и балансирующая минимально необходимое, относительно определенное звено в общей семантической системе языка» [9, с. 17]. Исследователь пишет, что сам по себе контекст является не «способом порождения значения» языковой единицы, а свойством и формой существования данных единиц. Учитывая, что контекст представляет собой важнейшее условие коммуникации, следует говорить о лингвистическом и экстралингвистическом (ситуативном) контекстах [10]. Под первым понимается «языковое окружение той или иной единицы языка в тексте». Второй представляет собой «любые факты реальной действительности» (время, место, обстановка и пр.), которые помогают реципиенту правильно понять значения языковых единиц в высказывании¹. Асимметричные же синтаксические конструкции имеют только переносное значение, которое также помогает обнаружить контекст [11]. Следует отметить, что при определении энантиосемичности наиболее востребованным является экстралингвистический контекст.

В ходе исследования было выявлено несколько видов энантиосемичных синтаксических конструкций, в которых употребляется глагол в форме *Konjunktiv II*. Выделены наиболее употребительные конструкции – с союзами *als* (*als hätte, als wäre, als würde*) и *als ob*. Известно, что для подтверждения энантиосемичности необходимо синтаксическую конструкцию рассматривать в контексте. Для данного исследования важно, что *Konjunktiv II* выражает нереальную действительность, т. е. подразумевает, что действие не происходит на самом деле [12], поэтому при анализе синтаксических конструкций, в которых употреблен *Konjunktiv II*, возникает вопрос о необходимости контекста.

¹Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Рос. энцикл., 2002. 707 с.

Для начала рассмотрим синтаксические конструкции с союзом *als ob*. Придаточные предложения с этим союзом представляют собой ирреальные придаточные сравнения, которые выражают нереальную действительность и мнимость действия [13]. События или утверждения предстают кажущимися, а при переводе таких придаточных предложений на русский язык используется союз *как будто*. Таким образом, можно предположить, что изучаемые синтаксические конструкции могут выражать мнимое утверждение, т. е. их значение может противоречить форме высказывания. В большинстве случаев для данных конструкций типично несовпадение формы и содержания по структуре и значению, т. е. характерна структурно-семантическая языковая асимметрия.

Рассмотрим сложноподчиненное предложение с придаточным сравнения, которое соответствует следующей схеме «**Pron.1 [N1] + V1, als ob Pron.1 [N1] + (Subst.Akk) + V1 Konj.**»:

“*Und der Graf wartet dort hinten auf unsere Gesellschaft.*” *Der Graf hatte inzwischen seinen Platz auf dem Balkon verlassen, aber nicht etwa, um sich hinzusetzen und etwas auszuruhen. Er spähte mit seinen Adлераugen zu uns hinüber und sah aus, als ob er jedes Wort verstünde*² (т. е. на самом деле не понимал).

В сложноподчиненном предложении с придаточным сравнения «*Er spähte mit seinen Adлераugen zu uns hinüber und sah aus, als ob er jedes Wort verstünde*» (Он смотрел на нас своим орлиным взглядом и выглядел так, как будто понимал каждое слово) в главной части используется глагол «впечатления» *aussehen* (выглядеть), что типично для данных предложений. В этой синтаксической конструкции происходит несовпадение содержания и формы, т. к. по содержанию предложение является отрицательным, а по форме – утвердительным,

т. е. на самом деле герой не понимал, о чем идет речь, а лишь выглядел понимающим.

Следующая синтаксическая конструкция в придаточной части предложения имеет отрицательное местоимение *nichts* (ничего) и соответствует схеме «**N1 [Pron.1] + V1 + (so), als ob Pron.1 [N1/nichts] + V1 Konj.**»:

*Ich merkte, wie mir vor Staunen der Mund aufklappte, und hörte jemanden hinter mir unterdrückt kichern. Nach einer Weile schaute Edward mich an, als ob gar nichts wäre; die Musik wogte ohne Unterbrechung weiter auf und ab*³ (т. е. на самом деле что-то произошло).

В данном фрагменте синтаксическая конструкция «*Nach einer Weile schaute Edward mich an, als ob gar nichts wäre*» (Через некоторое время Эдвард посмотрел на меня так, как будто ничего не случилось) схожа с приведенным выше примером тем, что в ней также употребляется глагол «впечатления» *anschauen* (смотреть), а отличается наличием в придаточном предложении сравнения подлежащего, выраженного отрицательным местоимением. Это говорит о том, что форма анализируемой конструкции отрицательная, а содержание имеет утвердительное значение, т. е. на самом деле что-то происходило. Данное предположение находит подтверждение в левом контексте предложения: *Ich merkte, wie mir vor Staunen der Mund aufklappte, und hörte jemanden hinter mir unterdrückt kichern* (Я почувствовала, как мой рот открылся от изумления, и услышала, как кто-то позади меня подавил хихиканье). Из контекста ясно – что-то удивило героиню, и уже из правого контекста понятно, что ее поразила звучащая музыка. Учитывая рассогласование формы и содержания, можно утверждать, что данная синтаксическая конструкция является энантиосемичной.

Анализируя синтаксические конструкции с энантиосемичным значением, мы обнаружили,

²Gier K. Smaragdgrün. Liebe geht durch alle Zeiten. URL: <https://app.thestorygraph.com/books/02c3cfe2-ca1a-4b1d-9e97-0dd55c695661> (дата обращения: 01.02.2023).

³Meyer S. Biss zum Morgengrauen. URL: <https://www.rulit.me/books/biss-zum-morgengrauen-read-550003-1.html> (дата обращения: 01.02.2023).

что некоторые предложения с придаточным сравнения не имеют главного предложения, что формально меняет статус предложения с придаточного на самостоятельное. Такая синтаксическая конструкция соответствует схеме «**Als ob Pron.1 [N1] + (Subst.Akk)/Adj. + V1Konj.**»:

“*Tut mir leid*”, *sagte ich lachend*, “*in letzter Zeit hab ich keinen gesehen, aber ich halt die Augen offen*”. **Als ob ich wüsste, wie so etwas aussah.** *Es war unheimlich leicht, sich mit ihm zu unterhalten*⁴ (т. е. на самом деле не знала, как это выглядит).

Энантиосемичная синтаксическая конструкция «**Als ob ich wüsste, wie so etwas aussah**» (Как будто я знала, как это выглядит) состоит только из придаточного предложения с союзом *als ob*. Из контекста самого предложения понятно, что героиня не знала, как это выглядит. Это рассогласование формы и содержания несет в себе сам союз *als ob*. Данный факт подтверждает, что для определения энантиосемичности подобных синтаксических конструкций не всегда требуется контекст.

Далее предлагаем рассмотреть синтаксические конструкции с *Konjunktiv II* с придаточными предложениями сравнения с *als wäre*, которым подходит модель «**Pron.1 [N1] + V1 + (so), als wäre Pron.1 [N1] + (Subst.Akk)**»:

“*Vorhin hatte ich sie mal fast bis an die Haustür geschleppt, bis sie mir den Arm umgedreht und damit gedroht hat, mir das Genick zu brechen*”. “*Und jetzt hat sie auch noch ein Mikro*”, *sagte Leslie düster*. **Wir starrten zu Charlotte hoch, als wäre sie eine tickende Zeitbombe.** *Zugegeben, eine hübsch verpackte Zeitbombe*⁵ (т. е. на самом деле она не бомба).

В синтаксической конструкции «**Wir starrten zu Charlotte hoch, als wäre sie eine tickende Zeitbombe**» (Мы смотрели на Шарлотту так, словно она была бомбой замедленного действия) в главном предложении употребляется глагол «впечатления» (зрительного восприятия) *starren*

(*смотреть*). Форма данной конструкции положительная, а содержание имеет отрицательное значение, т. е. противоположное. На самом деле Шарлотта только выглядела как бомба или напоминала бомбу, но не являлась ею. Противопоставление формы и содержания характерно для асимметричной энантиосемичной синтаксической конструкции.

Рассмотрим пример: *Das Elfenkostüm war wirklich umwerfend. ...ihre Augen glänzten und die Haare kringelten sich in schimmernden Locken den Rücken hinab bis zu den perfekt gearbeiteten Flügeln, die wirkten, als wäre Charlotte bereits damit geboren worden. Ich hätte mich nicht gewundert, wenn sie jeden Augenblick abgehoben wäre*⁶ (т. е. на самом деле не родилась с крыльями).

В энантиосемичной синтаксической конструкции «**...die wirkten, als wäre Charlotte bereits damit geboren worden**» (...которые выглядели так, будто Шарлотта родилась с ними) в главной части употребляется глагол «впечатления» *wirken* (производить впечатление), что тоже типично для придаточных предложений сравнения. В конструкции присутствует несовпадение формы и содержания. По форме она утвердительная, а по содержанию является отрицательной. Из правого контекста ясно, что речь идет о костюме эльфа, который очень идет героине, и ее лишь сравнивают со сказочным героем.

В ходе исследования были обнаружены энантиосемичные синтаксические конструкции, которые представляют собой придаточные сравнения без главного предложения, т. е. выступают в роли самостоятельного предложения и соответствуют схеме «**Als wäre(n) + (kein(e)) + Pron.1 + + (Adj.)**»:

“*Ach, lass doch, Barbara*”, *stöhnte Melissa*. “*Dadurch wird es nur schlimmer*”. **Als wäre das überhaupt möglich**, *grummelte Barbara, drehte*

⁴Meyer S. Biss zum Morgengrauen.

⁵Gier K. Smaragdgrün. Liebe geht durch alle Zeiten.

⁶Там же.

*sich zu ihrem Computer und hämmerte wütend auf die Tastatur ein*⁷ (т. е. было невозможно).

По форме синтаксическая конструкция «*Als wäre das überhaupt möglich*» (Как будто это вообще возможно) положительная, но имеет совершенно противоположное значение, а именно отрицательное, т. е. на самом деле указанное действие невозможно. Левый контекст подтверждает некое возмущение и недовольство героини, автор описывает, что она проворчала и сердито барабанила по клавиатуре. В этом примере предложение имеет сильную эмоциональную окраску несмотря на то, что в конце нет какого-либо пунктуационного знака. В данном случае экспрессивность и ироничность речи помогает выразить как раз энантиосемичность синтаксической конструкции.

Рассмотрим еще один вид энантиосемичных синтаксических конструкций с *Konjunktiv II* с придаточными предложениями сравнения с сочетанием *als hätte*, которые строятся по схеме: «**Pron.1 [N1] + V1 + (so), als hätte + Pron.1 [N1] + (Subst.Akk)**»:

Пример: *Ich hatte dich ausdrücklich gebeten, den Waitrose-Weihnachtspudding mitzubringen. Du hast aber den Pudding von Marks & Spencer gekauft. Also musste ich gerade selbst zu Waitrose gehen, weil du so lange brauchst, und er war ausverkauft. Es ist, als hätte sie einen Schlag in die Magengrube bekommen. Plötzlich sieht sie vor sich, wie sie zu viert um den Tisch sitzen und wie sich David mit herablassendem Seitenblick auf sie für ihren «falschen» Weihnachtspudding entschuldigt*⁸ (т. е. на самом деле не получала удар под дых).

В сложноподчиненном предложении «*Es ist, als hätte sie einen Schlag in die Magengrube bekommen*» (Это было так, как будто ее ударили под дых) также присутствует рассогла-

сование формы и содержания: содержание отрицательное при утвердительной форме высказывания, т. к. на самом деле героиню не ударили по дых. Автор использует такое сравнение для выражения ее эмоций. И в левом, и в правом контексте отражается ситуация, которая подтверждает эмоциональную напряженность.

В следующем примере энантиосемичная конструкция строится по схеме «**Pron.1 [N1] + V1 + (so), als hätte + Pron.1 + (Subst.Akk)**»:

*Ich habe so getan, als hätten wir zwei hier ein Treffen, um über das Manuskript deines Buches zu sprechen*⁹ (т. е. на самом деле встретились не случайно).

В рассматриваемой синтаксической конструкции в главном предложении употребляется глагол «действия» *tun* (делать, делать вид) в форме прошедшего времени. Присутствие этого глагола уже говорит о том, что герой сделал вид, притворился, чтобы создать ситуацию, которая должна произвести другое или даже противоположное впечатление. Примечательно, что в главном предложении стоит частица *so* (так), которая употребляется для придания большей эмоциональности высказыванию. Стоит отметить, что употребление частиц *so*, *denn*, *doch*, *bloß* характерно для энантиосемичных синтаксических конструкций, т. к. они помогают выразить эмоциональность и экспрессивность, которыми наполнены предложения.

Далее рассмотрим сложноподчиненные предложения с придаточными сравнения с предикатом в форме *Konjunktiv II* и сочетанием *als würde*. Такие синтаксические конструкции соответствуют модели «**Pron.1 [N1] + V1 tat (Prät.) + (so), als würde Pron.1 [N1] + (Subst.Akk) + Adj.**»:

Noch immer hatte die Luft Badewassertemperatur. Josh schlief auf dem Quadrat ein, das er eigentlich

⁷Ahern C. P.S. Ich liebe Dich. URL: https://ebook-hunter.org/ps-ich-liebe-dich-by-cecelia-ahern_5459f56766448966c847896a/ (дата обращения: 01.02.2023).

⁸Moyes J. Kleine Fluchten. URL: <https://app.thestorygraph.com/books/fdd88d8e-6d6c-40fa-a01c-3fb6aa856076> (дата обращения: 01.02.2023).

⁹Ackermann R. Der Fluch des Florentiners. URL: https://royallib.com/read/Ackermann_Rolf/Der_Fluch_des_Florentiners.html#0 (дата обращения: 01.02.2023).

hätte verteidigen sollen, und streckte sich über eine ganze Reihe aus. Eliot öffte Janet nach und Janet tat so, als würde sie wütend. Alice zog die Schuhe aus und planschte mit den Füßen in einem derzeit nicht umkämpften Wasserquadrat¹⁰ (т. е. Джанет на самом деле не была сердитой).

В синтаксической конструкции «*Janet tat so, als würde sie wütend*» (Джанет притворилась, что рассердилась) используются глагол «действия» *tun* (делать, делать вид) и частица *so*. Данное сочетание типично для подобных конструкций, т. к. способствует рассогласованию формы и содержания предложения: форма у синтаксической конструкции положительная, а содержание имеет противоположное значение. Героиня лишь притворилась, но на самом деле она не рассердилась. Из-за асимметрии формы и содержания для понимания данной конструкции контекст нужен в меньшей степени.

Пример: *Ich musste meinen Blick abwenden, dann erst konnte ich meine wirren Gedanken neu ordnen. “Was sollte der Stau gestern?”, fragte ich vorwurfsvoll, ohne ihn anzusehen. “Ich dachte, du wolltest so tun, als würde ich nicht existieren, nicht mich bis aufs Blut reizen.” “Das war nur Tyler zuliebe. Ich musste ihm seine Chance lassen.” Er kicherte¹¹ (т. е. на самом деле существует).*

В этом примере употребляется также глагол «действия» *tun*, но с точки зрения энантиосемии случай совершенно противоположный. В синтаксической конструкции «*Ich dachte, du wolltest so tun, als würde ich nicht existieren...*» (Я думала, ты собираешься притвориться, что меня не существует...) тоже присутствует языковая асимметрия, но по форме выражение отрицательное, а по содержанию – утвердительное.

В следующих энантиосемичных синтаксических конструкциях в главном предложении употребляются глаголы «впечатления», а сами конструкции соответствуют схеме

«N1+ V1(aussehen, ...) + (so), als würde + Pron.1 [N1] + Inf.»: Pron.1 [N1] + Inf.»:

“Aber”, warnte er sie eindringlich, “nur die Tapfersten können darauf hoffen, den Thron zu erlangen. Versteht ihr? Nur die Allertapfersten!” *Farvel sah aus, als würde er jeden Moment eine visköse, saftige Träne hervorpresen. Gott, was für eine Rede. Quentin hätte sie fast Zeile für Zeile für ihn rezitieren können¹² (т. е. на самом деле он не пытался задушить в себе слезы).*

В синтаксической конструкции «*Farvel sah aus, als würde er jeden Moment eine visköse, saftige Träne hervorpresen*» (Фарвел выглядел, как будто хотел задушить вязкую, сочную слезу) в качестве глагола «впечатления» используется *aussehen* (выглядеть). При анализе этого примера становится очевидно, что данный глагол также способствует рассогласованию формы и содержания, что подтверждает асимметричность синтаксической конструкции. В предложении автор использует сравнение для передачи эмоционального состояния героя, т. е. на самом деле с героем это событие не происходило, он выглядел так, как будто оно с ним происходит. Данное рассогласование доказывает, что рассматриваемая синтаксическая конструкция обладает энантиосемичностью.

Стоит отметить, что в ходе исследования было обнаружено около 210 синтаксических конструкций с энантиосемичным значением. Выяснено, что наиболее употребительными являются конструкции с *als würde* (75 единиц), немного реже встречаются конструкции с *als wäre* (63 единицы), на третьем месте по частотности употребления – конструкции с *als hätte* (44 единицы) и наиболее редкими оказались синтаксические конструкции с союзом *als ob* (28 единиц).

Заключение. В процессе исследования было выявлено несколько групп синтаксических конструкций с энантиосемичным значением, которые с точки зрения синтаксиса являются

¹⁰Grossman L. Zauberer von Fillory. URL: <https://www.kostenlosonlinelesen.net/kostenlose-fillory-die-zauberer> (дата обращения: 01.02.2023).

¹¹Meyer S. Biss zum Morgengrauen.

¹²Grossman L. Zauberer von Fillory.

сложноподчиненными предложениями с придаточными сравнения, присоединенными при помощи союзов *als ob* и *als* (*als hätte, als wäre, als würde*). Для данных конструкций характерно употребление в придаточном предложении сказуемого в форме *Konjunktiv II*. Благодаря тому, что эта грамматическая форма глагола способствует выражению нереального события или действия, рассматриваемые синтаксические конструкции практически всегда имеют рассогласование формы и содержания. Учитывая, что ука-

занные энантиосемичные конструкции не могут употребляться без переосмысления, можно утверждать, что они являются практически всегда асимметричными. В ходе структурно-семантического анализа синтаксических конструкций этого вида выяснено, что контекст не всегда играет важную роль в определении их энантиосемичности из-за выражения ирреальности. Результаты данного научного исследования можно использовать в области семантики, стилистики и синтаксиса.

Список литературы

1. Меликян В.Ю. Негопозитивные синтаксические конструкции с асимметричной противоположностью значений // Актуал. проблемы филологии и пед. лингвистики. 2017. № 4(28). С. 126–135.
2. Колесникова О.П. Новый аспект немецких энантиосемичных синтаксических конструкций с *als ob* // Гуманит. и соц. науки. 2020. № 6. С. 172–179. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-83-6-172-179>
3. Острикова Г.Н. Функционирование энантиосемичных единиц в немецком и английском языках // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: материалы VII междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2022. С. 121–128.
4. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов // Филол. науки. 2000. № 4. С. 56–64.
5. Яцковская Г.В. Энантиосемия в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 193 с.
6. Острикова Г.Н. Специфика функционирования энантиосемичных устойчивых синтаксических структур // Вопр. когнит. лингвистики. 2017. № 3(52). С. 148–154. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-3-148-154>
7. Колесникова О.П. Энантиосемия синтаксических конструкций: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2022. 205 с.
8. Меликян В.Ю., Меликян А.В. Предпосылки, пути, способы и механизм грамматикализации синтаксических конструкций // Вопр. когнит. лингвистики. 2023. № 3. С. 85–105. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-3-85-105>
9. Колианский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 149 с.
10. Серова Т.С., Шрайдман Т.В. Контекстная и ситуативная обусловленность функционирования фразеологизмов в монологическом высказывании // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2011. № 4(16). С. 66–72.
11. Шацкая М.Ф. Прагматический эффект частичной энантиосемии в комическом контексте // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 5. С. 59–68. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V132>
12. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1980. 488 s.
13. Гомонова Л.Г. Глагольная энантиосемия и ее отражение в вербономинантах и фразеологизмах // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию ун-та / под ред. З.Р. Аглеевой, М.Л. Лаптевой, Ю.А. Васильевой. Астрахань, 2022. С. 68–71.

References

1. Melikyan V.Yu. The Negopositive Syntactic Constructions with Asymmetrical Opposite Meanings. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2017, no. 4, pp. 126–135 (in Russ.).
2. Kolesnikova O.P. Novyy aspekt nemetskikh enantiosemychnykh sintaksicheskikh konstruktсий s *als ob* [A New

Aspect of German Syntactic Constructions with *als ob*]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 6, pp. 172–179. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-83-6-172-179>

3. Ostrikova G.N. Funktsionirovanie enantiosemykh edinit v nemetskom i angliyskom yazykakh [Functioning of Enantiosemic Units in German and English]. *Yazykovye i kul'turnye kontakty: lingvisticheskiy i lingvodidakticheskiy aspekty* [Language and Cultural Contacts: Linguistic and Linguodidactic Aspects]. Saratov, 2022, pp. 121–128.

4. Tsoller V.N. Emotsional'no-otsenchnaya enantiosemya frazeologizmov [Emotional-Evaluative Enantiosemy of Phraseological Units]. *Filologicheskie nauki*, 2000, no. 4, pp. 56–64.

5. Yatskovskaya G.V. *Enantiosemya v sovremennom nemetskom yazyke* [Enantiosemy in Modern German: Diss.]. Moscow, 1976. 193 p.

6. Ostrikova G.N. Spetsifika funktsionirovaniya enantiosemykh ustoychivyykh sintaksicheskikh struktur [Enantiosemic Fixed Syntactic Structures: Specifics of Functioning]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2017, no. 3, pp. 148–154. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-3-148-154>

7. Kolesnikova O.P. *Enantiosemya sintaksicheskikh konstruktsey: na materiale nemetskogo yazyka* [Enantiosemy of Syntactic Constructions: Based on the German Language: Diss.]. Rostov-on-Don, 2022. 205 p.

8. Melikyan V.Yu., Melikyan A.V. Predposylki, puti, sposoby i mekhanizm grammatikalizatsii sintaksicheskikh konstruktsey [Syntactic Constructions: Sources, Paths, Means and Mechanism of Grammaticalization]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2023, no. 3, pp. 85–105. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-3-85-105>

9. Kolshanskiy G.V. *Kontekstnaya semantika* [Contextual Semantics]. Moscow, 1980. 149 p.

10. Serova T.S., Shraydman T.V. Kontekstnaya i situativnaya obuslovlennost' funktsionirovaniya frazeologizmov v monologicheskoy vyskazyvaniy [Contextual and Situational Conditionality of Phraseology in Monologue Utterance Operation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2011, no. 4, pp. 66–72.

11. Shatskaya M.F. The Pragmatic Effect of Partial Enantiosemy in a Comic Context. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 5, pp. 59–68. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V132>

12. Jung W. *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig, 1980. 488 p.

13. Gomonova L.G. Glagol'naya enantiosemya i ee otrazhenie v verbonominantakh i frazeologizmakh [Verbal Enantiosemy and Its Reflection in Verbal-Nominal Constructions and Phraseological Units]. Agleeva Z.R., Lapteva M.L., Vasil'eva Yu.A. (eds.). *Vektory razvitiya rusistiki i lingvodidaktiki v kontekste sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya* [Vectors of Development of Russian Studies and Linguodidactics in the Context of Modern Philological Education]. Astrakhan, 2022, pp. 68–71.

Информация об авторе

О.П. Колесникова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация» Донского государственного технического университета (адрес: 344010, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1).

Поступила в редакцию 01.02.2023

Одобрена после рецензирования 06.12.2023

Принята к публикации 07.12.2023

Information about the author

Olesya P. Kolesnikova, Cand. Sci. (Philol.), Senior Lecturer at the Department of Scientific and Technical Translation and Professional Communication, Don State Technical University (address: pl. Gagarina 1, Rostov-on-Don, 344010, Russian Federation).

Submitted 1 February 2023

Approved after reviewing 6 December 2023

Accepted for publication 7 December 2023

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 77–84.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 77–84.

Научная статья

УДК 811.512.111-115:[811.161.1+811.112.2]'25

DOI: 10.37482/2687-1505-V319

Сравнение в чувашском языке: особенности перевода на русский и немецкий языки (на примере поэмы К.В. Иванова «Нарспи»)

Татьяна Николаевна Кузнецова

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия,

e-mail: elre2007@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8256-076X>

Аннотация. Перевод – это вид деятельности, направленный на преодоление языкового барьера. Перевод играет большую роль в развитии мировой культуры, науки, литературы, укреплении связей с разными народами. Статья посвящена особенностям перевода чувашских сравнительных конструкций в бессмертной поэме К.В. Иванова «Нарспи». Специфика перевода чувашских произведений на разные языки мира, а также методы и способы ее передачи являются малоизученными. В качестве материала для сравнительно-сопоставительного анализа используются переводы на немецкий (переводчик В.А. Иванов) и русский (переводчик П.П. Хузангай) языки. В ходе исследования применялись сопоставительный, лингвистический, описательный методы, благодаря которым осуществлен комплексный анализ перевода сравнительных оборотов поэмы «Нарспи». Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения лингвистических и стилистических особенностей перевода сравнений с чувашского на другие языки. В статье рассматривается несколько видов сравнения: с животными (зоометафора), птицами, цветами и растениями, природными явлениями, также уделяется особое внимание сравнениям, связанным с жителями и бытом деревни Сильби. Оригинальный текст изучается наряду с сравнительными конструкциями и сопоставляется с переводами. Благодаря сравнительно-сопоставительному анализу компаративных конструкций оригинала и переводов поэмы «Нарспи» выявлено, что перевод чувашских сравнений на русский и немецкий языки в некоторых случаях осуществляется с опущением сравнительного слова, сравнительных конструкций, использованием обобщающего слова и заменой частей речи. Применение этих приемов обуславливается сохранением стихотворной формы и не искажает лингвокультурное своеобразие подлинника.

Ключевые слова: сравнение, сравнительное слово, сравнительная конструкция, перевод художественного произведения, сравнительно-сопоставительный метод, чувашский язык, русский язык, немецкий язык.

Для цитирования: Кузнецова, Т. Н. Сравнение в чувашском языке: особенности перевода на русский и немецкий языки (на примере поэмы К.В. Иванова «Нарспи») / Т. Н. Кузнецова // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 77-84. – DOI: 10.37482/2687-1505-V319.

Original article

Comparisons in the Chuvash Language: Translation into Russian and German (Based on K.V. Ivanov's Poem "Narspi")

Tat'yana N. Kuznetsova

I.N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation,

e-mail: elre2007@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8256-076X>

Abstract. Translation is aimed at overcoming language barriers and plays an important role in the development of world culture, science, literature, and relations between different nations. This article dwells on the translation of Chuvash comparative constructions in the poem "Narspi" by K.V. Ivanov. For the comparative analysis, translations into German (by V.A. Ivanov) and Russian (by P.P. Khuzangai) were used. Comparative, linguistic, and descriptive methods were applied as the key research methods to perform a comprehensive analysis of the translation of comparative phrases in the poem. The paper is relevant due to the necessity to study the linguistic and stylistic peculiarities of translating comparisons from Chuvash into other languages. The article considers several groups of comparisons: with animals (animal metaphor), birds, flowers and plants, and natural phenomena; special attention is given to comparisons related to the inhabitants and daily life of Silbi village. Along with comparative constructions, the original text is studied and compared with its translations. The analysis showed that in Russian and German translations of Chuvash comparative constructions, in some cases, comparative words and constructions are omitted, generic words are used and certain parts of speech are replaced. These translation techniques are utilized in order to preserve the poetic form and do not distort the linguistic and cultural distinctness of the original text.

Keywords: simile, comparative word, comparative construction, literary translation, comparative method, Chuvash language, Russian language, German language.

For citation: Kuznetsova T.N. Comparisons in the Chuvash Language: Translation into Russian and German (Based on K.V. Ivanov's Poem "Narspi"). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 77–84. DOI: 10.37482/2687-1505-V319

Сравнение – это художественный прием, который часто встречается в литературных произведениях на разных языках и используется для повышения выразительности и образности описаний. Обычно по каким-либо признакам сравниваются описываемые предметы или явления. Благодаря данному стилистическому приему читатель четко и легко может представить названные картины и события. В литературе сравнение применяется для придания образу яркости, выразительности и наглядности, позволяет более подробно раскрыть характеры героев произведения.

Сравнительные конструкции часто являются предметом изучения лингвистики, литературоведения, стилистики, риторики (В.В. Виноградов [1], В.И. Еремина [2], В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Б.В. Томашевский и др.). Сравнение понимается некоторая общая схема построения сложного знака, который несет в себе компаративную функцию независимо от внешнего окружения [3, с. 3]. Исследователи анализируют сравнительные конструкции в разных аспектах: структурном, семантическом, функциональном, фразеологическом. Сравнения точны уже потому, что

каждый образ, как правило, неповторим, индивидуален. Это рождает особую семантическую дифференцированность каждого устойчивого сравнения¹. В современном учении о сравнительных конструкциях русского языка выделяются следующие аспекты: структурно-семантический (Л.А. Киселева, И.К. Кучеренко, А.Г. Руднев), функционально-стилистический (В.В. Виноградов, М.И. Черемисина), сопоставительный, когнитивный и др. [4, с. 2]. Среди исследований, посвященных сравнению в чувашском языке, большую ценность представляют труды Н.И. Ашмарина, В.Г. Егорова, а также И.А. Андреева, Г.Е. Корнилова, В.И. Сергеева, Л.П. Сергеева, М.Ф. Чернова и др. Отдельные вопросы двуязычия и сопоставительного анализа чувашского и русского языков отражены в работах Г.А. Анисимова, З.Ф. Мышкина, В.И. Орловой, А.П. Алексеевой, А.Р. Губанова [5, с. 43].

В русском языке сравнительные конструкции образуются в основном при помощи слов *как будто, словно, как, точно*, в немецком – *wie, als ob, als, gleich*, в чувашском – *пек, пекех* и т. д. В лингвистике сравнительная конструкция рассматривается как отражение логической модели (структуры) сравнения [6, с. 2]. Она состоит из трех компонентов: субъекта (то, что сравнивается), объекта (то, с чем сравнивается) и основы (по каким признакам осуществляется сравнение) [7, с. 437].

Настоящая статья посвящена изучению сравнений в поэме великого классика чувашской литературы, поэта К.В. Иванова (1890–1915) «Нарспи»² и сопоставлению их с аналогами в переводах на русский и немецкий языки. Сравнительные конструкции данного произведения являются объектом анализа. Поэму «Нарспи» сравнивают с романом в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», называ-

ют энциклопедией чувашской жизни начала XX века, подчеркивая тем самым общественную значимость этого произведения [8, с. 75]. Здесь описывается трагическая любовь бедного молодого человека Сетнера к богатой девушке Нарспи.

Поэма переведена на многие языки народов мира. Перевод поэмы на немецкий язык выполнен профессором Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова В.А. Ивановым (1937 г. р.) и издан в Германии³. Профессора Д. Херубим и Э. Винклер высоко оценили данную работу. Поэму «Нарспи» на русском языке можно прочитать благодаря переводам русских и чувашских поэтов Б. Иринина, А. Жарова, Н. Кобозева, П. Хузангая, А. Петтоки, В. Паймена и А. Смолина. В данной статье анализируется перевод на русский язык, выполненный чувашским поэтом П.П. Хузангаем (1907–1970), т. к. он относится к сторонникам «точного» перевода, считает своей целью точное воспроизведение оригинала [8, с. 78].

Исследования особенностей переложения чувашских произведений на другие языки представляют интерес для языкознания, литературоведения и критики перевода. Вопросы поэтического перевода чувашских произведений на русский и немецкий языки, связанные с передачей стилистического и национального своеобразия оригинала, его стихотворной формы, являются новой темой для изучения.

Цель работы состоит в том, чтобы подробно рассмотреть особенности перевода чувашских сравнительных конструкций на немецкий и русский языки. Благодаря сопоставительному методу изучается менее популярный и мало распространенный язык – чувашский.

В литературных произведениях часто наблюдается такое стилистическое явление, как

¹Мокшенок В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 799 с.

²Иванов К.В. Нарспи: поэма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 175 с.

³Iwanow K.W. Narspi: Das Tschäwasch Poem: Übersetzung ins Deutsche. Göttingen, 2008. 72 s.

сравнение с животными – анималистические метафоры (зоометафоры), т. е. употребление зоонимов в переносном значении. Ассоциации, которые возникают при сравнении с животными, образуют концептуальную метафору. Употребление зоонимов в сравнениях связано со знанием особенностей образа жизни, поведения, внешности животных, ведь именно этими сведениями определяется эмоционально-оценочная информация о человеке, передаваемая через тот или иной анималистический компонент [9, с. 101]. Данный прием дает возможность более точно передать детали описываемых событий и подробно представить картину. В языках разных народов одни и те же зоометафоры могут как совпадать, так и отличаться.

В поэме «Нарспи» К.В. Иванов для сопоставления использует следующие зоонимы: *кашкӑр* (волк), *йӑтӑ* (собака), *сӗлен* (змея), *вӑкӑр* (бык, вол), *урхамах* (рысак)⁴. Например: *Ҫил тухать те ҫил каять, выҫӑ кашкӑр нек ӳлет* (1, с. 72). – *Starker Wind machte sich auf, heult wie ein Wolfsrudel* (2, с. 30). – *Лес густой шумит, а ветер воет, как голодный волк* (1, с. 73). В данном предложении сильный шум ветра сопоставляется с воем голодного волка. В оригинале поэмы для сравнения используется слово *нек* (*кашкӑр нек*), в переводе на немецкий язык – *wie* (*wie ein Wolfsrudel*), в русском переводе – *как* (*как голодный волк*). Только в немецком варианте переводчик упустил эпитет *выҫӑ* – *голодный*, заменив его сложным словом *ein Wolfsrudel* (словом из двух корней *der Wolf* – волк и *das Rudel* – стая, которое образовано при помощи соединительного согласного *s*) – *стая волков*, что не искажает значение сравнительного оборота.

В поэме часто встречаются сравнения с собакой. В обыденной жизни собака – это верный и преданный друг, а в данном произведении она не является положительным персонажем: *Урнӑ йӑтӑ Михетер* (1, с. 76). –

Der wütende Micheder (2, с. 32). – *Псом тут бешеным рванулся к плетке старый Мигедер* (1, с. 77). Сравнительный оборот *урнӑ йӑтӑ* используется для описания состояния разъяренного человека. При переводе на немецкий язык автор опустил сравнение с собакой, использовав эпитет *wütende* (*разъяренный, яростный, злой*). В русском варианте применяется словосочетание *псом бешеным*, где существительное употребляется в творительном падеже.

В следующих предложениях при сравнении с собакой (*йӑтӑ*) используются сопоставительные слова *вырӑнне*, *нек* (в чувашском языке), *wie* (в немецком языке), *как* (в русском языке):

Ана ватӑ упӑшки йӑтӑ вырӑнне хурать (1, с. 118). – *Ihr alter Mann hält sie jetzt wie einen streuenden Hund* (2, с. 47). – *Старый муж, как над собакой, измывается над ней* (1, с. 119);

Асапланӑр йӑтӑ нек... (1, с. 162) – *Wie ein Hund leidet ihr immer...* (2, с. 66) – *По-собачьи жить, доколе...* (1, с. 163);

Асаплантар, Тӑхтаман, хурсам йӑтӑ вырӑнне (1, с. 112). – *Quäle sie wie einen Hund, peitsche sie wie ein Tier aus* (2, с. 45). – *Поступай с ней, как с собакой, истязай, замучь ее* (1, с. 113);

Сетнер, йӑтӑ, кӗҫсе нит, пуян хӗрне ан хансӑн! (1, с. 158) – *Setner, sei nicht auf den Reichtum meiner Tochter so erpicht!* (2, с. 63) – *Знай, Сетнер, знай, пес бесстыжий: ты – богатому не зять!* (1, с. 159)

В произведении огонь сравнивается со змеей: *сӗлен нек* (*некех*). В немецком переложении отсутствует сравнительный оборот, имя существительное *сӗлен* (*змея*) заменяется глаголом *schlängeln* (*извиваться*), что верно передает содержание:

Хуран айӗ сӗлен нек, ҫунать вучӗ явӑнса (1, с. 122). – *Helle Flammen des Feuers schlängeln unter dem Kessel* (2, с. 49). – *Под котлом огонь пылает, извивается змеей* (1, с. 123);

Вилӗм яшки вӗрет-ҫке сӗлен некех чаулатса (1, с. 122). – *Diese Suppe zur Ermordung siedet, zischt wie eine Schlange* (2, с. 50). – *За-*

⁴Здесь и далее приводятся отрывки из поэмы К.В. Иванова «Нарспи». Фрагменты на чувашском и русском языках цитируются по: 1 – *Иванов К.В. Нарспи: поэма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 175 с.*; фрагменты на немецком – по: 2 – *Iwanow K.W. Narspi: Das Tschäwasch Poem: Übersetzung ins Deutsche. Göttingen, 2008. 72 s.*

кипает ужин смерти и бурлит, шипя змеей (1, с. 123).

Трудолюбивый чувашский народ автор сравнивает с быком: *вӑкӑр нек*. Этот сравнительный элемент на русский язык перевели как *вол*, т. е. чуваша работают как вол. В немецком варианте отсутствует сравнение чувашского народа с животным, переводчик называет его *der arbeitsame Tschäwasche* (*трудолюбивые чуваша*):

Ёҫчен чӑваш вӑкӑр нек, юрла-юрла ёҫ тӑвать (1, с. 132). – *Der arbeitsame Tschäwasche verrichtet die Arbeit singend* (2, с. 54). – *Наш чуваш, как вол, в работе, с песней взялся он за труд* (1, с. 133).

В поэме «Нарспи» несколько раз встречается слово *урхамах* (*аргамак, рысак*):

Урхамах нек лаушсем (1, с. 24) – *Für die Vollblutpferde hat er* (2, с. 12) – *Кони – чисто аргамаки* (1, с. 25);

Урхамах нек лаушине (1, с. 28) – *Seinem Pferd* (2, с. 14) – *Аргамака своего* (1, с. 29);

Урхамах нек утӑм пур (1, с. 34) – *Wie mein Ross gehe ich fest* (2, с. 16) – *Конь есть, славный аргамак* (1, с. 35).

В переводе на немецкий язык слово *урхамах* заменяется на *Vollblutpferd* (*чистокровная лошадь*), в русском варианте переводчик применяет лексическую единицу *аргамак* (рослая породистая азиатская (восточная) лошадь), именно с ними автор сравнивает коней своего произведения.

Сравнения с птицами также являются частым приемом в литературном произведении, когда сопоставляются два предмета, имеющие общий признак. В поэме «Нарспи» встречаются следующие сравнительные компоненты: *акӑш* (*лебедь*), *шӑпчӑк* (*соловей*) и обобщенная лексическая единица *кайӑк* (*птица*).

Чувашских девушек автор сравнивает с лебедями (*акӑшсем*). В литературоведении сравнение с лебедем служит для описания красоты человека, его душевной чистоты, а также легкой и плавной походки:

Нар нек хирте хӑрӑсем акӑшсем нек утаҫҫӗ (1, с. 12). – *Doch am schönsten sind die Mädchen, sie bewegen sich wie Schwäne* (2, с. 7). –

Мерно шествуют девицы, словно лебеди плывут (1, с. 13);

Акӑшсем нек ярӑнса анчӑҫ шыва сар хӑрсем (1, с. 116). – *Wunderschöne Mädchen kommen gleich den Schwänen zu dem Fluss* (2, с. 46). – *Словно лебеди, девицы за водой сошли к ручью* (1, с. 117).

Для передачи оборота *акӑшсем нек* переводчик использует сравнительные слова *wie, gleich* (*wie Schwäne, gleich den Schwänen*), в русском языке – *словно* (*словно лебеди*). Следует отметить, что в произведении автор подчеркивает, что девушки идут словно лебеди: *акӑшсем нек утаҫҫӗ*. В немецком переводе девушки двигаются как лебеди: *bewegen sich wie Schwäne*. В русском варианте – *словно лебеди плывут*. При переводе применяются разные глаголы: *идут* (*утаҫҫӗ*), *двигаются* (*bewegen sich*), *плывут*. Они являются глаголами движения, поэтому не меняют смысл предложения.

Человека с хорошим слухом и прекрасным голосом обычно сравнивают с птицей, в русском варианте поэмы – с соловьем: *кайӑк сасси еврӗлӗ* – *Vogelstimme* – *будто пташка-соловей*. Например: *Вӑйӑсенче ун сасси кайӑк сасси еврӗлӗ* (1, с. 22). – *Ihre reine Vogelstimme klingt im Abendreigenlied* (2, с. 10). – *Заноет ли в хороводе – будто пташка-соловей* (1, с. 23). П. Хузангай выполнил более подробный перевод, сравнивая голос девушки не просто с голосом птицы, а конкретно с пением соловья, т. к. оно очень приятно для слуха.

В тексте также присутствуют сравнения с растениями: цветами, деревьями и т. п. Красоту девушки Нарспи автор сравнивает с полевым цветком (*хирти сарӑ чечек нек* – *как цветочек полевой*): *Пичӗ-куҫӗ нит хуҫӑм, хирти сарӑ чечек нек* (1, с. 20). – *Ihr Gesicht ist wunderbar, blühend sieht es aus* (2, с. 10). – *На лицо она прекрасна, как цветочек полевой* (1, с. 21).

При сопоставлении можно заметить, что в немецком варианте поэмы переводчик не использует сравнительный оборот. Сравнение с цветком он заменяет причастным оборотом *blühend sieht es aus* (*выглядит цветущей*), что также подчеркивает внешнюю красоту главной героини.

Сравнения с природными явлениями занимают важное место в поэме «Нарспи». К.В. Иванов в своем произведении олицетворяет родную природу и ее явления, воспринимает их как живых существ. Изображение природных явлений идентифицируется с определенным настроением героев и их эмоциональным состоянием. В поэме встречаются сравнения со следующими объектами: *вут нек – как огонь, сырма нек – как речка*.

В литературных произведениях огонь обычно ассоциируется с очагом, теплом, солнцем, жизнью. С другой стороны, огонь – это символ очищения для грешников. В поэме «Нарспи» сравнение с огнем используется для передачи душевного состояния героя, гнева или битвы:

Тайшман пушне пётерме вёри вут нек силли нур (1, с. 26). – *Um den Gegner zu vernichten Hasserfüllt ist seine Wut* (2, с. 14). – *Да врагу на гибель – ярость, если враг затронет честь* (1, с. 27). Можно заметить, что в переводах данного предложения на другие языки отсутствует сравнение с огнем;

Сарй хёрён чёринче вутра суннй нек сунать (1, с. 85). – *Im Herzen der schönen Braut brennt eine glühende Flamme* (2, с. 34). – *У красавицы с обиды сердце пламенем горит* (1, с. 86). В этом предложении мы узнаем о душевном переживании красивой девушки Нарспи: ее сердце горит как в огне. В переводах сохранилось сравнение с огнем: *brennt eine glühende Flamme, пламенем горит*, но без сравнительного слова, в отличие от подлинника (*нек*);

Вут нек хёвел выляса сұл тупене хяпарат (1, с. 120). – *Wie die Flamme spielt die Sonne, geht zum Scheitelpunkt so auf* (2, с. 48). – *Солнце жаркое, играя, поднимается в зенит* (1, с. 121). Солнце также сравнивается с огнем, что предвещает какое-нибудь жаркое и бурное событие. Если в немецком языке применяется сравнительное слово: *вут нек – wie die Flamme*, то в русском варианте поэмы отсутствует сравнительный оборот, переводчик использует эпитет *жаркий*, т. е. *солнце жаркое*.

Слово *сырма* в переводе на русский язык – *речка, небольшая река*. При описании сильного дождя автор подчеркивает, что вода течет, как в реке: *Сумяр сырма нек юхат* (1, с. 142). – *Es regnet heftig in Strömen* (2, с. 56). – *Дождевой поток рекою по ложбинам зашумел* (1, с. 143). В переводах поэмы слова *in Strömen (der Strom – река)*, *рекою* употребляются без сравнительного слова, в отличие от оригинала (*сырма нек*).

Действие поэмы «Нарспи» происходит в чувашской деревне Сильби. С помощью сравнительных оборотов автор передает читателю красоту и богатство деревни, описывает ее обитателей: людей и животных.

К.В. Иванов в своем произведении дома деревни Сильби сравнивает с конторой, т. е. с административным зданием, олицетворяющим власть, достаток, значимость хозяина: *Кантур некех сурчём* (1, с. 10). – *Seine festen grossen Häuser* (2, с. 6). – *Не один там встретишь дом – наподобие хором* (1, с. 11). В немецком варианте поэмы мы видим отсутствие сравнительного оборота, переводчик просто упоминает большие дома (*grosse Häuser*). В переводе на русский язык наблюдается использование сравнения, выраженного с помощью слова *наподобие: наподобие хором*.

Жителей деревни автор сравнивает с *баринном* (*улпут некех*): *Урам тәрәх сыннисем улпут некех утаççё* (1, с. 12). – *Menschen wandeln durch die Strassen stolzgespreizt wie echte Herrn* (2, с. 7). – *Сановито ходят люди вдоль по улицам* (1, с. 13). При переводе на немецкий язык было употреблено сравнение *wie echte Herrn* (*как настоящие господа*). В русском варианте произведения переводчик воспользовался наречием *сановито* (*солидно, импозантно*), чтобы точнее передать суть данного предложения.

Улап – богатырь, мифический образ в устно-поэтическом творчестве чувашского народа⁵. Дерево в поэме «Нарспи» сравнивается с богатырем, что показывает его величие и силу: *Йывайс ларать улап нек* (1, с. 72). – *Ein grosser Baum grüsst beide* (2, с. 30). – *Дуб стоит во*

⁵Чувашская энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/?t=search&abc=Y> (дата обращения: 25.04.2023).

тьме, как улап (1, с. 73). В немецком варианте отсутствует сравнение, а в русском применяется сравнительный оборот *как улап*. Переводчик сохранил чувашское слово, используя метод транслитерации.

О благосостоянии жителей деревни Сильпи говорит такой пример: *Унӑн выльӑх-чӑрлӑхсем пичӑке нек сӑреççӗ* (1, с. 26). – *Seine fetten Haustiere sehen rund wie Fässer aus* (2, с. 12). – *А коровы – словно бочки* (1, с. 27). У богатого жителя деревни домашние животные сыты, поэтому их сравнивают с бочками: *пичӑке нек – wie Fässer – словно бочки*. При переводе были употреблены сравнительные слова *wie, словно*, так же как и в подлиннике – *нек*.

В ходе анализа компаративных конструкций поэмы «Нарспи» установлено, что в тексте часто используются сравнения с животными: собакой, волком, быком, рысаком и змеей. Сравниваются не только люди, но и природные явления или другие неодушевленные предметы (*сил – Wind – ветер* сопоставляется с волком, *вут – Flammen – огонь – со змеей и др.*), которые таким образом олицетворяются. При сравнении с птицами (*акӑш – Schwan – лебедь*) и цветами (*чечек – Blume – цветок*) автор подчеркивает красоту. В словосочетании *сарӑ чечек нек* эпитет *сарӑ (желтый)* употребляется в переносном значении, поэтому в переводе автор подбирает такие слова, которые подчеркивают красоту человека, его достоинства [10, с. 277], например причастие *blühend*, сочетание имени существительного с прилагательным *цветочек полевой*. Отсутствие дословного перевода свидетельствует о том, что переводчики владеют информацией о культуре и особенностях чувашского народа. Сравнения с природным явлением *вут нек – как огонь* передают эмоциональное состояние героев и служат для описания событий.

Следует отметить, что перевод сравнений с чувашского языка не вызывает больших

трудностей. Сравнительно-сопоставительный анализ показал, что в некоторых случаях наблюдаются отсутствие сравнительного слова, опущение сравнительных конструкций, а также использование обобщающего слова и замена частей речи. Данные приемы не искажают содержание поэмы «Нарспи», правильно передают ее настроение и эмоциональный фон. Необходимость их применения обусловлена тем, что поэтическое произведение представляет некоторую сложность для художественного перевода, т. к. приходится учитывать лингвокультурное своеобразие оригинального произведения и сохранять стихотворную форму.

К.В. Иванов часто употребляет в поэме сравнения, чтобы точнее и выразительнее передать образ, предмет или ситуацию. Благодаря сравнительным конструкциям он просто и конкретно доносит основную идею сюжета. Можно отметить, что сравнения являются важным коммуникативным приемом. Исходя из вышеназванных примеров, следует сделать вывод: главная функция сравнения – сопоставление качества, состояния или действия какого-либо предмета с другим предметом, имеющим схожие свойства и при этом близким для читателя.

При переводе сравнительных конструкций с одного языка на другой и для точной передачи информации необходимо владеть информацией о культуре, нравах и обычаях народа и страны, потому что сравнения в большинстве случаев связаны с ассоциативным восприятием. Переводчики поэмы «Нарспи» на русский и немецкий языки (П.П. Хузангай и В.А. Иванов) хорошо справились с этой задачей, т. к. являются представителями чувашского народа. Сопоставительный анализ оригинальной поэмы и ее переводов показал, что во всех текстах через сравнения выразительно и точно описываются эмоциональное состояние, внутренний мир и поведение героев произведения.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 511 с.
2. Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. Л.: Наука, 1978. 184 с.
3. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.

4. Анисимова Н.А. Сравнительные отношения в простом предложении (на материале алтайского героического сказания «Маадай-Кара» в переводе А. Плитченко) // Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт». 2013. № 1. С. 51–55. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13011.htm> (дата обращения: 20.05.2023).
5. Гришаева З.В. Сравнительные конструкции с союзом как и их эквиваленты в чувашском языке // Проблемы двуязычия и многоязычия в современных условиях: материалы межвуз. науч.-практ. конф. 11–12 февр. 1993 г. Йошкар-Ола: МГПИ, 1993. С. 43–45.
6. Девятова Н.М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 468 с.
7. Нухов С.Ж. Образное сравнение в английском языке // Вестн. Башкир. ун-та. 2022. Т. 27, № 2. С. 437–445.
8. Кузнецова Т.Н., Трукова А.И. Переводческая деятельность в Чувашии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. 168 с.
9. Николаева Н.В. Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2022. 302 с.
10. Яковлева Т.Н. Особенности перевода чувашских эпитетов на немецкий язык (на примере поэмы К.В. Иванова «Нарспи») // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 20 нояб. 2012 г. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. С. 276–280.

References

1. Vinogradov V.V. *Poetika russkoy literatury* [Poetics of Russian Literature]. Moscow, 1976. 511 p.
2. Eremina V.I. *Poeticheskiy stroy russkoy narodnoy liriki* [Poetic Structure of Russian Folk Lyric Poetry]. Leningrad, 1978. 184 p.
3. Cheremisina M.I. *Sravnitel'nye konstruktсии russkogo yazyka* [Comparative Structures in the Russian Language]. Novosibirsk, 1976. 270 p.
4. Anisimova N.A. Sravnitel'nye otnosheniya v prostom predlozhenii (na materiale altayskogo geroicheskogo skazaniya “Maaday-Kara” v perevode A. Plitchenko) [Comparative Relations in a Simple Sentence (Based on the Altai Heroic Legends “Maadai Kara” Translated by A. Plitchenko)]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Kontsept”*, 2013, no. 1, pp. 51–55. Available at: <http://e-koncept.ru/2013/13011.htm> (accessed: 20 May 2023).
5. Grishaeva Z.V. Sravnitel'nye konstruktсии s soyuzom kak i ikh ekvivalenty v chuvashskom yazyke [Comparative Constructions with the Conjunction *как* and Their Equivalents in the Chuvash Language]. *Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya v sovremennykh usloviyakh* [Problems of Bilingualism and Multilingualism Today]. Yoshkar-Ola, 1993, pp. 43–45.
6. Devyatova N.M. *Diktumno-modusnaya organizatsiya sravnitel'nykh konstruktсий v russkom yazyke* [Dictum-Mode Organization of Comparative Constructions in Russian: Diss.]. Moscow, 2012. 468 p.
7. Nukhov S.Zh. *Obraznoe sravnenie v angliyskom yazyke* [Simile in English]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 437–445.
8. Kuznetsova T.N., Trukova A.I. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v Chuvashii* [Translation Practice in Chuvashia]. Cheboksary, 2020. 168 p.
9. Nikolaeva N.V. *Funktsionirovanie zoonimov v sravneniyakh i metaforakh raznosistemnykh yazykov (na materiale russkogo, chuvashskogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Zoonyms in Similes and Metaphors of Different Languages (Based on Russian, Chuvash, English and German): Diss.]. Cheboksary, 2022. 302 p.
10. Yakovleva T.N. *Osobennosti perevoda chuvashskikh epitetov na nemetskiy yazyk (na primere poemy K.V. Ivanova “Narspi”)* [Translating Chuvash Epithets into German (Exemplified by K.V. Ivanov’s Poem “Narspi”)]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya* [Linguistics, Linguodidactics, Translation Studies: Current Issues and Research Prospects]. Cheboksary, 2012, pp. 276–280.

Информация об авторе

Т.Н. Кузнецова – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (адрес: 428015, г. Чебоксары, Московский просп., д. 15).

Information about the author

Tat'yana N. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at Foreign Languages Department No. 1, I.N. Ulianov Chuvash State University (address: Moskovskiy prosp. 15, Cheboksary, 428015, Russian Federation).

Поступила в редакцию 16.06.2023
Одобрена после рецензирования 05.12.2023
Принята к публикации 07.12.2023

Submitted 16 June 2023
Approved after reviewing 5 December 2023
Accepted for publication 7 December 2023

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 85–98.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 85–98.

Обзорная статья

УДК 141.8

DOI: 10.37482/2687-1505-V323

Дискурсивное пространство изучения феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ

Лариса Александровна Жгилева

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,

e-mail: larsamor@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1639-5791>

Аннотация. В статье на примере российского дискурса показаны современные тенденции в изучении утопий. Анализируется тематика научных исследований, выделяются основные концептуальные тренды. Предметом рассмотрения являются монографии, диссертации и статьи, опубликованные в научных рецензируемых журналах. Критериями отбора выступают актуальность, новизна, современность методологии, а также практическая значимость работ. Анализ проводится с применением общенаучных методов исследования. Хронологический охват отбора – 2020–2023 годы, включившие в себя период пандемии COVID-19, а также серьезные изменения в мировой политической обстановке. Автор выдвигает гипотезу, что пандемия и внешнеполитические события 2022–2023 годов должны были актуализировать изучение утопий и антиутопий. В работе сделан вывод о том, что интерес к указанной теме не иссякает, ведутся глубокие историко-философские исследования данного феномена. В российском дискурсе утопию чаще рассматривают в качестве «места, которого нет». Если утопию интерпретируют как «благословенную землю», то она выступает только как идеал или постоянно ускользающая линия горизонта. В случаях, когда речь идет о возможности реализации утопии, отмечается, что она перестает быть утопией и претерпевает ряд кардинальных изменений, превращаясь в свой антипод. Возможность серьезных социальных изменений, о которых мечтают авторы утопий, исследователями категорически не отрицается, но делается оговорка, что люди должны быть подготовлены к новому социальному порядку, отличному от существующих моделей общества. Наиболее удачной формой утопического произведения по-прежнему считается нарратив. С применением современных технологий утопия визуализируется преимущественно в фильмах-катастрофах или компьютерных играх, т. е. вновь выступает в своей противоположности. Однако, несмотря на значительное количество исследований, посвященных проблемам утопии, российский дискурс остается более консервативным по отношению к общемировым тенденциям понимания и изучения данного феномена.

Ключевые слова: утопия, утопизм, антиутопия, утопическое сознание, научные исследования, российский научный дискурс.

Для цитирования: Жгилева, Л. А. Дискурсивное пространство изучения феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ / Л. А. Жгилева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 85-98. – DOI: 10.37482/2687-1505-V323.

Review article

Discourse Space for Studying the Phenomenon of Utopia in Modern Russia: A Paradigmatic Analysis

Larisa A. Zhgileva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation,
e-mail: larsamor@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1639-5791>

Abstract. Using the example of Russian discourse, the article demonstrates modern trends in the study of utopias. Research topics are analysed and key conceptual trends are highlighted. The subject of consideration is monographs, dissertations and articles published in scholarly peer-reviewed journals, the selection criteria being relevance, novelty, use of modern methodology, as well as practical significance. The analysis involved general research methods. The works span between 2020 and 2023, which includes the period of the COVID-19 pandemic as well as serious changes in the global political situation. The author hypothesizes that the pandemic and foreign policy events of 2022–2023 have updated the topics of utopia and dystopia studies. The paper concludes that the interest in the subject remains strong and that in-depth historical and philosophical research into this phenomenon is being conducted. In Russian discourse, utopia is often viewed as “a place that does not exist”. When utopia is interpreted as a “blessed land”, it represents an ideal or an ever-elusive horizon line. In cases where the feasibility of implementing a utopia is discussed, it is noted that it ceases to be a utopia and undergoes a number of fundamental changes, turning into its antipode. The possibility of serious social changes, dreamed of by the authors of utopias, is not categorically denied by researchers, the reservation being that people must be prepared for a new social order, different from the existing models of society. The most successful form of a utopian work is still considered to be a narrative. With the use of modern technologies, utopia is primarily visualized in disaster films or computer games, that is, once again takes on a shape of its opposite. However, despite a significant amount of research published on the problems of utopia, Russian discourse remains quite conservative in relation to the global trends in understanding and studying this phenomenon.

Keywords: *utopia, utopianism, dystopia, utopian consciousness, research, Russian scholarly discourse.*

For citation: Zhgileva L.A. Discourse Space for Studying the Phenomenon of Utopia in Modern Russia: A Paradigmatic Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 85–98. DOI: 10.37482/2687-1505-V323

Мог ли предполагать в 1516 году сэр Томас Мор, когда была опубликована его книга «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», что интерес общества к вопросу о совершенном государственном устройстве переживет его более чем на 5 сотен лет? Несмотря на начало нового тысячелетия, состояние, охарактеризованное

Т. Манном формулой «Fin de siècle», продолжает перманентно присутствовать в жизни социума, указывая на общественную нестабильность. «Утопии утешают: ибо, не имея реального места, они тем не менее расцветают на чудесном и ровном пространстве; они распаивают перед нами города с широкими проспектами, хорошо возделанные сады, страны благополучия, хотя пути к ним существуют

только в фантазии», – отмечал Мишель Фуко [1, с. 30–31]. Со временем термин «утопия» приобрел множество смысловых оттенков: от обозначения свойственного всем людям стремления к лучшей и комфортной жизни до самых фантастических идей и проектов. В свое время автор публикации достаточно много внимания уделила изучению феномена утопии, рассмотрев классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований [2; 3].

На фоне пандемии COVID-19, а также серьезных изменений в мировой политической обстановке 2022–2023 годов интерес к теме утопий и антиутопий должен был возрасти во всем мире. В данной работе исследуется российский утопический дискурс, в т. ч. анализируются современные тенденции в изучении утопий, тематика научных исследований, выявляются основные концептуальные тренды. Предметом рассмотрения стали монографии, диссертации и статьи, опубликованные в научных рецензируемых журналах и размещенные в открытом доступе. Поиск электронных информационных ресурсов осуществлялся с применением базы данных eLIBRARY.RU, сведения о диссертационных исследованиях получены в информационной системе Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. Критериями отбора выступили актуальность, новизна, использование современной методологии, а также практическая значимость работ. Анализ проводился с применением общенаучных методов. Исследованием охвачены публикации за период 2020–2023 годов. Итоги проведенной работы были представлены автором статьи в докладе «Современные тренды изучения утопии: российский и французский дискурсы» на XIV Международной конференции Школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» «Мир/миры будущего» (5 октября 2023 года, Москва).

Утопия, являясь многогранным феноменом, находится под пристальным вниманием

представителей гуманитарных и социальных наук. Смысловое наполнение термина «утопия», изначально построенное на двойном истолковании, способно изменяться и встраиваться в соответствующие социокультурные и политические контексты. В процессе анализа автор отталкивается от базового определения утопии как «нарратива, который на основе мысленного моделирования формирует определенным образом аксиологически ориентированное общественное сознание» [3, с. 17–18]. Утопия в более узком значении может быть определена как «проект совершенного государственного и общественного устройства, противоположного существующей действительности, созданный на основе ориентации на некий идеал и обосновывающий альтернативную социальную гипотезу» [3, с. 18]. Спектр исследований феномена утопии в России за период 2020–2023 годов условно делится на несколько групп.

Анализируя публикации обзорного характера, можно отметить, с одной стороны, неувядающий интерес ученых к утопической традиции, через которую осмысливается «образ будущего». С другой – социально-политическая обстановка в мире, сложившаяся в рассматриваемый период, побуждает задуматься над вопросом прогнозирования ближайшего будущего на фоне продолжающегося раскачивания миропорядка. Коллективная монография «Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования» посвящена исследованию концепта «образ будущего» и способов его построения в разных сферах культуры и духовной жизни. Ее авторы анализируют позитивные образы будущего, создаваемые философами, писателями, художниками, размышляющими о судьбах человечества. В книге сочетаются философско-теоретический, культурно-исторический, психологический и социологический дискурсы, что обеспечило комплексный подход и междисциплинарный характер исследования [4]. Коллективная монография «Утопический дискурс в русской культуре конца XIX–XXI веков: литература, живопись,

кинематограф» демонстрирует разнообразие подходов к анализу утопических моделей в контексте различных хронологических рамок от эпохи модерна до постмодернизма. Авторами рассмотрены мифология, пастораль и фантастика в качестве инструментов художественной утопии, показаны аспекты диалога европейской и русской утопической традиции [5]. Сборник научных трудов «Феномен утопии в общественном сознании и культуре», посвященный памяти Виктории Атомовны Чаликовой, включает, в основном в обновленном виде, несколько наиболее значимых ее работ, а также ряд исследований новых авторов, связанных с изучением научно-фантастических, архитектурных и музыкальных утопий [6]. Сборник трудов Т.С. Паниотовой «Миры утопии: избранные труды = *Mundos de la utopía: obras seleccionadas*» посвящен вопросам генезиса и эволюции утопического дискурса в России, Европе и Латинской Америке [7].

В 2020 году, в разгар пандемии, выходит доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» под названием «Утопия многообразного мира: как продолжается история». Исследователи обратились к жанру утопии, описанию воображаемого идеального мира, каким он мог бы быть, если бы мировому сообществу удалось обернуть во благо человечества имеющиеся ситуации протеста и раскачивания существующего миропорядка [8]. Авторы коллективной монографии «Мифология века НТР: Утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки: От Франкенштейна и эликсира бессмертия до “биокиборгов” и “постчеловека”» через призму классической и неклассической методологии анализируют утопические аспекты научного творчества. Исследователи обращают внимание на необходимость различения фантастических утопий и проектов конструктивных, реалистических [9].

Историко-философский срез изучения утопий представлен несколькими работами. О.Н. Халуторных и М.В. Максимова обращаются к анализу утопий, созданных русскими космистами. На основе эмпирических критериев

оценки феномена космизма, его значения для развития советской космонавтики, они показывают, что одна из существенных функций утопий русского космизма заключается в формировании идеального типа, к которому в исторической перспективе начинает стремиться реальная общественная система [10]. С.В. Рассадин, Н.Н. Козлова, опираясь на «Утопию» Т. Мора, конституируют уникальность конструктивистского потенциала утопического дискурса. В этом потенциале данные исследователи усматривают перспективу проектирования новой целостной модели общества, а утопия, по их мнению, может быть «способом введения в дискурс новых практик, конфигураций соотношения различных элементов, раздвигающих горизонты социального и позволяющих адаптировать читателя к толерантному восприятию иного социального порядка, признанию отличных от существующих моделей общества» [11, с. 61].

Многообразные и, порой, противоположные мнения высказывают философы и социологи, специализирующиеся на **изучении феномена утопии и утопизма как его проявления**.

И.Т. Касавин, на основании рассмотрения взаимоотношений внутреннего (когнитивно-методологического) и внешнего (социально-институционального) контуров науки, выдвигает гипотезу об источниках ускорения и торможения научных исследований, а также принятия обществом их результатов. Таковые источники исследователь усматривает в когнитивной проблематизации наличного знания и конкуренции института нормальной науки и его социальных альтернатив. В его работе раскрывается роль «научного прекария», своеобразного философа-трикстера, в полемике с которым ученый может возвышаться над собой. Отмечается, что «оба фактора способствуют научной креативности и ее внешнему проявлению – развитию свободного общества. Такую перспективу задает науке и обществу философская утопия знания-как-власти, которая под видом господства над умами провозглашается как стремление к свободе» [12, с. 193].

Р.Р. Белялетдинов применяет термин «утопия» в контексте эпистемологии утилитариз-

ма, которая «позволяет опредмечивать благо и является одной из наиболее распространенных и сильных систем аргументации при принятии решений в технауче, предлагая понятный алгоритм действий – расчет реальных последствий, которые можно измерить и оценить исходя из количественных и качественных показателей» [13, с. 127]. Проанализировав рекомендации Всемирной ассоциации здравоохранения, изданные в период пандемии COVID-19, автор приходит к выводу, что «эпистемологическая утопия утилитаризма – “утилитаристский архангел”, который может в ситуации неопределенности найти правильное решение, при больших потоках данных почти недостижим. Эмоциональное и психологическое давление, заложенное в утилитаризме как ограничение индивидуальных интересов ради достижения общего блага, учитывая невозможность рассчитать истинную ценность каждой отдельной жизни, дает основания относиться к утилитаристской системе принятия решений с большой долей осторожности» [13, с. 131].

О возможности утопии не только выступить в качестве одного из признаков кризисного состояния общества, но и стать стимулирующей формой самосознания, которая позволит человеку понять и принять себя в настоящем, говорят Е.Ф. Куземина и Н.В. Пашкова [14]. Вопрос об укорененности утопического сознания в современном обществе поднимает И.А. Иншаков. Он выделяет ряд черт современности, благодаря которым становится возможным появление новых утопий [15]. М.А. Романенко обращается к темпоральным модусам «прошлое» и «будущее» в контексте утопии, понимаемой как пространство реализации оптимистических предвосхищений [16]. А.А. Власов пытается прояснить вопрос, каким образом утопия как исторический феномен обнаруживает для себя место в условиях конца истории, конца будущего и, возможно, конца самой себя. Он проводит анализ и сопоставление двух возможных векторов утопического нарратива и предлагает в современных условиях рассматривать утопию «как инструмент диагностики ограничений на-

стоящего и как видение нереализованного – и, возможно, неосуществимого – будущего» [17, с. 39]. Г.Д. Леонтьев и Л.С. Леонтьева исследуют феномен утопии как социальной альтернативы в аспекте ее праксеологической специфики [18]. А.Ю. Долгих рассуждает о способности утопий изменить социум и задается вопросами «до какой степени совместимы утопия и преступность? Возможно ли (и необходимо ли) искоренение преступности в качестве условия построения утопии?» [19, с. 95].

Исследователи продолжают анализировать **политическую утопию, а также идеологию как ее проявление**. П.А. Ореховский изучает идеи «новых левых» XXI века, обращая особое внимание на концепцию Н. Срничека и А. Уильямса, которая по своей радикальности фактически граничит с утопией. Автор оценивает сильные и слабые стороны концепций, а также вероятность реализации отдельных социалистических сценариев в будущем. Оценка осуществляется с позиций возможности обеспечения государством условий будущего экономического роста. По мнению Ореховского, «без учета возможностей радикального перелома действующих тенденций для большинства современных национальных экономик сценарий социального регресса и перехода к негативному суверенитету представляется наиболее реальным» [20, с. 2]. Анализу проблемы утопии в новейшем марксизме посвящено исследование А.В. Павлова. Он отмечает, что, отказываясь от традиционного понимания утопии как «готового плана», социологи рассматривают ее как альтернативу, возможности которой можно разглядеть в реальности, а философы представляют как надежду, горизонт невозможного, стремление к лучшему будущему. Для современных марксистов утопия остается одной из важнейших категорий социальной теории [21].

Ю.С. Черняховская, анализируя проявления нового либерализма, рассматривает современные утопии в качестве показателя, позволяющего охарактеризовать сущностные черты той или иной идеологии. Придя к выводу о кризисе

идеологий классического типа, она указывает, что в настоящее время «назревает необходимость обратиться к поиску новых концепций, возможно, еще не получивших статус признанных академически» [22, с. 106], а в качестве примера приводит работу братьев Стругацких «Полдень, XXII век (Возвращение)», видя в книге «философскую рефлексию по поводу обозримых результатов развития современных политических процессов» [22, с. 106].

Критический обзор альтернативных сценариев будущего на материалах из идейного наследия В.И. Ленина, А.А. Богданова, А.К. Гастева и А.В. Чаянова осуществила в своей работе Т.С. Паниотова. Автор интерпретирует указанные сценарии будущего как официальную, технократическую и крестьянскую утопии. В ходе сравнительного анализа текстов и идей выявляются не только оригинальные, но и общие черты, свойственные утопиям: «зачарованность техникой», регламентация, эгалитаризм, авторитаризм [23]. Тему утопических произведений Т.С. Паниотова продолжает в работе, посвященной анализу революционных празднеств периода советской культуры 1917–1920-х годов и роли, которую они играли в легитимизации советской цивилизации и формировании позитивного образа ее будущего. Выделение утопического измерения революционных праздников основывается на понимании автором утопии как «универсальной культурной формы чувственно-рационального освоения социальной реальности в образах-концепциях, синтезирующих представления о счастье и гармонии и отвечающих человеческой потребности в предвидении и моделировании альтернативных вариантов исторического развития» [24, с. 580].

Активно продолжается изучение **проявления феномена утопии в культуре, в т. ч. литературе и киноискусстве**. И.В. Желтикова в своем исследовании обращается к принципам разграничения понятий «утопия» и «антиутопия» с позиций восприятия идеала и оценки вымышленного мира. Автор предлагает рассматривать содержание утопических произве-

дений с трех позиций: «с позиции самих населяющих воображаемый мир людей (внутренняя оценка); с позиции автора, дающего оценку описываемого мира (авторская оценка); с учетом возможной оценки общественной модели читателями (внешняя оценка)», демонстрируя их на примере российских утопий начиная с XVIII века и до современности [25, с. 77]. На основании взаимодополняемости различных концепций гипотетического развития культуры – «метатеорий возможного» (более или менее нейтральной «теории возможного», теории «культурного взрыва», логики «непредсказуемых событий» и т. п.) А.В. Демкина предлагает методологию научного анализа художественных и публицистических рефлексий возможного [26]. В.А. Ковалев, обращаясь к творчеству И. Ефремова, заявляет о необходимости пересмотра социально-философского контекста известных утопий. Он обращает внимание на то, что «“микроорганизмы” тоталитарно-коммунистического мировоззрения в благоприятной среде могут привести к новому ГУЛАГу, террору и беззаконию» [27, с. 114–115]. В последующей работе В.А. Ковалев акцентирует внимание читателей на двух главных, по его мнению, смыслах, заложенных И. Ефремовым: «это во-первых, назревание неизбежной глобальной катастрофы, после которой и будет открыта возможность коммунистической организации мира; и во-вторых, это страстный призыв признать значение свободного Эроса для нормальной человеческой жизни» [28, с. 107].

Растет интерес к изучению творчества Андрея Платонова, связанный с попытками классификации произведений в жанре утопий или антиутопий. Среди наиболее интересных работ следует отметить труды С.С. Неретиной [29], М.В. Заваркиной [30] и Н.Г. Митиной [31].

О.С. Сухих исследует черты утопии и антиутопии в художественном мире произведения В.П. Крапивина «Ампула Грина» и приходит к выводу о том, что «антиутопические черты для автора воплощены в настоящем, а утопические – мир детства» [32, с. 70–71]. Н.М. Твердынин анализирует диалектическое взаимодействие

обыденного и научного знания в процессах создания и чтения научно-фантастических произведений. Им установлено, что произведения в стиле киберпанк и стимпанк могут служить основой для работ в жанрах утопии и антиутопии, однако возможности каждого стиля при этом могут отличаться, что проявляется и в самих произведениях, и в их восприятии [33].

В монографии журналиста и киноведа Е.Ю. Ермаковой на большом фактическом материале раскрыта эволюция утопии как жанра кинематографа. Автором предложена оригинальная теория перехода от социальной утопии к утопии мышления в современном кино [34]. О.В. Шестерик изучает границы смыслового разделения терминов «утопия», «утопизм», «антиутопия» и корректное их применение на различных стадиях разработки кинопроектов [35]. Н.А. Дидковская и С.П. Бертова анализируют процесс усложнения и взаимодействия жанров утопии и антиутопии в кинематографе [36].

В области изучения **утопий в связи с цифровым миром и искусственным интеллектом** значимым событием стала защита в декабре 2021 года диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии И.Д. Тузовским. Целью своей работы автор поставил построение «концептуальной модели (характерные черты, конфигурации, гуманистический потенциал, утопические компоненты) культуры Цифровой эпохи и осуществление актуальной социокультурной диагностики сценариев глобализационных процессов и трендов развития квази-«информационных обществ» XXI века» [37, с. 16–17]. Он отмечает, «что современное информационное общество обладает определенным гуманистическим потенциалом, что ярко выражается в проявившихся в начале XXI в. трендах развития... Эти тренды определяют возможности реализации гуманистического вектора развития глобального общества на основе практического воплощения сильного утопического потенциала радикальных концепций постсовременности, таких как викиномика, дарономика или шерингпотребление» [37, с. 37].

О.Н. Халуторных и Е.А. Егорова анализируют социально-философский аспект феномена утопичности цифрового пространства в современном обществе. «Цифровая утопия» охарактеризована ими как «новая категория общественно-гуманитарного знания, символизирующая начало критического осмысления технологического прогресса и сигнализирующая о ранее неизвестных формах принуждения и насилия над личностью» [38, с. 3]. Исследователи отмечают, что «в современном обществе мерилom совершенства, идеалом выступает машина/искусственный интеллект», а «интеграция медиа-технологий приводит к формированию высокоинтеллектуального коммуникативного пространства, которое становится локомотивом глобальных преобразований, но направление, характер этих преобразований со всей сопутствующей ответственностью полностью определяется обществом и его идеологией» [38, с. 3, 5]. О.Н. Халуторных и Е.А. Егорова приходят к выводу, что жизнь в цифровой среде (иллюзорной среде желаемого) у многих субъектов может не соответствовать действительности, что приводит к росту психологических проблем и девиаций. Поэтому «изучение феномена цифровой утопии и ее основных аспектов во многом является ключом к постижению идеологии постиндустриального общества и прогнозированию путей его дальнейшего развития, что также может способствовать выявлению разнообразных проблем и их заблаговременному решению» [38, с. 9].

Изучению нового технологического искусства, ставшего одним из катализаторов появления цифровых утопий и дистопий, посвящена работа Т.С. Паниотовой (в соавторстве с Р. Иглесиасом Гарсией). Исследуется, как в художественных практиках фигура киборга становится центром формирующейся новой утопической трансгуманистической парадигмы [39].

Интересна и востребована тематика работ, связанных с **анализом аксиологической функции утопии**. В.В. Мархинин рассматривает «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона в контексте изучения взгляда автора утопии на миссию ученого, цели научно-технического прогресса,

а также взаимоотношения власти и науки. Акцент Мархинин делает на том, что, по мнению Ф. Бэкона, государственная власть не может являться инициатором и источником нравственного прогресса. Только ученый способен выступить по отношению к обществу в роли интеллектуального и морального эталона [40, с. 101–102]. Изучению утопической традиции понимания счастья в контексте формирования образов будущего посвящена одна из работ Т.С. Паниотовой. Автор анализирует примеры известных утопий Т. Мора, А. де Сен-Симона, Ш. Фурье и приходит к выводу, что «человеческие надежды обрести счастье и заглянуть в будущее неодолимы, поэтому утопическая функция продолжает пульсировать в современном мире, принимая новые формы и открывая новые возможности» [41, с. 8].

В ходе проведенного Т.Б. Щепанской в период 2018–2019 годов нетнографического исследования обсуждений деревенского варианта выживания в случае глобальной катастрофы, его участники генерировали ситуации кризисной социальности катастрофического будущего. Исследование было дополнено анализом практик самоизоляции в период пандемии COVID-19 (2020 год). Автор обращает внимание, что «спецификой субкультурной идеологии выживания является ориентация на переезд как создание автономного социального мира». Однако «опыт реализации проекта бегства в деревню обнаружил признаки кризисной трансформации институтов власти на региональном и муниципальном (локальном) уровнях, изменение некоторых неформальных институтов (соседство), которые не всегда позволяли реализовать социальный капитал, сформированный горожанами в сельской местности до кризиса, что трактуется в дискурсе выживальщиков как разрушение их проекта сельской автономии, который все в большей степени подвергается критике как утопия» [42, с. 83–84].

А.И. Желнин и Е.А. Южакова рассуждают об этической стороне концепции биотехнологического «улучшения». Они изучают взаимодействие технологического и гуманитарного (творческого) подходов к пониманию данного

вопроса, иллюстрируя ситуацию на примерах научно-фантастических произведений в литературе и кинематографе [43].

Исследователи как в России, так и за рубежом сходятся во мнении, что сущность утопии заключается в создании воображаемой совершенной общественной системы, противоположной реальной действительности. Системы, которая может обеспечить всеобщее счастье. Утопическое мышление – это мечта об иной реальности, более совершенной, чем настоящая. Утопию питают надежда и желание изменить имеющееся положение вещей.

Ниже для сравнения рассмотрим ряд концепций утопии и утопизма, предложенных современными зарубежными исследователями.

Р. Рюйер определяет утопизм как еще один способ увидеть «реальность» или найти способ ее преобразования, представив себе альтернативные варианты. Он называет этот прием «упражнением в латеральных возможностях», говоря об открытии того, что находится за пределами непосредственного, о практике поиска иных способов организации общества, возможных решений проблем, затрагивающих людей, перспектив реформ, иных способов политической и социальной организации и т. д. [44].

Если мы сегодня хотим изменить мир, замечает в предисловии к книге Т. Мора С. Данкомб, мы должны заключить мир с Утопией. Но «новую утопию» нельзя рассматривать как статичное общество, в котором обыватели живут, слепо веря в превосходство своей собственной организации, в безопасность, которую им гарантируют законы, при относительной социальной ответственности, которая освобождает их от тяжелого бремени. «Новая утопия» станет «открытой утопией», демократической по своей концепции, «альтернативным обществом», при котором будет иметь вес критическое мнение населения. Будет создана «утопия общественного участия», в которой все жители свободны и несут совместную ответственность [45].

Представление себя другими – центральный элемент современного утопического проекта, утверждает Л. Суарес: «Порыв к лучшей жизни живет в самой глубокой части челове-

ского сердца и вписан в утопию, которая представляет собой метод, наделенный активным значением. Сегодня мы говорим об утопии как способе жизни с надеждой на лучшее будущее, о желании позитивно изменить мир» [46].

Обломки неудавшихся утопий прошлого столетия образовали вакуум, а исследования социальных трансформаций в последние десятилетия вообще не были модными в академических кругах, отмечает М. Флербе. Между тем сегодня существует важный общественный запрос на долгосрочную перспективу и уверенность в завтрашнем дне. Социальные науки лучше, чем когда-либо, оснащены для удовлетворения этого спроса: «Форма, которую может принять такой ответ сейчас, сильно отличается от утопий-антиутопий и самопровозглашенных научных идеологий, которые провидцы предлагали два столетия назад. Что можно предложить сейчас, так это проведение серьезного, действительно строгого научного анализа желаемого и возможности изменений в социальной организации и социальной структуре. Утопическое мышление должно быть “включено” в академический и технический анализ институтов и социальных явлений. При этом оно может потерять свою романтическую ауру, но обретет гораздо большую благотворную силу» [47, с. 27].

«Сегодня принято называть утопии “реалистичными”, более скромными по масштабу, но конвертируемыми в конкретные действия, которые, вероятно, будут реализованы в краткосрочной или среднесрочной перспективе», – заключает Ф. Моати, инициатор проекта по изучению «утопических перспектив», формализованных систем мышления, характеризующих «видения мира» и перспективы желаемого будущего французских граждан [48, с. 7].

Утопические идеи, вдохновлявшие просветителей, стали настоящим для людей XXI века. Необходимо продолжать мечтать и претворять в жизнь свои мечты. Таков общий вектор современных зарубежных исследований утопического сознания. Однако российские ученые держатся отстраненно от погружения в «утопическую реальность». Мы видим, что сегодня, несмотря на значительное количество работ, посвященных проблемам утопии, российский дискурс более консервативен по отношению к общемировым тенденциям понимания и изучения феномена утопии.

Подводя итоги, следует отметить ряд особенностей современного российского дискурса интерпретации утопии:

1. Утопию чаще рассматривают в качестве «места, которого нет».

2. Если утопию интерпретируют как «благословенную землю», то она выступает только как идеал или постоянно ускользающая линия горизонта.

3. В случаях, когда речь идет о возможности реализации утопии, делается оговорка, что она перестает быть утопией и претерпевает ряд кардинальных изменений, превращаясь в свой антипод.

4. Возможность серьезных социальных изменений, о которых мечтают авторы утопий, исследователями категорически не отрицается, но отмечается, что люди должны быть подготовлены к новому социальному порядку, отличному от существующих моделей общества.

5. Наиболее удачной формой утопического произведения по-прежнему считается нарратив.

6. С применением современных технологий утопия визуализируется преимущественно в фильмах-катастрофах или компьютерных играх, т. е. вновь выступает в своей противоположности.

Список литературы

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 405 с.

2. Морщихина Л.А. Исследование феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 2. С. 46–57. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.46>

3. *Морщихина Л.А.* Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2004. 195 с.
4. Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования: моногр. / отв. ред. Т.С. Паниотова. Ростов н/Д.; Таганрог: Юж. федер. ун-т, 2021. 268 с.
5. Утопический дискурс в русской культуре конца XIX–XXI веков: литература, живопись, кинематограф: моногр. / науч. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта, 2021. 281 с.
6. Феномен утопии в общественном сознании и культуре: Памяти Виктории Атомовны Чаликовой: сб. науч. тр. / отв. ред. С.А. Гудимова. М.: ИНИОН РАН, 2021. 283 с.
7. *Паниотова Т.С.* Миры утопии: избранные труды = *Mundos de la utopía: obras seleccionadas*. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2022. 351 с.
8. *Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н.* Утопия многообразного мира: как продолжается история. М.: Междунар. дискус. клуб «Валдай», 2020. 28 с.
9. Мифология века НТР: Утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки. От Франкенштейна и эликсира бессмертия до «биокиборгов» и «постчеловека» / сост. М.И. Фролова. М.: Ленанд, 2020. 448 с.
10. *Халуторных О.Н., Максимова М.В.* О прогностических и моделирующих функциях социальных утопий русских космистов // Социум и власть. 2021. № 2(88). С. 50–57. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-2-50-57>
11. *Рассадин С.В., Козлова Н.Н.* Утопия Т. Мора как способ конструирования общества: социально-философский анализ // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. С. 61–71. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3.6>
12. *Касавин И.Т.* Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 193–200. <https://doi.org/10.17223/1998863X/68/19>
13. *Беляетдинов Р.Р.* Утилитаризм и пандемия: эпистемологическая утопия как *modus operandi* // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 126–132. <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.4.10>
14. *Күземеина Е.Ф., Пашкова Н.В.* Утопия как форма экзистенциальной изоляции // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8(100). С. 45–49. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.6>
15. *Инишаков И.А.* Современность как время для утопии // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и соц. политики). 2022. № 1(104). С. 7–23. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-7-23>
16. *Романенко М.А.* Воображая будущее: прошлое в утопическом измерении // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2020. № 3(95). С. 35–43. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10303>
17. *Власов А.А.* Конец истории. Конец утопии. Конец будущего? // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2023. № 1(111). С. 34–40. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-34-40>
18. *Леонтьев Г.Д., Леонтьева Л.С.* Праксеология социальной утопии: протест-проект-практика // Социодинамика. 2020. № 2. С. 64–73. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.2.30089>
19. *Долгих А.Ю.* *Utopia et criminalia* («Утопия и преступные дела») // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 94–108.
20. *Ореховский П.А.* Социализм и левая утопия в XXI веке (К. Крауч, Т. Пикетти, Н. Срничек, А. Уильямс и др.): науч. докл.: препринт. М.: Ин-т экономики РАН, 2020. 50 с.
21. *Павлов А.В.* Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука // Вопр. философии. 2021. № 9. С. 25–36. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-9-25-36>
22. *Черняховская Ю.С.* От утопии либерализма к антиутопии Фукуямы // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 101–110.
23. *Паниотова Т.С.* Битва за будущее на перекрестке утопий // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2020. № 3(95). С. 6–20. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10301>
24. *Паниотова Т.С., Романенко М.А.* Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 577–592. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.689>
25. *Желтикова И.В.* Контуры российских утопий, или границы между позитивными и негативными воображаемыми мирами // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2022. № 5(109). С. 75–85. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-75-85>
26. *Демкина А.В.* Конструирование возможного будущего в позднесоветской интеллектуальной культуре 1980-х – начала 1990-х годов (на примере фантастической литературы): дис. ... канд. культурологии. М., 2022. 355 с.
27. *Ковалев В.А.* Две стороны инферно. Утопия и антиутопия в творчестве Ивана Ефремова (статья первая) // История и современность. 2020. № 1(35). С. 94–115.

28. Ковалев В.А. Между Эросом и Танатосом: Утопия и антиутопия Ивана Ефремова (статья вторая) // История и современность. 2021. № 1(39). С. 82–110. <https://doi.org/10.30884/iis/2021.01.04>
29. Неретина С.С. Утопия как свободомыслие у Платонова // Филос. науки. 2020. Т. 63, № 3. С. 75–94. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-3-75-94>
30. Заваркина М.В. Утопия как антиутопия (повесть Андрея Платонова «Хлеб и чтение») // Проблемы истор. поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 326–352. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.9402>
31. Митина Н.Г. Тема любви в русских философских утопиях 1920–1930-х гг. (А. Платонов и С. Калачов) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2021. № 468. С. 69–74. <https://doi.org/10.17223/15617793/468/8>
32. Сухих О.С. Утопия и антиутопия как две грани художественной реальности в романе В.П. Крапивина «Ампула Грина» // *Litera*. 2022. № 9. С. 70–82. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.9.38832>
33. Твердынин Н.М. Научная фантастика как поле взаимопроникновения и взаимовлияния научного и обыденного сознания // Семиот. исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 31–36. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-31-36>
34. Ермакова Е.Ю. Эволюция социальной утопии как жанра кинематографа. М.: МГППУ, 2021. 104 с.
35. Шестерик О.В. Определение жанра утопии и антиутопии в отечественном кинематографе // Культур. жизнь Юга России. 2020. № 2(77). С. 71–76.
36. Дидковская Н.А., Бертова С.П. Современный кинематограф как рефлексивное поле амбиутопизма // Верхневолж. филол. вестн. 2020. № 4(23). С. 205–213. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-205-213>
37. Тузовский И.Д. Культура цифровой эпохи: Утопический и гуманистический потенциал «информационного общества»: дис. ... д-ра культурологии. Челябинск, 2021. 365 с.
38. Халтурных О.Н., Егорова Е.А. Цифровая утопия в современном обществе: социально-философский аспект // Гуманит. вестн. 2022. № 2(94). <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-2-771>
39. Иглесиас Гарсиа Р., Паниотова Т.С. «Наше постчеловеческое будущее» в утопиях современного искусства // Человек. 2021. Т. 32, № 4. С. 149–171. <https://doi.org/10.31857/S023620070016693-9>
40. Мархинин В.В. Новая Атлантида – технократическая утопия? // Сиб. филос. журн. 2023. Т. 21, № 1. С. 90–104. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2023-21-1-90-104>
41. Паниотова Т.С. Будущее как ожидание счастья // *Abyss* (Вопр. философии, политологии и соц. антропологии). 2022. № 2(20). С. 5–12.
42. Щепанская Т.Б. Домик-в-деревне для бегства и выживания: утопия сельской автономии в популярной футурологии катастроф // Этногр. обозрение. 2020. № 6. С. 70–87. <https://doi.org/10.31857/S086954150013122-4>
43. Желнин А.И., Южакова Е.А. Конвергенция подходов к «улучшению человека»: между технаукой, моралью и искусством // Новые идеи в философии. 2020. № 7(28). С. 158–166.
44. Ruyer R. *L'utopie et les utopies*. Saint-Pierre-de-Salerne: Gerard Monfort, 1988. 294 p.
45. More T. *Open Utopia*. Wivenhoe: Minor Compositions, 2012. 242 p.
46. Soares L.C. Utopia – realidades possíveis ou possíveis realidades? // *Cultura*. 2017. Vol. 36. P. 355–372. <https://doi.org/10.4000/cultura.3778>
47. Fleurbaey M. Mainstreaming Utopia: A Global Challenge // *Penser global: Internationalisation et globalisation des sciences humaines et sociales* / ed. by M. Wiewiorka, L. Lévi-Strauss, G. Lieppe. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2015. P. 93–102. <https://doi.org/10.4000/books.editionsmslh.4726>
48. L'observatoire des perspectives utopiques: Rapport d'analyse. Vague 1. Paris, 2019. 152 p. URL: <https://librairie.ademe.fr/consommer-autrement/5709-observatoire-des-perspectives-utopiques-des-francais-vague-1-de-2019.html> (дата обращения: 15.11.2023).

References

1. Foucault M. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966, 405 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, 1994. 405 p.).
2. Morshchikhina L.A. Research into the Phenomenon of Utopia in Modern Russia: A Paradigmatic Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 2, pp. 46–57. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.46>
3. Morshchikhina L.A. *Klassicheskie i neklassicheskie utopii v kontekste sotsial'no-filosofskikh issledovaniy* [Classical and Non-Classical Utopias in the Context of Socio-Philosophical Research: Diss.]. Arkhangelsk, 2004. 195 p.

4. Paniotova T.S. (ed.). *Pozitivnyy obraz budushchego: teoriya, istoriya, sposoby konstruirovaniya* [Positive Image of the Future: Theory, History and Design Methods]. Rostov-on-Don, 2021. 268 p.
5. Kovtun N.V. (ed.). *Utopicheskiy diskurs v russkoy kul'ture kontsa XIX–XXI vekov: literatura, zhivopis', kinematograf* [Utopian Discourse in Russian Culture of the Late 19th – 21st Centuries: Literature, Painting and Cinema]. Moscow, 2021. 281 p.
6. Gudimova S.A. (ed.). *Fenomen utopii v obshchestvennom soznanii i kul'ture* [The Phenomenon of Utopia in Public Consciousness and Culture]. Moscow, 2021. 283 p.
7. Paniotova T.S. *Mundos de la utopia: obras seleccionadas*. Rostov-on-Don, 2022. 351 p.
8. Barabanov O.N., Bordachev T.V., Lisovolik Ya.D., Luk'yanov F.A., Sushentsov A.A., Timofeev I.N. *Utopiya mnogoobraznogo mira: kak prodolzhaetsya istoriya* [Utopia of a Diverse World: How History Continues]. Moscow, 2020. 28 p.
9. Frolova M.I. (comp.). *Mifologiya veka NTR: Utopii, mify, nadezhdy i real'nost' noveyshikh napravleniy nauki: Ot Frankenshteyna i eliksira bessmertiya do "biokiborgov" i "postcheloveka"* [Mythology of the Era of Technological Revolution: Utopias, Myths, Hopes and Reality of the Recent Scientific Directions: From Frankenstein and the Elixir of Life to Biocborgs and Posthumans]. Moscow, 2020. 448 p.
10. Khalutornykh O.N., Maksimova M.V. On the Prognostic and Modeling Functions of the Social Utopias of Russian Cosmists. *Socium i vlast'*, 2021, no. 2, pp. 50–57 (in Russ.). <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-2-50-57>
11. Rassadin S.V., Kozlova N.N. Utopiya T. Mora kak sposob konstruirovaniya obshchestva: sotsial'no-filosofskiy analiz [T. More's Utopia as a Way of Constructing Society: Socio-Philosophical Analysis]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2022, no. 3, pp. 61–71. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3.6>
12. Kasavin I.T. When the Future Borders on Utopia: Science in Perspective. *Tomsk State Univ. J. Philos. Sociol. Polit. Sci.*, 2022, vol. 68, pp. 193–200 (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/68/19>
13. Belyaletdinov R.R. Utilitarizm i pandemiya: epistemologicheskaya utopiya kak modus operandi [Utilitarianism and the Pandemic: Epistemological Utopia as a modus operandi]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2021, no. 4, pp. 126–132. <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.4.10>
14. Kuzemina E.F., Pashkova N.V. Utopia as a Form of Existential Isolation. *Soc. Philos. Hist. Cult.*, 2022, no. 8, pp. 45–49 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.6>
15. Inshakov I.A. Sovremennost' kak vremya dlya utopii [Modernity as a Time for Utopia]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsial'noy politiki)*, 2022, no. 1, pp. 7–23. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-7-23>
16. Romanenko M.A. Voobrazhaya budushchee: proshloe v utopicheskom izmerenii [Imagining the Future: The Past in Utopian Dimension]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2020, no. 3, pp. 35–43. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10303>
17. Vlasov A.A. The End of History. The End of Utopia. The End of Future? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2023, no. 1, pp. 34–40 (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-34-40>
18. Leont'ev G.D., Leont'eva L.S. Prakseologiya sotsial'noy utopii: protest-proekt-praktika [Praxeology of Social Utopia: Protest–Project–Practice]. *Sotsiodinamika*, 2020, no. 2, pp. 64–73. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.2.30089>
19. Dolgikh A.Yu. Utopia and Criminality. *Tomsk State Univ. J. Philos. Sociol. Polit. Sci.*, 2023, no. 72, pp. 94–108 (in Russ.).
20. Orekhovskiy P.A. *Sotsializm i levaya utopiya v XXI veke (K. Krauch, T. Piketti, N. Srnichek, A. Uil'yams i dr.)* [Socialism and Leftist Utopia in the 21st Century (C. Crouch, T. Piketty, N. Srnicek, A. Williams and Others)]. Preprint. Moscow, 2020. 50 p.
21. Pavlov A.V. Utopia in the Recent Western Marxism: Anomaly, Hope, Science. *Voprosy filosofii*, 2021, no. 9, pp. 25–36 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-9-25-36>
22. Chernyakhovskaya Yu.S. Ot utopii liberalizma k antiutopii Fukuyamy [From Liberal Utopia to Fukuyama's Anti-Utopia]. *Tetradi po konservatizmu*, 2021, no. 3, pp. 101–110.
23. Paniotova T.S. Bitva za budushchee na perekrestke utopiy [The Battle for the Future at the Intersection of Utopias]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2020, no. 3, pp. 6–20. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10301>

24. Paniotova T., Romanenko M. The Skill of Imagining the Future: The Utopian Dimension of Soviet Revolutionary Festivities. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 577–592. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.689>
25. Zheltikova I.V. The Outline of Russian Utopias or Boundaries Between Positive and Negative Imaginary Worlds. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2022, no. 5, pp. 75–85 (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-75-85>
26. Demkina A.V. *Konstruirovaniye vozmozhnogo budushchego v pozdnesovetskoy intellektual'noy kul'ture 1980-kh – nachala 1990-kh godov (na primere fantasticheskoy literatury)* [Construction of a Possible Future in the Late Soviet Intellectual Culture of the 1980s – Early 1990s (Exemplified by Science Fiction): Diss.]. Moscow, 2022. 355 p.
27. Kovalev V.A. Dve storony inferno. Utopiya i antiutopiya v tvorchestve Ivana Efremova (stat'ya pervaya) [Two Sides of the Inferno. Utopia and Dystopia in the Works of Ivan Efremov (Article One)]. *Istoriya i sovremennost'*, 2020, no. 1, pp. 94–115.
28. Kovalev V.A. Mezhdru Erosom i Tanatosom: Utopiya i antiutopiya Ivana Efremova (stat'ya vtoraya) [Between Eros and Tanatos: Utopia and Anti-Utopia in the Works of Ivan Efremov (Article Two)]. *Istoriya i sovremennost'*, 2021, no. 1, pp. 82–110. <https://doi.org/10.30884/iis/2021.01.04>
29. Neretina S.S. Platonov's Utopia as Freethinking. *Russ. J. Philos. Sci.*, 2020, vol. 63, no. 3, pp. 75–94 (in Russ.). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-3-75-94>
30. Zavarkina M.V. Utopia as an Anti-Utopia (Andrey Platonov's Short Novel *Bread and Reading*. *Probl. Hist. Poet.*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 326–352 (in Russ.). <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.9402>
31. Mitina N.G. The Theme of Love in Russian Philosophical Utopias of the 1920s and 1930s (Andrei Platonov and Stepan Kalachov). *Tomsk State Univ. J.*, 2021, no. 468, pp. 69–74 (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/468/8>
32. Sukhikh O.S. Utopiya i antiutopiya kak dve grani khudozhestvennoy real'nosti v romane V.P. Krapivina "Ampula Grina" [Utopia and Dystopia as Two Facets of Artistic Reality in V.P. Krapivin's Novel "Green's Ampoule"]. *Litera*, 2022, no. 9, pp. 70–82. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.9.38832>
33. Tverdnyin N.M. Science Fiction as the Sphere of Interpenetration and Mutual Influence of Scientific and Everyday Consciousness. *Semiot. Stud.*, 2022, vol. 2, no. 4, pp. 31–36 (in Russ.). <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-31-36>
34. Ermakova E.Yu. *Evol'yutsiya sotsial'noy utopii kak zhanra kinematografa* [The Evolution of Social Utopia as a Cinematic Genre]. Moscow, 2021. 104 p.
35. Shesterik O.V. Opredeleniye zhanra utopii i antiutopii v otechestvennom kinematografe [Definition of the Genre of Utopia and Dystopia in Russian Cinema]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2020, no. 2, pp. 71–76.
36. Didkovskaya N.A., Bertova S.P. Sovremennyy kinematograf kak reflektivnoye pole ambiutopizma [Modern Cinema as a Reflexive Field of Ambiutopism]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskyy vestnik*, 2020, no. 4, pp. 205–213. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-205-213>
37. Tuzovskiy I.D. Kul'tura tsifrovoy epokhi: Utopicheskiy i gumanisticheskiy potentsial "informatsionnogo obshchestva" [Culture of the Digital Age: Utopian and Humanistic Potential of the Information Society: Diss.]. Chelyabinsk, 2021. 365 p.
38. Khalutornykh O.N., Egorova E.A. Tsifrovaya utopiya v sovremennom obshchestve: sotsial'no-filosofskiy aspekt [Digital Utopia in Modern Society: Socio-Philosophical Aspect]. *Gumanitarnyy vestnik*, 2022, no. 2. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-2-771>
39. Iglesias Garcia R., Paniotova T.S. "Nashe postchelovecheskoe budushchee" v utopiyakh sovremennogo iskusstva ["Our Posthuman Future" in Utopias of Contemporary Art]. *Chelovek*, 2021, vol. 32, no. 4, pp. 149–171. <https://doi.org/10.31857/S023620070016693-9>
40. Markhinin V.V. New Atlantis – a Technocratic Utopia? *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 90–104 (in Russ.). <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2023-21-1-90-104>
41. Paniotova T.S. Budushchee kak ozhidaniye schast'ya [The Future as the Expectation of Happiness]. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noy antropologii)*, 2022, no. 2, pp. 5–12.
42. Shchepanskaya T.B. Domik-v-derevne dlya begstva i vyzhivaniya: utopiya sel'skoy avtonomii v populyarnoy futurologii katastrof [House-in-the-Village for Escape and Survival: Utopia of Rural Autonomy in the Popular Futurology of Disasters]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 6, pp. 70–87. <https://doi.org/10.31857/S086954150013122-4>
43. Zhelnin A.I., Yuzhakova E.A. Konvergentsiya podkhodov k "uluchsheniyu cheloveka": mezhdru tekhnoukoy, moral'yu i iskusstvom [Convergence of Approaches to "Human Enhancement": Between Technoscience, Morality and Art]. *Novye idei v filosofii*, 2020, no. 7, pp. 158–166.
44. Ruyer R. *L'utopie et les utopies*. Saint-Pierre-de-Salerne, 1988. 294 p.

Жгилева Л.А.

Дискурсивное пространство изучения феномена утопии в современной России...

45. More T. *Open Utopia*. Wivenhoe, 2012. 242 p.

46. Soares L.C. Utopia – realidades possíveis ou possíveis realidades? *Cultura*, 2017, vol. 36, pp. 355–372. <https://doi.org/10.4000/cultura.3778>

47. Fleurbaey M. Mainstreaming Utopia: A Global Challenge. Wiewiorka M., Lévi-Strauss L., Lieppe G. (eds.). *Penser global: Internationalisation et globalisation des sciences humaines et sociales*. Paris, 2015, pp. 93–102. <https://doi.org/10.4000/books.editionsmssh.4726>

48. *L'observatoire des perspectives utopiques: Rapport d'analyse*. Vague 1. Paris, 2019. 152 p. Available at: <https://librairie.ademe.fr/consommer-autrement/5709-observatoire-des-perspectives-utopiques-des-francais-vague-1-de-2019.html> (accessed: 15 November 2023).

Информация об авторе

Л.А. Жгилева – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the author

Larisa A. Zhgileva, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Philosophy and Sociology Department, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation).

Поступила в редакцию 15.11.2023

Одобрена после рецензирования 31.01.2024

Принята к публикации 01.02.2024

Submitted 15 November 2023

Approved after reviewing 31 January 2024

Accepted for publication 1 February 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 99–110.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 99–110.

Научная статья

УДК 172.15

DOI: 10.37482/2687-1505-V325

Совместимы ли патриотизм и интернационализм?

Платон Андреевич Поломошнов¹

Андрей Федорович Поломошнов²✉

¹Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия,

e-mail: platon_list@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7970-7468>

²Донской государственный аграрный университет, пос. Персиановский, Ростовская обл., Россия,

e-mail: paf1@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6312-9440>

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений патриотизма и интернационализма. В контексте плюрализма интерпретаций в современном дискурсе уточняются понятия «интернационализм» и «патриотизм», а также их актуальные взаимоотношения с терминами «космополитизм», «национализм», «антипатриотизм». Все эти категории рассматриваются как различные виды отношения одних этнических общностей, наций, народов к другим, как метод самопозиционирования наций в полиэтническом мировом культурном пространстве. Выделяются идеологический и общественно-психологический уровни анализа патриотизма и интернационализма. На первом уровне категории, используемые для характеристики межэтнических отношений, представляются в форме типов рациональной политической идеологии. Здесь субъектом межэтнических отношений выступает этническая общность как целое, как коллективная общность. На втором уровне определяются типы массовых общественно-политических ориентаций, чувств, поведенческих установок и стереотипов в сфере межэтнических отношений. Здесь субъектом межэтнических отношений является отдельная личность как типичный представитель некоторой этнической общности. Установлено, что патриотизм и интернационализм тесно взаимосвязаны и опосредуют друг друга как в индивидуальном, так и в общественном сознании. Отношение к собственной Родине и народу определяет отношение к другим странам и народам, и, наоборот, отношение к другим странам и народам определяет отношение к собственной стране и народу. Сущность современного российского патриотизма описывается как гармонический баланс конструктивного гуманистического патриотизма и гуманистического интернационализма. Обсуждается проблема формирования в российском массовом сознании конструктивного патриотизма, который должен вытеснить либеральные идеологии космополитизма и глобализма. Они рассматриваются как деструктивные формы интернационализма, утверждающие стирание национальной социокультурной самобытности народов и отрицающие национальный патриотизм.

Ключевые слова: патриотизм, интернационализм, космополитизм, мультикультурализм, глобализм, национализм.

Для цитирования: Поломошнов, П. А. Совместимы ли патриотизм и интернационализм? / П. А. Поломошнов, А. Ф. Поломошнов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 99-110. – DOI: 10.37482/2687-1505-V325.

Original article

Are Patriotism and Internationalism Compatible?

Platon A. Polomoshnov¹

Andrey F. Polomoshnov²✉

¹Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation,

e-mail: platon@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7970-7468>

²Don State Agrarian University, Persianovsky settlement, Rostov Region, Russian Federation,

e-mail: paf1@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6312-9440>

Abstract. This article analyses the relationship between patriotism and internationalism. In the context of the pluralism of interpretations in modern discourse, the paper clarifies the concepts of internationalism and patriotism, as well as their correlation with the terms *cosmopolitanism*, *nationalism* and *anti-patriotism*. All these categories are considered here as different types of attitudes of some ethnic communities, nations and peoples towards other ethnic communities, nations and peoples, as a way of nations' self-positioning in the world's multi-ethnic cultural space. The authors single out the ideological and the socio-psychological levels of the analysis of patriotism and internationalism. At the ideological level, the categories used to characterize interethnic relations are presented in the form of types of rational political ideology. Here, the subject of interethnic relations is the ethnic community as a whole, as a collective community. At the socio-psychological level, the types of mass socio-political orientations, feelings, behavioural attitudes and stereotypes in the sphere of interethnic relations are determined. Here, the subject of interethnic relations is the individual person as a typical representative of a certain ethnic community. It has been established that patriotism and internationalism are closely interconnected and mediate each other, both in individual and in social consciousness. The attitude towards one's own Motherland and people determines the attitude towards other countries and peoples, and vice versa, the attitude towards other countries and peoples determines the attitude towards one's own country and people. The essence of modern Russian patriotism is described as a harmonious balance between constructive humanistic patriotism and humanistic internationalism. In addition, the problem of forming constructive patriotism in the Russian mass consciousness, which should replace the liberal ideologies of cosmopolitanism and globalism, is discussed. These ideologies are viewed as destructive forms of internationalism, which promote the erasure of the socio-cultural identity of nations and deny national patriotism.

Keywords: *patriotism, internationalism, cosmopolitanism, multiculturalism, globalism, nationalism.*

For citation: Polomoshnov P.A., Polomoshnov A.F. Are Patriotism and Internationalism Compatible? *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 99–110. DOI: 10.37482/2687-1505-V325

Современная политическая обстановка с точки зрения синергетики сегодня находится в критической точке бифуркации, когда старый мировой порядок глобального доминирования Запада, оказавшись в кризисе, вступил в борьбу с новой, формирующейся многополярной международной нормативной системой. Острая конкуренция двух моделей: западнического глобализма и многополярного мира, идет практически во всех сферах социокультурной жизни и на всех возможных геополитических фронтах и территориях. И в центре этой борьбы, как часто бывало в мировой истории, вновь оказалась Россия. Еще в XIX веке Н.Я. Данилевский писал, что геополитическое противостояние Запада и России является главной интригой и эпицентром всемирной истории [1, с. 336]. Авторы уже ранее отмечали, что «Современная история полностью подтвердила также мысли Н. Данилевского о роли России в формировании глобального геополитического порядка, как гаранта многополярного мира, в котором соблюдается равновесие сил и каждой самобытной цивилизации обеспечена возможность свободного развития» [2, с. 81].

В условиях противостояния Западу, решившемуся на прокси-войну с Россией на территории Украины, тема патриотизма приобретает жизненно важное значение, ведь без патриотического духа и сознания нашего многонационального и многоконфессионального российского населения победить в этом противостоянии невозможно: «Достойное будущее Российской Федерации в мировом сообществе немислимо без возрождения традиционных общероссийских духовных ценностей и идей, среди которых основополагающей была и остается идея патриотизма, сыгравшая исключительно значимую роль в становлении и развитии российской государственности» [3, с. 7].

В контексте противостояния России и Запада ставка либеральных реформаторов на идеологию толерантности провалилась: «Насильственное внедрение пресловутой толерантности, не обеспеченной взаимным уважением к чужой культуре и чужому укладу жизни, потерпело

крах. Тем более что данное понятие вбирало в себя слишком много компонентов “терпимости”, негативно влияя на наше общество, нашу молодежь. Жизнь показала, что возврат к “советским” принципам патриотизма и интернационализма является более понятным и близким нашей молодежи, так как приближен к реальной жизни в многонациональном государстве» [4, с. 9].

Ввиду многозначности интерпретаций понятий «интернационализм» и «патриотизм», а также их актуальных коннотаций и запутанного соотношения с близкими терминами «космополитизм», «национализм» и другими необходимо провести уточнение базовых категорий нашего исследования.

Патриотизм традиционно определяется как позитивное отношение личности к стране, в которой она родилась и сформировалась, и народу, к которому она принадлежит по происхождению. Тем самым сущность патриотизма нередко сводится к экзистенциальному чувству любви и верности своей родине и своему народу: «Патриотизм... – социальное чувство, выражающее высшую, вплоть до готовности пожертвовать своими витальными и экзистенциальными потребностями, степень привязанности (любви) человека к родине. Как социальное чувство патриотизм издревле свойственен человеку» [5, с. 176]. Соответственно такому подходу принято различать субъект и объект этого социального чувства. П.М. Попов обращает внимание на полиструктурность объекта и субъекта патриотизма: «Для кого-то это может быть малая родина, политическая, экономическая или культурная среда и т. д. Субъектом патриотизма может выступать отдельно взятая личность, социальная группа, рассмотренная по демографическому, территориальному, профессиональному и иному признаку (молодежь, ветераны, земляки, партии, организации и т. д.), этносы или народ данной страны» [6, с. 46].

Интернационализм – идеология, характеризующаяся позитивным отношением субъекта как представителя своего народа и гражданина своего государства к другим народам и государствам. Интернационализм будучи со-

циальным чувством, определяющим отношение к другим народам и странам, предполагает как минимум признание равноправия стран и народов, открытость к диалогу и восприятию иного культурного опыта, как максимум – приоритетность сверхнациональных, общечеловеческих ценностей и интересов перед национальными.

Патриотизм и интернационализм тесно взаимосвязаны и опосредуют друг друга как в индивидуальном, так и в общественном сознании. Отношение к собственной Родине и народу обуславливает отношение к другим странам и народам, и, наоборот, отношение к другим странам и народам обуславливает отношение к собственной стране и народу. Это необходимое опосредование неизбежно поднимает острую проблему совместимости патриотизма и интернационализма. Можно ли одновременно любить свою Родину и свой народ и другие народы и страны? Можно ли гармонически совместить интересы Родины и интересы человечества? Другими словами, являются ли патриотизм и интернационализм несовместимыми противоположностями или между ними возможен гармонический синтез?

А.В. Бузгалин, обращаясь к проблеме совместимости патриотизма и интернационализма, предлагает применить социально-классовый подход, который основан на социальной сущности общества и международных отношений как объектов патриотизма и интернационализма, определяющей характер этих социальных чувств. Бузгалин проводит принципиальное различие между социалистическим и капиталистическим патриотизмом и интернационализмом. Капиталистический интернационализм, по его мнению, образует идеологию космополитизма: «С одной стороны, глобальная гегемония капитала порождает тотальный космополитизм, подавляет всякую национальную особенность, всякую культурную специфику, всякое самостоятельное проявление субъектности во внешней политике, в экономических отношениях всякое инакомыслие и инакодействие... Это политэкономическая характеристика» [7, с. 93]. Противостоит капи-

талистическому интернационализму капиталистический патриотизм в форме национализма, являющегося протестной реакцией против космополитизма: «Протестом против этого становится вторая сторона противоречия – стремление к национальному, религиозному и иному обособлению» [7, с. 94].

По мнению Бузгалина, капиталистический патриотизм в форме национализма и капиталистический интернационализм в форме космополитизма образуют антагонистическую пару. Социалистический патриотизм и социалистический интернационализм, напротив, – гармоническое единство. И основой этого единства является борьба за социалистические идеалы: «Интернационализм соединяет очень разных по расовому происхождению, национальности, культурным традициям людей в борьбе за продвижение к царству свободы, за снятие социального отчуждения» [7, с. 96]. Аналогично, «подлинный патриотизм отличается от национализма тем, что он социалистически и коммунистически ориентирован... Тем важнее нам быть патриотами-интернационалистами» [7, с. 100].

Данный социально-классовый подход, безусловно, содержит в себе конструктивные элементы, связанные с необходимостью учета конкретного характера социально-экономической и политической системы Родины и международных отношений при анализе проблемы совместимости патриотизма и интернационализма. Однако в условиях плюрализма социально-экономических систем, сложного сочетания в одной стране элементов различных социально-экономических и политических укладов, комплексной структуры международных отношений сводить проблему соотношения патриотизма и интернационализма к противостоянию идеологий капитализма и социализма было бы неоправданным упрощением. Кроме того, социально-классовый подход упускает из виду значимые культурные, цивилизационные различия между народами.

На наш взгляд, категории «патриотизм» и «интернационализм» по своему содержанию характеризуют различные способы отношения

одних этнических общностей, наций, народов к другим, их способ самопозиционирования в полиэтническом мировом культурном пространстве. Для того, чтобы грамотно определить эти категории и установить правильные логические связи между ними, прежде всего необходимо разделить уровни их анализа: 1) идеологический и 2) общественно-психологический. На первом уровне категории, используемые для характеристики межэтнических отношений, рассматриваются в форме типов рациональной политической идеологии. На втором с помощью специальных категорий определяются типы массовых общественно-политических ориентаций, чувств, поведенческих установок и стереотипов в сфере межэтнических отношений. На идеологическом уровне субъектом межэтнических отношений выступает этническая общность как целое, как коллективная общность. На общественно-психологическом – отдельная личность как типичный представитель определенной этнической общности.

На идеологическом уровне национализм и интернационализм, на наш взгляд, являются базовыми антиподами. В.В. Клепацкий называет это традиционной антитезой. По его мнению, национализм и интернационализм обычно рассматриваются как противоположные и взаимоисключающие друг друга явления. При этом весьма очевидное преобладание первого слишком часто безоговорочно принимается как предполагаемое, если не окончательное поражение второго. Утверждается, что происходит если и не уничтожение, то отсрочка создания интернационализма на неопределенный срок [8, с. 334]. Однако анализ сущности этих концептов показывает, что отношения между национализмом и интернационализмом было бы неверно упрощать таким образом.

Национализм – идеология, которая позиционирует нацию как высшую ценность и форму социальной общности и утверждает принцип формирования национального государства. Эта идеология возникает в процессе исторического развития наций. Р.Р. Вахитов дает ей следующую комплексную характеристику: «национализм, по

нашему мнению, – это идеология, которая высшей ценностью считает интересы данной конкретной нации, ее самовоспроизведение, увеличение ее могущества и т. д. В условиях господства идеологии национализма вся общественная жизнь – и экономическая, и политическая, и культурная – подчиняется обслуживанию национального бытия. В области политической это предполагает возникновение модели государства-нации, в которой полностью права обладают представители титульной национальности, а все остальные, если они имеются, – ущемленные в правах меньшинства. В области же международных отношений это означает разрушение многонациональных государств, превращение мира в конгломерат государств-наций, каждое из которых руководствуется лишь своими интересами и стремится к максимальной свободе от других государств» [9, с. 198–199].

Интернационализм как идеология утверждает приоритет международных интересов и ценностей над интересами и ценностями отдельных народов, обосновывает существование общечеловеческих ценностей, приоритетных перед национальными. Первоначально эта идеология родилась в XIX веке в форме пролетарского интернационализма как международной солидарности трудящихся в борьбе с буржуазией и всеми формами социального угнетения. В XX веке он постепенно уступил место культурному интернационализму как идеологии международной солидарности наций, взаимопроникновения культур, ценностей, знаний и технологий и формирования общечеловеческой формы сверхнационального сообщества.

Если рассматривать соотношение национализма и интернационализма, взятых в их конструктивных формах, то между ними нет непримиримого антагонизма. Конструктивный, умеренный национализм, заботясь прежде всего о процветании собственной нации, не отрицает возможности и даже необходимости мирного сосуществования и сотрудничества с другими нациями к взаимной выгоде всех участников. С другой стороны, конструктив-

ный, умеренный интернационализм, выступая за приоритет международных, общечеловеческих целей и ценностей над национальными, вовсе не отрицает права каждой нации на самообытное развитие. Фактически разница между конструктивным национализмом и конструктивным интернационализмом состоит лишь в приоритетах национального и интернационального. Отмечая принципиальное родство, или преемственность, между национализмом и интернационализмом, Вахитов указывает, что оба они предполагают идеал ассимиляции и этнического смешения, только первый его применяет по отношению к этносам и субэтносам, а второй – уже по отношению к самим нациям. Национализм и интернационализм одинаково копируют западные социальные, политические и экономические формы. Для них свойственно восприятие истории как прогресса, только для национализма он заканчивается образованием национальных, «цивилизованных» государств на обломках феодального «варварства», а для интернационализма – продолжается и закончится образованием общечеловеческой цивилизации [9, с. 206].

Из этого сходства Вахитов делает вывод о том, что «...национализм и интернационализм являются, по сути, двумя версиями одной и той же западнической прогрессистской парадигмы» [9, с. 206]. Однако данный вывод не вполне корректен. Далеко не всегда и не везде в современной истории строительство национального государства шло путем слепого копирования западных образцов.

История являет многочисленные и разнообразные формы идеологий деструктивного, агрессивного, разрушительного национализма и такого же «интернационализма». Для деструктивных форм национализма не существует устойчивого наименования. Иногда их называют ультранационализмом, иногда – крайним национализмом. Общей чертой разных форм ультранационализма является утверждение превосходства и доминирования определенной нации над другими. Наиболее мягкой формой деструктивного ультранационализма выступает шовинизм,

который акцентируется на идее национального превосходства и дополняющих ее ксенофобии, неприязни и даже ненависти к другим нациям. Наиболее жесткими экстремистскими формами – фашизм и расизм, поскольку они к идее национального превосходства добавляют идеи господства своей нации или расы над другими, утверждаемого прямым физическим насилием, вплоть до физического истребления «неполноценных» народов или рас.

В современной истории проявились две формы деструктивного интернационализма: мультикультурализм и глобализм. Мультикультурализм как идеология и практика автономного сосуществования внутри определенного национального сообщества инокультурных меньшинств выражается в дроблении этого сообщества на изолированные социокультурные фрагменты вместо эффективной интеграции их в единое национальное или сверхнациональное сообщество. Эта идеология применяется во внутренней политике Европейского союза как коллективного, сверхнационального сообщества и Соединенных Штатов Америки как «плавильного котла наций», в котором «плавка» не приводит к реальной национальной интеграции. Культурно-этнический раскол на черных и белых, а белых – на европейские и латиноамериканские этнические группы не только не исчезает, но, напротив, усиливается в американском обществе.

Глобализм является деструктивной формой идеологии интернационализма, которую коллективный Запад применяет к другим странам. Эта идеология утверждает стирание национальной социокультурной самобытности народов путем навязывания единых, унифицированных форм социальной организации по образцам западной социальной системы.

На первый взгляд, ультранационализм и глобализм внешне совершенно антагонистичны, но парадоксально, что они, как и любые крайности, смыкаются. Западный коллективный ультранационализм принимает сегодня форму агрессивного глобализма как идеологическое средство доминирования над всем миром.

Ведь речь идет в данном случае не о построении глобального планетарного общечеловеческого сообщества в целом, а именно о перестройке всех стран и народов по лекалам западной культуры, о принудительной и искусственной унификации культурного и этнического разнообразия мира. Таким образом, глобализм оказывается идеологией социокультурной экспансии и доминирования Запада над всем миром.

Рассмотрим теперь категории, характеризующие позиционирование личности в сфере межнациональных отношений на уровне общественной психологии. Здесь антонимичную пару образуют патриотизм и космополитизм.

Понятие «патриотизм», несмотря на кажущуюся простоту и очевидность, весьма многозначно, разнолико, и это находит отражение в плюрализме его определений в научном и публицистическом дискурсе. Один из классиков русской философии XX века И.А. Ильин дал емкое определение патриотизма. Рассматривая его, необходимо учесть, что в данном случае мыслитель использует другой термин – «национализм», но при этом фактически, по контексту, он отождествляет эти два понятия: «Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду. Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры и из этого созерцания. Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ – к духовному расцвету» [10, с. 266]. Патриотизм как определенная ориентация личности на уровне общественной психологии в сфере межнациональных отношений и национальной идентичности состо-

ит в утверждении безусловных приоритетных ценностей индивидуального поведения и мировоззрения народа и страны (цивилизации, не тождественной с государством), к которой принадлежит личность. Патриотизм – не просто комплекс эмоций, называемых «любовью к Родине». Его психологическая структура включает в себя «...четыре пары компонентов, составляющих вместе “формулу патриотизма”»: 1) знать и помнить (родную страну и народ), 2) любить и ценить (родную страну и народ), 3) служить и трудиться (родной стране и народу), 4) бороться и жертвовать (за родную страну и народ)» [11, с. 182].

Говоря о сущности патриотизма как одной из базовых личностных ориентаций в сфере национальной идентичности, следует отметить, что конструктивный национализм как ядро патриотизма не противоречит конструктивному интернационализму, а гармонически с ним сочетается: «Сущностью патриотизма следует считать диалектическое единство двух противоположных явлений общественного сознания – национализма и интернационализма. Вместе с тем необходимо отметить, что патриотизм существует только при равновесии двух этих составляющих: национализма и интернационализма» [3, с. 68].

Нарушение правильного баланса между национализмом и интернационализмом в структуре патриотического сознания ведет к его деформациям, вплоть до превращения в крайние деструктивные формы ультра-национализма или космополитизма: «Если в патриотизме усиливается национальное начало, то он с неизбежностью переходит в свою противоположность – шовинизм... С другой стороны, если в патриотизме, в свою очередь, слишком усиливается интернациональная составляющая, то он переходит в свою другую противоположность – космополитизм» [3, с. 68–69].

Антонимом патриотизма, согласно большинству современных словарей, является термин «космополитизм», обозначающий идеологию мирового гражданства, ставящую интересы

всего человечества выше интересов отдельной нации или государства и рассматривающую человека как свободного индивида в рамках Земли.

Если характеризовать космополитизм как тип общественно-психологической ориентации личности в национальном вопросе, противоположный патриотизму, то можно дать следующее определение: космополитизм – общественно-психологическая форма ориентации в межнациональных отношениях, отрицающая национальную и этническую идентичность, замещающая ее общечеловеческой, сверхнациональной. Космополит, как заявлял еще Диоген, а за ним и Сократ, это гражданин мира, для которого интересы нации и национального государства стоят ниже, чем интересы всего человечества.

Каково соотношение между патриотизмом и космополитизмом? Могут ли они уживаться вместе в сознании и психике одного и того же человека? Очевидно, что их модальное и эмоциональное различие делает такое совмещение невозможным или разрушительным для ментального здоровья личности. Поэтому каждый индивид сталкивается с выбором базовой жизненной ориентации, результат которого обусловлен воспитанием и опытом. Однако существует возможность частичной кооперации патриотизма и космополитизма на основе общности гуманистических ценностей, несмотря на разную интерпретацию приоритетов национальных и общечеловеческих ценностей: первый склонен придавать общечеловеческим ценностям национальный колорит, а второй – универсализировать некоторые национальные гуманистические ценности.

В современный дискурс введена и новая категория «антипатриотизм». А.В. Кузьмин и Ю.Н. Трифонов определяют ее как «...не просто отсутствие любви, а возникшее и укрепившееся чувство ненависти к ней» [12, с. 155]. Дополнением к антипатриотизму, по их мнению, являются переходные эмоциональные состояния между любовью и ненавистью: патриотический индифферентизм (равнодушно-безразличное отношение к Родине) и патриотический

нигилизм, «...принижающий и отрицающий значимость Отечества, выражается в догматическом возвышении всего зарубежного, особенно западного» [12, с. 154].

Стоит заметить, что категории «антипатриотизм», «патриотический индифферентизм» и «патриотический нигилизм» характеризуют разные степени и формы искажения, деформации патриотизма. Все они, с точки зрения логической противоположности патриотизма и космополитизма, являют собой не противоположность патриотизма как индивидуального общественно-психологического комплекса, а скорее извращенную деструктивную форму космополитизма и, одновременно, патриотизма, которые в своем акцентуированном, гипертрофированном виде также сливаются, как и национализм и интернационализм на уровне общественной идеологии. Впрочем, для нас не подлежит сомнению то, что «...наличие попыток вольно или невольно исказить суть патриотизма не может послужить основанием для отказа от патриотизма, как одной из высших личных и общественных ценностей» [12, с. 158].

В современном отечественном научном и публицистическом дискурсе сформировалось четкое осознание необходимости формирования в российском массовом сознании конструктивного патриотизма, который должен вытеснить либеральную идеологию космополитизма: «“Новый патриотизм” отмежевывается от формируемого либеральной идеологией “гражданина мира”, воспитание которого не предполагает формирование патриота, пекущегося о своем Отечестве. Вопрос о патриотизме становится сегодня особенно актуальным, ибо без патриотизма вообще не может быть никакого духовного становления личности... Человек вне патриотизма – это и человек вне истории, вне духовного бытия, т. е. человек, лишенный человеческих свойств. Значит, без патриотизма можно воспитать лишь получеловека, недочеловека» [3, с. 341].

Многие специалисты обращают внимание на то, что современный российский патриотизм должен быть гуманистическим в соответствии с цивилизационными особенностями и тради-

циями страны. Сущность этого вида патриотизма подчеркивает П.М. Попов: «Еще одной не менее важной чертой русского патриотизма является его гуманистический характер. Именно на гуманистической основе должен воспитываться истинный патриотизм. Очень важно при воспитании патриотизма возвращать в умах патриотов уважение к другим народам, сторонней культуре и традициям. Данная установка особенно актуальна в нашей многонациональной стране» [6, с. 47].

На основе глубоко гуманистического характера российского патриотизма возможно гармоническое сочетание патриотизма и интернационализма. Гуманизм при этом является главной эффективной прививкой от превращения патриотизма в деструктивный национализм и шовинизм: «Только отбросив все дикие и глупые национальные предрассудки, только слив в единое целое представителей всех наций, можно стать силой, способной противостоять разлагающим идеологиям экстремизма и сепаратизма, только тогда, когда не будет почвы для раздора, можно добиться улучшения качества жизни, уверенности в завтрашнем дне» [13, с. 39].

Задача патриотического воспитания современных россиян достаточно сложна и связана с множеством затруднений. Одним из таких затруднений являются различные формы искажения сущности патриотизма. Эти искажения А.Н. Игнатенко и С.А. Сакун называют формами «псевдопатриотизма» и выделяют среди них: 1) материальное восприятие патриотизма (В экстремальных случаях формируется гипертрофированный борец за народные особенности материального плана, отвергающий, а то и низвергающий все инородное [14, с. 67]); 2) подмену всеобщности национального народного духа его природной особенностью; 3) эгоистическое восприятие патриотизма («Существует мнение, что патриотизм – это пренебрежение целым во имя единичного, а значит, патриотизм может возникнуть лишь при удовлетворении государством индивидуальных запросов гражданина» [14, с. 68]); 4) пуб-

личное осуждение наилучших особенностей своего народа; 5) отношение к патриотизму как к временной кампании («Патриотизм не может быть сезонным или календарным. Патриотизм – это не одолжение в почестях. Он не может появляться в праздник и исчезать на следующий день. Раз осмысленное не исчезает, оно становится частью нас» [14, с. 68]).

К этому списку можно добавить формализацию патриотизма, превращение его в показное, казенное чувство, в демонстрацию лояльности к существующей власти. В связи с этим совершенно правы В.В. Круглов и С.В. Монахов: «Истинный патриотизм – он не напоказ. Он не для самолюбования, не для попытки покрасоваться или показать всем, “какой я патриот”. Истинный патриотизм – это когда ты делаешь не для себя. И когда не думаешь, увидит ли кто-то тебя, узнает ли кто-то о твоём поступке» [15, с. 136].

К другой группе затруднений при формировании современного российского патриотизма относится опасность прагматической манипуляции чувствами населения со стороны недобросовестных политиков: «Стоит предостеречь от ложных патриотов, скрывающих свои интересы за патриотическими лозунгами. Патриотизм не должен являть собой средство управления массами, состоящее на службе политиков» [6, с. 49].

Определенные затруднения в формировании патриотического сознания россиян связаны с космополитическими ориентациями, сохранившимися у некоторых граждан страны и части научной общественности. Ярким примером таких ориентаций является позиция В.В. Клепацкого, который пытается декларировать и обосновать единство космополитизма и патриотизма: «Космополитизм в здравом его проявлении должен стать новой идеологией всего мира. Ведь он не исключает любви к Родине, а лишь определяет высшие категории оценки общественного блага. Он блокирует проявления шовинизма, попытки возвысить одну нацию над другими. Пробуждает интерес к культуре других народов» [8, с. 342].

Обоснованием необходимости космополитизма у Клепацкого выступает ссылка на процессы глобализации. Однако в современном мире тренд западной глобализации замещается трендом формирования поликультурного мира. Тем не менее ученый мечтает о формировании международной космополитической морали, основанной на отказе государств от национальных интересов: «Во главу угла встанет тезис, что все мы граждане мира. И для того, чтобы это состоялось, должна быть настроена мораль государств, согласно которой государства несут обязательства в отношении соответствующих международных моральных правил и готовы пожертвовать политическими интересами для поддержания международного морального порядка» [8, с. 342].

Подобные утопии не реалистичны, но способны дезориентировать часть населения,

особенно молодежи, и представляют реальную угрозу эффективному патриотическому воспитанию.

Завершая анализ проблемы совместимости патриотизма и интернационализма, заметим, что конструктивный гуманистический интернационализм не только непротиворечиво совместим с гуманистическим конструктивным патриотизмом, но эти две формы позиционирования личности и народа по отношению к собственной Родине и собственному народу и другим народам и странам не могут существовать друг без друга. Осознание гуманистической сущности конструктивного патриотизма и интернационализма является основой эффективного формирования современного российского патриотического массового сознания и противостояния всевозможным деструктивным искажениям как патриотизма, так и интернационализма.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Известия, 2003. 607 с.
2. Поломошнов А.Ф. Россия и Запад: уроки истории // Гуманит. вестн. Дон. гос. аграр. ун-та. 2022. № 2. С. 66–87.
3. Абрамов А.В., Поляков С.П., Дубинина Н.Н., Овсянникова О.А., Комаров Н.П., Богатырёва С.Н., Бочарников И.В., Кольцова В.А., Соснин В.А., Дурягина А.И., Емец В.С., Гришинова Е.Е., Пекарский Ф.В., Кандыбович С.Л., Ремарчук В.Н., Герасимов А.В., Репьёва А.М., Иванова С.Ю. Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности: коллект. моногр. М.: Моск. дом национальностей, 2015. 368 с.
4. Апажеева Е.Х., Зумакулов Б.М., Маремшаева И.И., Цолоев Т.С. Патриотизм или толерантность: межнациональные отношения в полиэтнических обществах XXI в. // Вестн. Калмыц. ун-та. 2017. № 4(36). С. 6–11.
5. Павлов А. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Филос. антропология. 2018. Т. 4, № 1. С. 175–191. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191>
6. Попов П.М. О патриотизме // Современ. проблемы соц.-гуманит. наук. 2016. № 4(6). С. 45–50.
7. Бузгалин А.В. Интернационализм XXI века // Альтернативы. 2019. № 3. С. 93–100.
8. Клепацкий В.В. Трансформация интернационализма и национализма в XIX–XXI вв. // Позиция. Филос. проблемы науки и техники. 2023. № 19. С. 334–342.
9. Вахитов Р.Р. Национализм и интернационализм: два лика модерна // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 198–207. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7943>
10. Ильин И.А. О грядущей России: избр. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Св.-Троиц. монастырь: Корпорация «Телекс», 1991. 367 с.
11. Поломошнов А.Ф. Патриотическое воспитание в системе образования // Гуманит. вестн. Дон. гос. аграр. ун-та. 2022. № 4. С. 178–188.

12. Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н. Патриотизм и антипатриотизм как диалектические противоположности // Уч. зап. Тамбов. отд-ния РоСМУ. 2018. № 10. С. 150–160.
13. Кубалова З.Т. Размышления о патриотизме и забытом термине «интернационализм» // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 16. С. 35–41.
14. Игнатенко А.Н., Сакун С.А. Патриотизм истинный и псевдопатриотизм // Инновац. наука. 2022. № 2-1. С. 64–68.
15. Круглов В.В., Монахов С.В. Патриотизм истинный и ложный // Народ. образование. 2015. № 2(1445). С. 130–136.

References

1. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World with the Germanic-Roman World]. Moscow, 2003. 607 p.
2. Polomoshnov A.F. *Rossiya i Zapad: uroki istorii* [Russia and the West: Lessons of History]. *Gumanitarnyy vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2022, no. 2, pp. 66–87.
3. Abramov A.V., Polyakov S.P., Dubinina N.N., Ovsyannikova O.A., Komarov N.P., Bogatyreva S.N., Bocharnikov I.V., Kol'tsova V.A., Sosnin V.A., Duryagina A.I., Emets V.S., Grishnova E.E., Pekarskiy F.V., Kandybovich S.L., Remarchuk V.N., Gerasimov A.V., Rep'eva A.M., Ivanova S.Yu. *Patriotizm kak faktor effektivnogo razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Patriotism as a Factor in the Effective Development of Russian Statehood]. Moscow, 2015. 368 p.
4. Apazheva E.Kh., Zumakulov B.M., Maremsheva I.I., Tsoleov T.S. *Patriotizm ili tolerantnost': mezhnatsional'nye otnosheniya v polietnicheskikh obshchestvakh XXI v.* [Patriotism or Tolerance: The International Relations in Multiethnic Societies of the 21st Century]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2017, no. 4, pp. 6–11.
5. Pavlov A. *Patriotizm. Ochen' kratkaya istoriya idei* [Patriotism. Very Brief History of the Idea]. *Filosofskaya antropologiya*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 175–191. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191>
6. Popov P.M. *O patriotizme* [On Patriotism]. *Sovremennyye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk*, 2016, no. 4, pp. 45–50.
7. Buzgalin A.V. *Internatsionalizm XXI veka* [Internationalism of the XXI Century]. *Al'ternativy*, 2019, no. 3, pp. 93–100.
8. Klepatskiy V.V. *Transformatsiya internatsionalizma i natsionalizma v XIX–XXI vv.* [Transformation of Nationalism and Internationalism in the XX–XXI Centuries]. *Pozitsiya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki*, 2023, no. 19, pp. 334–342.
9. Vakhitov R.R. *Natsionalizm i internatsionalizm: dva lika moderna* [Nationalism and Internationalism: Two Faces of Modernity]. *Vlast'*, 2021, vol. 29, no. 1, pp. 198–207. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7943>
10. Il'in I.A. *O gryadushchey Rossii* [About the Future of Russia]. Holy Trinity Monastery, 1991. 367 p.
11. Polomoshnov A.F. *Patrioticheskoe vospitanie v sisteme obrazovaniya* [Cultivation of Patriotism in the Education System]. *Gumanitarnyy vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2022, no. 4, pp. 178–188.
12. Kuz'min A.V., Trifonov Yu.N. *Patriotizm i antipatriotizm kak dialekticheskie protivopolozhnosti* [Patriotism and Antipatriotism as Dialectical Opposites]. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU*, 2018, no. 10, pp. 150–160.
13. Kubalova Z.T. *Razmyshleniya o patriotizme i zabytom termine "internatsionalizm"* [Reflections on Patriotism and the Forgotten Term "Internationalism"]. *Kul'tura. Dухovnost'. Obshchestvo*, 2015, no. 16, pp. 35–41.
14. Ignatenko A.N., Sakun S.A. *Patriotizm istinnyy i psevdopatriotizm* [True Patriotism and Pseudopatriotism]. *Innovatsionnaya nauka*, 2022, no. 2-1, pp. 64–68.
15. Kруглов В.В., Монахов С.В. *Patriotizm istinnyy i lozhnyy* [True Patriotism and Pseudopatriotism]. *Narodnoe obrazovanie*, 2015, no. 2, pp. 130–136.

Информация об авторах

П.А. Поломошнов – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (адрес: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69).

А.Ф. Поломошнов – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного аграрного университета (адрес: 346493, Ростовская обл., пос. Персиановский, ул. Кривошлыкова, д. 24).

Поступила в редакцию 20.09.2023
Одобрена после рецензирования 25.01.2024
Принята к публикации 01.02.2024

Information about the authors

Platon A. Polomoshnov, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics (address: ul. Bol'shaya Sadovaya 69, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

Andrey F. Polomoshnov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages, Social Sciences and the Humanities, Don State Agrarian University (address: ul. Krivoshlykova 24, pos. Persianovskiy, 346493, Rostovskaya obl., Russian Federation).

Submitted 20 September 2023
Approved after reviewing 25 January 2024
Accepted for publication 1 February 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 111–120.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 111–120.

Научная статья

УДК 141.8+316.33

DOI: 10.37482/2687-1505-V326

Экотопия Мюррея Букчина: утопия или реальная альтернатива?

Андрей Андреевич Шумаков

Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Тула, Россия,

e-mail: takamori@rambler.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4184-6232>

Аннотация. В данной статье на материале работ знаменитого американского философа, социолога, эколога, оратора и публициста – профессора Мюррея Букчина (1921–2006) рассматривается предложенный им проект общественного устройства. В первой части исследования подробно анализируется актуальность этого вопроса на современном этапе мирового социально-политического и экономического развития. В частности отмечается, что идеализированные утопические представления были присущи человеческому обществу буквально на всех этапах исторического развития, особенно ярко они проявлялись в периоды социально-экономических сдвигов и потрясений. Данный тезис находит подтверждение во многих письменных и других источниках. Современная ситуация не стала исключением. Экономические кризисы 2008 и 2020 годов, глобальный энергетический кризис 2021–2023 годов, серия продовольственных кризисов 2022–2023 годов и нарастание геополитической напряженности довольно жестко поставили вопрос о необходимости поиска путей альтернативного общественного развития. Все это делает социальную экологию М. Букчина, ввиду ее детальной проработанности, особенно актуальной. Вторая часть статьи посвящена анализу концептуальной и методологической основы данной теории. Ее главная особенность – признание вариативности исторического развития. Используя анархистский подход и диалектический метод (диалектический натурализм, в терминологии философа), Букчин выделяет либертарную и авторитарную тенденции, которые проявлялись на протяжении всей письменной истории человечества, с момента возникновения социального расслоения, городов и государства, и в итоге фактически завели человечество в тупик. В третьей части рассматривается описанный американским профессором переход к новому экологическому общественному устройству, отмечается, что, по мнению Букчина, в XX веке научно-технический прогресс сделал его возможным. В заключение делается вывод о реальных перспективах воплощения данного проекта в современных условиях. Отвечая на главный вопрос исследования, автор подчеркивает, что предложенный американским мыслителем проект общественного устройства, несмотря на всю его проработанность и апелляцию к рационализму, можно с полным основанием считать классической утопией. Внимание читателя сосредотачивается на выявлении и рассмотрении явных противоречий теории Букчина.

Ключевые слова: Мюррей Букчин, экоанархизм, социальный анархизм, социальная экология, либертарный муниципализм, утопия, утопизм, экотопия.

Для цитирования: Шумаков, А. А. Экотопия Мюррея Букчина: утопия или реальная альтернатива? / А. А. Шумаков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 111-120. – DOI 10.37482/2687-1505-V326.

Original article

Murray Bookchin's Ecotopia: A Utopia or a Real Alternative?

Andrey A. Shumakov

Tula Branch, Plekhanov Russian University of Economics, Tula, Russian Federation,

e-mail: takamori@rambler.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4184-6232>

Abstract. Using the works of the famous American philosopher, sociologist, environmentalist, speaker and publicist Professor Murray Bookchin (1921–2006), this article examines his project of social structure. In the first part of the study, the author dwells on the relevance of this issue at the present stage of the global socio-political and economic development. In particular, it is noted that idealized utopian ideas were inherent in human society literally at all stages of historical development, being especially pronounced during the periods of social shifts and upheavals. This thesis is confirmed by a number of written and other sources. The current situation is no exception. The economic crises of 2008 and 2020, the global energy crisis of 2021–2023 and a series of food crises of 2022–2023 as well as the growing geopolitical tension have called for finding ways of alternative development. This makes Bookchin's social ecology especially relevant in view of its detailed elaboration. The second part of the article is devoted to the analysis of the conceptual and methodological basis of Bookchin's theory, whose main feature is the variability of historical development. Using the anarchist approach and the dialectical method (dialectical naturalism in his terms), Bookchin identifies libertarian and authoritarian tendencies, which have been manifested throughout the written history of humankind, since the appearance of social stratification, cities and the state, and which have eventually led humanity to a deadlock. In the third part, the author examines the transition to a new ecological social structure described by Bookchin, who believed that the scientific and technological progress of the 20th century had made it possible. Real prospects of this project's implementation in current conditions are discussed. Answering the main question of the study, the author notes that the social structure project, despite all the elaboration and appeal to rationalism, can, with good reason, be considered a classic utopia. In addition, the article points out obvious contradictions in Bookchin's theory.

Keywords: Murray Bookchin, eco-anarchism, social anarchism, social ecology, libertarian municipalism, utopia, utopianism, ecotopia.

For citation: Shumakov A.A. Murray Bookchin's Ecotopia: A Utopia or a Real Alternative? *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 111–120. DOI: 10.37482/2687-1505-V326

Вечная дилемма. Рассуждая о «бережливом производстве и государстве», нельзя обойти вниманием тему «бережливого общества». Еще с древнейших времен люди задумывались над необходимостью ограничения чрезмерного потребления, а также воссоздания такого типа общественного устройства, при котором они могли бы жить в гармонии с природой и друг с другом. Эти утопические идеалы совер-

шенного и справедливого социума будоражили воображение человечества как минимум с начала его письменной истории. Идеализированные представления о «золотом веке» [1], «потерянном рае» [2] и «грядущем спасении» [3] в различных интерпретациях можно встретить во многих культурных традициях, а также и в подавляющем большинстве религиозно-философских доктрин. Причем важно отметить, что

особую популярность данные идеи приобретают именно в периоды серьезных потрясений и социальных сдвигов, которые часто воспринимаются значительной частью общества как расплата за «неправильное поведение» в прошлом и настоящем.

Современное общество, разумеется, не является исключением. Сегодня на фоне общего ухудшения экономической ситуации и обострения международной обстановки идеи радикального пересмотра всей системы производственных отношений, равно как и «экологизации» общественного устройства, приобрели особую актуальность. Призывы к ограничению потребления, эксплуатации, усилению экологической безопасности, отказу от гедонистического мировосприятия и соответствующего образа жизни звучат практически повсеместно и давно уже стали мейнстримом социально-политической мысли не только в странах так называемого золотого миллиарда, но и на «периферии». Подобные тезисы сегодня не вызывают серьезных возражений даже у самых ярких технократов.

Однако же, как нетрудно заметить, несмотря на очевидную «экологизацию» риторики и заявленную экоориентированность большинства общественно-политических проектов, существенных прорывов и кардинальных сдвигов в указанном направлении не наблюдается. Система и характер социально-экономических отношений радикально не меняются, как и характер отношений с окружающей средой. Преобразования же в основном временны и фрагментарны.

Причины подобного парадокса, по нашему мнению, кроются в первую очередь в недооценке логики экономической конкуренции, предполагающей потребность в постоянном увеличении прибыли, норма которой, как известно, стремится к снижению [4, с. 42], а следовательно, и в росте потребления, уменьшении издержек производства, достигаемом нередко

за счет пренебрежения экологической безопасностью. В итоге перед обществом встает как бы нерешаемая дилемма: с одной стороны, логика экономического развития требует максимального усиления эксплуатации и неограниченной экспансии, а с другой – понимание того, что все это рано или поздно неизбежно приведет к катастрофе, заставляет искать пути альтернативного развития. Стоит отметить, что в качестве глобальной угрозы может выступать как экологический катаклизм, так и разрушительная война и/или социальные потрясения. Разрешить данную дилемму и примирить, казалось бы, непримиримое пытались многие исследователи, философы, политики, но практически все их проекты при реализации потерпели неудачу.

В настоящей работе будет рассмотрена одна из подобных попыток. Речь идет о так называемой *социальной экологии* и проекте общественного устройства знаменитого американского социолога и философа Мюррея Букчина [5; 6]. Данная концепция появилась в 1960-х годах и выделялась на фоне остальных детальной проработанностью и завершенностью. Автор фактически посвятил жизнь ее обоснованию, написав более 20 книг и огромное количество статей. Уникальность концепции Букчина в первую очередь заключается в том, что она являет собой результат внутренней диалектики и синтеза многих теорий. В частности, она отрицает как технократизм, так и энвайронментализм, а также примиряет антропо- и биоцентристские подходы. Кроме того, Букчин подвергает жесткой критике религиозные представления, мистицизм и многие направления левой мысли, такие как анархо-примитивизм, анархо-индивидуализм, которые он обозначил как «анархизм образа жизни»¹, марксизм и анархо-синдикализм, считая последние в целом прогрессивными, но и морально устаревшими².

Взгляд в прошлое. Концептуальной и методологической основой рассуждений Букчина

¹Bookchin M. Social Anarchism or Lifestyle Anarchism: An Unbridgeable Chasm. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-social-anarchism-or-lifestyle-anarchism-an-unbridgeable-chasm> (дата обращения: 03.07.2023).

²Bookchin M. The Ghost of Anarcho-Syndicalism. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-the-ghost-of-anarcho-syndicalism> (дата обращения: 03.07.2023); Bookchin B., Bookchin M. Listen, Marxist! URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-listen-marxist> (дата обращения: 03.07.2023).

об идеальном обществе и путях его достижения служит отказ от экономического детерминизма в пользу природно-социального эволюционного подхода и так называемого диалектического натурализма. В частности, американский философ указывает, что путь развития человечества не предопределен социально-экономическими законами, а является всего лишь одной из форм приспособления к окружающей среде, а значит, альтернативный путь не только возможен, но и необходим.

Главной причиной нарушения нормального, по мнению Букчина, хода природно-социальной эволюции стало возникновение общественной иерархии. Произошло это в результате «роста мужских геронтократий, военных групп, аристократических элит и появления института государства»³.

Возникновение геронтократии и «патрицентризма», по словам американского философа, стало первым шагом в указанном направлении. Вторым поворотным моментом было появление городов, усилившее социальное расслоение, но вместе с тем в определенной степени способствовавшее развитию рационального мышления и формированию либертарной политической культуры. И наконец, окончательный отход от социальной эволюции наметился с появлением национальных государств и зарождением капиталистических отношений, которые, по словам мыслителя, разделили наш биологический вид, заставив его противостоять самому себе столь же резко

и грубо, как они противопоставили человека и природу⁴. Именно контроль над природой привел человечество к «раболепному обществу доминирования»⁵.

Возможность разорвать этот порочный круг Букчин видит не в возвращении в «золотое прошлое», которое называет невозможным, а в восстановлении созидательной роли человека⁶. Для этого последнему необходимо вновь вписаться в ход социальной эволюции, отказавшись от доминирования и обратившись к природному рационализму. «Социальный вопрос для нас сегодня являет собой тот факт, что мы поднялись в свет свободы с полуприкрытыми глазами, обремененными темными атавизмами, древними иерархиями и глубоко укоренившимися предрассудками, о которых мы позже будем сожалеть, если утвердится нынешнее антипросвещение мистицизма и антиреализма, которое, в свою очередь, может привести нас к крушению. Мы сжимаем в руках тот самый пресловутый нож, который может быть использован как для нашего освобождения, так и для уничтожения»⁷, – писал мыслитель.

Естественно, выход из сложившейся ситуации Букчин видит в отказе от доминирования, иерархии, ситификации⁸ и капитализма через избавление от принципа конкуренции, или, в прочтении американского философа, принципа «расти или умри»⁹. Именно в последнем кроются главное противоречие и причина будущего краха указанной экономической системы. Ведь сам капитализм, по мнению мыслителя, имеет

³Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему. Н. Новгород: Третий путь, 1996. С. 68–69.

⁴Там же. С. 84.

⁵Там же. С. 65.

⁶Там же. С. 67.

⁷Там же. С. 77.

⁸М. Букчин разделяет понятия «урбанизация» и «ситификация», понимая под последней негативную тенденцию в виде укрупнения городов и усиления их хозяйственно-экономического и политического влияния, которая приводит к конфликтам и усилению эксплуатации. Альтернативой такой стратегии развития американский профессор считает возвращение к полисной модели.

⁹Bookchin M. What Is Social Ecology? URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-what-is-social-ecology-1> (дата обращения: 03.07.2023).

как внутренние, экономические, так и внешние, «экологические», ограничения¹⁰. Это существенно отличает концепцию американского социолога от концепций других представителей левого направления, сосредоточивающихся, как правило, исключительно на внутренних противоречиях и ограничениях капитализма. По версии Букчина, предпосылки для «мягкого перехода» и качественного преобразования давно назрели. «Современный город и современное государство, массовая технология угля и стали эпохи промышленной революции, более поздние, рационализированные системы массового производства и конвейерные системы организации труда, централизованные нация, государство и бюрократический аппарат – все они достигли границ своего развития... Они реакционны не только потому, что иссушают человеческий дух и лишают общество его связности, солидарности и социоэтического уровня, но и с объективной, экологической точки зрения, потому что подрывают жизнеспособность планеты и всех живущих на ней существ»¹¹, – писал американский философ в одной из своих самых известных работ.

При этом Букчин всячески подчеркивает вариативность процесса исторического развития и социальной эволюции. Либертарная традиция, по его мнению, никуда не исчезала. Все это время она давала о себе знать в виде различных народных восстаний, революционных движений и соответствующих теорий, предлагавших реальную альтернативу. «Действительно, большая часть анархических соответствий с историей человечества, не теологической, не мистической традиций – не “примитивная” тоска по прошлому, как нас уверяли марксистские историки вроде Хобсбаума, а выяснение возможностей прошлого, оставшихся невопло-

щенными»¹², – писал он в работе «Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему».

В этой же книге американский философ анализирует различные социальные либертарные утопии, акцентируя внимание на изменениях в характере производственных отношений, которые происходили в период «между заключительными годами Французской революции и серединой XIX в., когда идеалы свободы достигли твердо натуралистической технологически жизнеспособной и прочной материальной базы»¹³. Однако более подробно на данном вопросе он останавливается в своем фундаментальном четырехтомном исследовании «Третья революция», посвященном критическому осмыслению истории революционного движения. Возникновение подобных движений Букчин связывает с рационализмом, который был присущ человечеству на всех этапах развития, следовательно, именно он является основной движущей силой процесса социальной эволюции и вполне может стать решающим фактором выхода из текущего кризиса.

Взгляд в будущее. Основой рассуждений Букчина о скором переходе к экологическому общественному устройству выступает убежденность, что именно научно-технический прогресс сделал такой переход возможным. «Больше нет нужды распределять блага жизни по иерархическим линиям, так как технология делает эти блага доступными для всех»¹⁴, – писал профессор в 1996 году. Ключ к решению проблемы кроется в преодолении неограниченной экспансии наращивания и концентрации капитала. Впервые Букчин развил эту мысль и описал конкретные примеры в статье «К освободительным технологиям» в 1965 году. Главный тезис указанной работы звучал так: «Впервые в истории технология достигла точки, после

¹⁰Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему. С. 85–86.

¹¹Bookchin M. Ecology and Revolutionary Thought. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/lewis-herber-murray-bookchin-ecology-and-revolutionary-thought> (дата обращения: 03.07.2023).

¹²Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему. С. 109.

¹³Там же. С. 113.

¹⁴Там же. С. 130.

которой ее возможности развиваться дальше, к замене рабочей силы машинами, становятся неограниченными. Она покинула, наконец, царство изобретений и достигла царства развития – иными словами, перешла от случайных открытий к систематическому обновлению»¹⁵. Рост индустриализации привел к изменению производственных отношений и перестройке всей системы общественных отношений. «Возможности, открываемые кибернетической технологией, не были бы более ограничены исключительно удовлетворением материальных потребностей человека. У нас появилась бы свобода задаться вопросом, как можно использовать машину, фабрику и шахту для того, чтобы развивать человеческую солидарность и установить отношения равновесия с природой, подлинно органичное экосообщество»¹⁶, – писал Букчин в той же работе.

Переустройство системы производства изменит тип индустриальной организации – на смену централизованной власти должна прийти система самоуправления, основанная на решении рабочих отдельной фабрики и местной общины¹⁷. Последняя приведет к децентрализации, локализации материального производства, а затем и к деиерархизации самого общества.

Причем произойти «третья революция» должна сначала в индустриально-развитых странах, достигших необходимого для перехода уровня развития экономики и технологий. «Мы должны также отдавать себе отчет в том, что в Соединенных Штатах, центре ми-

рового империализма сегодня, экономика и технологии развиты настолько, что это почти за одну ночь может снять все проблемы, ради решения которых, согласно Марксу, и необходимо государство. Было бы ужасной ошибкой оценивать экономику потенциального изобилия и компьютеризацию производства с теоретических позиций, которые укоренились еще в технологическую эру угля, неразвитых механизмов, долгих часов тяжелого труда и материального недостатка»¹⁸, – утверждал Букчин в ответном письме на критику афроамериканского революционера, основателя партии «Черные пантеры» Хьюи Перси Ньютона¹⁹.

Следующим ключевым моментом должны стать децентрализация и деситификация. «Гигантский город должен уступить место совокупности взаимодействующих, сплоченных изнутри коммун (сообществ), которые имеют человеческие размеры, и чьи мощности не преступают экосистему»²⁰, – писал Букчин в статье «Экология и революционная мысль». Но при этом он выступал не за рурализацию, а за преодоление противоречий между городом и деревней, считая их еще одним разрушительным проявлением органической революции. В своих работах американский профессор даже назвал децентрализованный город основной политико-административной единицей нового общества. Причем речь идет о некоем современном аналоге греческого полиса, представляющего индустриально самостоятельную общину, образующую отдельную

¹⁵Herber L. Towards a Liberatory Technology. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/lewis-herber-murray-bookchin-towards-a-liberatory-technology> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁶Там же.

¹⁷Там же.

¹⁸Newton H., Bookchin M. Anarchy and Organization: A Letter to the Left. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-anarchy-and-organization-a-letter-to-the-left> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁹Newton H.P. In Defense of Self Defense. 1968. November 16. URL: <https://www.prisoncensorship.info/archive/etext/bpp/bpp161168.htm> (дата обращения: 03.07.2023).

²⁰Bookchin M. Ecology and Revolutionary Thought.

единицу в рамках природного комплекса, которая находится в гармонии с населёмым ландшафтом²¹. Из всего этого логично следует, что основной формой собственности должна стать общинная собственность, а экономике необходимо муниципализироваться²².

«Муниципализация, по сути, переводит экономику из частной или индивидуальной сферы в подлинно общественную, где экономическая политика формируется всем сообществом, в частности ее гражданами, встречающимися лицом к лицу для достижения общего “интереса”. Последний стоит выше индивидуальных и специфических профессиональных интересов. Экономика перестает быть просто экономикой в строгом смысле этого слова, будь то “бизнес”, “рынок”, капиталистические или “управляемые рабочими” предприятия. Она становится действительно политической экономикой: экономикой полиса или коммуны. В этом смысле экономика действительно как коммунизирована, так и политизирована. Муниципалитет (а точнее, граждане) поглощает экономику как один из аспектов общественного хозяйства, лишая ее индивидуалистической особенности, которая может приватизировать ее и превратить в жаждающее личной выгоды предпринимательство»²³, – писал американский мыслитель.

При этом Букчин предупреждает об опасности превращения технологий из придатка в силу, стоящую над человеком, и усиления индустриальной бюрократии, что приведет к очередному увеличению неравенства. Выход из данной ситуации американский профессор видит в разделении людей и технологий, при

котором последние существуют как бы отдельно от общества и играют чисто вспомогательную роль.

Рассуждая о потреблении, Букчин выдвигает тезис о гуманизации общества и развитии творческого потенциала, что, по его мнению, привело бы к сокращению производства и изменению отношения ко многим вещам: «Человек вернул бы себе чувство к вещам, предназначенным для людей – в отличие от вещей, которые людям навязаны. Взамен отвратительного ритуала торговли и накопительства утвердились бы полные чувства действия, созидания и дарения. Вещи перестали бы служить клюкой для обедневшего “я” и посредниками между разделенными индивидами и стали бы продуктами всесторонне развитых творческих индивидуальностей, даром объединенных, развивающихся людей»²⁴.

Итак, гармоничное общество, по версии Букчина, должно существовать в виде свободной конфедерации, получаемые продукты – распределяться между общинами, обладающими значительной степенью автономии и автаркии, а все решения – приниматься на ассамблеях большинством: «Политика будет определяться собранием жителей города, администрирование будет осуществляться в конфедеративных органах, состоящих из делегатов с императивным мандатом. Если отдельные сообщества или какое-либо меньшинство принимают свое решение и идут собственным путем, но при этом нарушают права человека или причиняют экологический ущерб, большинство в местной или локальной конфедерации имеет право этому воспрепятствовать»²⁵. Подобное устройство Букчин называл *либертарным муниципализмом* [7; 8].

²¹Herber L. Towards a Liberatory Technology.

²²Bookchin M. Municipalization. Community Ownership of the Economy. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-municipalization> (дата обращения: 03.07.2023).

²³Ibid.

²⁴Herber L. Towards a Liberatory Technology.

²⁵Bookchin M. Libertarian Municipalism: An Overview. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-libertarian-municipalism-an-overview> (дата обращения: 03.07.2023).

Утопия или реальная альтернатива? Рассмотрев основные положения теории Мюррея Букчина, нельзя не упомянуть и о некоторых логических несостыковках и уязвимых местах.

Противоречия можно увидеть уже на примере выделения предпосылок и методологии. Так, отмечая исключительную способность человеческого общества адаптироваться к условиям окружающей среды и провозглашая принцип диалектического натурализма, американский профессор вместе с тем категорически отказывался признавать адаптивный характер складывания тех самых иерархических форм отношений, возникновения городов, государств и, наконец, капитализма. В его понимании все перечисленное вызвано просто «неблагоприятным стечением обстоятельств», которое в итоге и завело человечество «не туда». В подобной трактовке кроется главное допущение Букчина, ставящее под вопрос объективность всей его методологии. Признавая человеческое общество продуктом биологической, социальной и культурной эволюции, американский профессор фактически отказывает происходящим изменениям в объективном природно-обусловленном характере, считая их чем-то наподобие сбоя программы. Между тем не совсем понятно, почему тогда эта «противоестественная ошибочная модель» раз за разом воспроизводилась во многих обществах и цивилизациях, в то время как либертарные проявления, по утверждению самого философа, почти всегда были исключительно фрагментарны.

Второй классической ловушкой анархистских представлений, в которую попадает Букчин, является идеализация самой общины и ее роли. Ссылаясь на опыт полисной системы в Греции, американский профессор игнорирует объективный характер конкуренции и, что самое важное, неизбежно порождаемые им противоречия, нередко приобретающие форму социально-политических конфликтов и откры-

тых вооруженных противостояний. Как тут не вспомнить войны, которые постоянно вели между собой указанные города-государства? Однако даже знаменитую «Историю Пелопонесской войны» Фукидида Букчин объявляет «непогрешимо мирской и натуралистической»²⁶, т. е. свободной от мифологизации и чисто рационалистской. Явно «неприглядные» стороны греческой полисной системы, например рабовладельческий характер афинской демократии, автор частично оправдывает тем, что «в древнем мире рабства и деспотизма Афины были лучом света»²⁷. Иными словами, воспроизводимая социально-экономическая модель являлась наиболее прогрессивной на тот момент времени, несмотря на определенные недостатки. Как видим, здесь Букчин не так последователен в своих рассуждениях и по-прежнему игнорирует объективный характер экономической конкуренции. Хотя последняя прослеживается в полисный период более чем отчетливо.

Игнорирует он и проблему распределения и нехватки ресурсов, с которой неизбежно столкнется экологическое общество, считая ее надуманной на данном этапе развития человеческой цивилизации и легко преодолимой в условиях нового общественного и технологического уклада. А между тем этот вопрос имеет принципиальное значение. Без глобального перераспределения ресурсов построить «зеленое» общество, очевидно, невозможно. Причем данный процесс, несомненно, будет сопровождаться обострением социально-политических противоречий, которые существенно увеличивают вероятность реставрации прежней системы отношений, возможно даже в еще более реакционных формах. Вместо учета этого фактора американский профессор ограничивается заверением, что указанный переход будет носить мягкий и эволюционный характер, т. е. соответствует естественному ходу вещей.

²⁶Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему. С. 95.

²⁷Там же. С. 160.

И наконец, находясь под сильным влиянием троцкизма и анархизма, Букчин игнорирует тот факт, что для успешного завершения «третья революция» должна проходить одновременно и повсеместно. В противном случае, как показывал опыт аналогичных движений, рассмотренных американским профессором в главной его работе, все закончится неизбежным вырождением и неминуемым поражением по причине все той же конкуренции.

Так можно ли считать проект Букчина утопией?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что среди основных признаков описываемого явления неизменно присутствуют абстрактность идей, нередко противоречащих текущим условиям, вера в предопределенность и отрицание конфликтов [9, с. 3–4]. Следовательно, мы приходим к однозначному выводу –

несмотря на все апелляции к рационализму, в концепции Букчина наличествуют все указанные признаки, что не позволяет признать его проект реализуемым на данном этапе мирового социально-экономического развития.

Примечательно, что сама концепция была сформулирована в 1960-е годы, когда, по мнению ее автора, уже назрели все предпосылки для «мягкого перехода». Однако по прошествии более чем полувека мы не только не наблюдаем ожидаемых революционных изменений, но и, как говорилось выше, даже не видим существенных подвижек в этом направлении.

Таким образом, несмотря на высокую степень проработанности и оригинальности указанной социально-философской концепции, проект общественного устройства Мюррея Букчина можно с полным основанием назвать утопическим.

Список литературы

1. Чернышов Ю.Г. Гесиод и Овидий: опыт источниковедческого анализа античных описаний «золотого века» // Источниковедческие проблемы всеобщей истории. Караганда, 1991. С. 15–35.
2. Шевцова Д.П. Мифологема «Потерянный рай» в культурах дохристианской Европы // Достижения вуз. науки. 2016. № 21. С. 38–43.
3. Токарев Д.А. Христианская идея спасения как особенность сотериологического варианта преодоления страдания // Междунар. науч.-исслед. журн. 2020. № 8-3(98). С. 113–115. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.98.8.091>
4. Маркс К. Капитал. Т. 3. М.: АСТ, 2001. 1976 с.
5. Розенберг Г.С., Розенберг А.Г., Иванов М.Н. Социальная экология М. Букчина – элемент устойчивого развития? Bookchin M. Social Ecology and Communalism / ed. by E. Eigliad. – Edinburgh et al.: AK Press, 2007. – 136 p. // Самар. Лука: проблемы регион. и глоб. экологии. 2012. Т. 21, № 1. С. 176–183.
6. Рахманинова М.Д. Социальная экология Мюррея Букчина в контексте современности: основные проблемы и векторы // Руниверс. Логосфера. 2013. 9 марта. URL: <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/459417/> (дата обращения: 03.07.2023).
7. Biehl J. Bookchin's Libertarian Municipalism // Rev. Cadernos de Campo. 2019. № 26. P. 63–78.
8. Масычев П.В. Социальная теория либертарного муниципализма Мюррея Букчина: краткий очерк // Науч. отражение. 2018. № 3(13). С. 51–53.
9. Тарасова Т.А. Утопия как политическая и правовая конструкция общества и государства // Электрон. науч. журн. «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5, № 1(17). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/tarasova_ta_17_1_02.pdf?ysclid=lp5mjt4c2r249623979/ (дата обращения: 03.07.2023).

References

1. Chernyshov Yu.G. Gesiod i Ovidiy: opyt istochnikovedcheskogo analiza antichnykh opisaniy “zolotogo veka” [Hesiod and Ovid: A Source Study Analysis of Ancient Descriptions of the “Golden Age”]. *Istochnikovedcheskie problemy vseobshchey istorii* [Source Study Issues of World History]. Karaganda, 1991, pp. 15–35.

2. Shevtsova D.P. Mifologema “Poteryanny ray” v kul’turakh dokhristianskoy Evropy [The “Paradise Lost” Mythologeme in the Cultures of Pre-Christian Europe]. *Dostizheniya vuzovskoy nauki*, 2016, no. 21, pp. 38–43.

3. Tokarev D.A. Khristianskaya ideya spaseniya kak osobennost’ soteriologicheskogo varianta preodoleniya stradaneya [The Christian Idea of Salvation as a Feature of the Soteriological Variant to Overcome Suffering]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel’skiy zhurnal*, 2020, no. 8-3, pp. 113–115. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.98.8.091>

4. Marx K. *Capital*. Vol. 3. Moscow, 2001. 1976 p. (in Russ.).

5. Rozenberg G.S., Rozenberg A.G., Ivanov M.N. Sotsial’naya ekologiya M. Bukchina – element ustoychivogo razvitiya? Bookchin M. Social Ecology and Communalism. Ed. by E. Eiglad. – Edinburgh et al.: AK Press, 2007. – 136 p. [M. Bookchin’s Social Ecology: An Element of Sustainable Development? Bookchin M. *Social Ecology and Communalism*. Edinburgh, 2007. 136 p.]. *Samarskaya Luka: problemy regional’noy i global’noy ekologii*, 2012, vol. 21, no. 1, pp. 176–183.

6. Rakhmaninova M.D. Sotsial’naya ekologiya Myurreya Bukchina v kontekste sovremennosti: osnovnye problemy i vektory [Murray Bookchin’s Social Ecology in the Modern Context: Key Problems and Vectors]. *Runivers. Logosfera*, 9 March 2013. Available at: <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/459417/> (accessed: 3 July 2023).

7. Biehl J. Bookchin’s Libertarian Municipalism. *Rev. Cadernos de Campo*, 2019, no. 26, pp. 63–78.

8. Masychev P.V. Sotsial’naya teoriya libertarnogo munitsipalizma Myurreya Bukchina: kratkiy ocherk [The Social Theory of Liberyary Municipalism of Murray Bookchin: A Brief Overview]. *Nauchnoe otrazhenie*, 2018, no. 3, pp. 51–53.

9. Tarasova T. A. Utopia as a Political and Legal Model of Society and of the State. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal “Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo”*, 2017, vol. 5, no. 1. Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/tarasova_ta_17_1_02.pdf?ysclid=lp5mjt4c2r249623979/ (accessed: 3 July 2023) (in Russ.).

Информация об авторе

А.А. Шумаков – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тульского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (адрес: 300000, г. Тула, просп. Ленина, д. 53Б).

Information about the author

Andrey A. Shumakov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Department of the Humanities and Socio-Economic Sciences, Tula Branch, Plekhanov Russian University of Economics (address: prosp. Lenina 53B, Tula, 300000, Russian Federation).

Поступила в редакцию 03.07.2023

Одобрена после рецензирования 13.12.2023

Принята к публикации 19.12.2023

Submitted 3 July 2023

Approved after reviewing 13 December 2023

Accepted for publication 19 December 2023

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 121–131.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 121–131.

Научная статья

УДК 165.41

DOI: 10.37482/2687-1505-V324

Социальный и ценностный смысл недоверия к гуманитарному знанию¹

Комаров Сергей Владимирович¹

Поросенков Сергей Владимирович²✉

^{1, 2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹e-mail: philos.perm@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>

²e-mail: svp53@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2331-8276>

Аннотация. В статье анализируется актуальная проблема роста недоверия к гуманитарному знанию. Она имеет значение как для субъектов, создающих, систематизирующих и транслирующих гуманитарное знание, так и для социальных субъектов, легитимность действий которых основывается на научном гуманитарном знании. Особо значима эта проблема для субъектов государственного управления и образовательной деятельности. Доверие к знанию характеризуется признанием его истинности в гносеологическом смысле и положительного значения в аксиологическом смысле. С этой точки зрения социальная обусловленность недоверия к гуманитарному знанию связана с социально-экономическими процессами, в результате которых возникает отчуждение, образующее объективную основу недоверия. Узкая профессионализация, порождаемая углублением разделения труда, техницизм, потребительство, приоритет информации и информационных технологий служат истоками недоверия к гуманитарному знанию как выражению истины. Конкретно это проявляется в отсутствии доверия между субъектами власти и носителями гуманитарного знания, между представителями технического и гуманитарного знания, между субъектами самого гуманитарного знания и в нарастающей недоверии общества к науке вообще. В целом интегральный социальный смысл роста недоверия к гуманитарному знанию заключается во все большем подчинении человека современным социотехническим системам, элементом которых он становится. Аксиологическая составляющая недоверия к гуманитарному знанию связана с ценностными смыслами. Во-первых, оно вынужденно включает мировоззренческие компоненты, что вызывает недоверие социальных субъектов, ориентирующихся на отличные или противоположные системы представлений. Во-вторых, гуманитарное знание по самой своей сути отражает плюралистичность («множественность») самого человеческого бытия. Поскольку социальные и ценностные детерминанты недоверия к гуманитарному знанию интенсифицируются в современном обществе, в статье сделан вывод об *объективности* этого процесса. Результаты исследования могут иметь положительное значение для практической и познавательной деятельности социальных субъектов, вовлеченных во взаимодействие, порождающее доверие и недоверие.

¹Данная статья является продолжением исследования, представленного авторами в: *Комаров С.В., Поросенков С.В. Социальное значение недоверия к гуманитарному знанию // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2023. № 1(471). С. 22–33.*

Ключевые слова: гуманитарное знание, доверие, недоверие, социальный смысл, ценностный смысл, объективное значение.

Для цитирования: Комаров, С. В. Социальный и ценностный смысл недоверия к гуманитарному знанию / С. В. Комаров, С. В. Поросенков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 121-131. – DOI: 10.37482/2687-1505-V324.

Original article

Social and Value Meaning of the Distrust in Humanities Knowledge

Sergey V. Komarov¹

Sergey V. Porosenkov²✉

^{1,2}Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

¹e-mail: philos.perm@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>

²e-mail: svp53@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2331-8276>

Abstract. This article analyses the urgent issue of the growing distrust of humanities knowledge. This problem is important both for those who create, systematize and broadcast humanities knowledge and for social actors whose legitimacy of actions is based on humanities knowledge. Moreover, this issue is of particular significance to those involved in public administration and education. Trust in knowledge is characterized by the recognition of its truth in the epistemological sense and of its positive meaning in the axiological sense. From this point of view, the social distrust of humanities knowledge can be explained by the socio-economic processes that generate alienation, which forms an objective basis for distrust. Narrow specialization due to the deepening division of labour, as well as technicism, consumerism and the priority of information and information technology give rise to the distrust in humanities knowledge as an expression of truth. Specifically, this is manifested in the lack of trust between wielders of power and bearers of humanities knowledge, between representatives of technical and humanities knowledge, and between actors of humanities knowledge itself, as well as in society's deepening distrust of scholarship in general. On the whole, the integral social meaning of the growing distrust in humanities knowledge lies in the increasing subordination of humans to modern sociotechnical systems, whose elements they are becoming. The axiological component of distrust of humanities knowledge is related to its value meanings. Firstly, humanities knowledge necessarily includes value components, which causes distrust among social actors who are guided by different or opposing ideas. Secondly, humanities knowledge is inherently pluralistic, reflecting the manifoldness of human existence. Since the social and value determinants of distrust in humanities knowledge are intensifying in modern society, the article concludes that this process is objective. The results of the study may have a positive impact on the practical and cognitive activities of social actors involved in interaction causing trust and distrust.

Keywords: humanities knowledge, trust, mistrust, social meaning, value meaning, objective meaning.

For citation: Komarov S.V., Porosenkov S.V. Social and Value Meaning of the Distrust in Humanities Knowledge. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 121–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V324

Духовная сфера жизни общества всегда включала динамику доверия и недоверия к людям, социальным институтам, социальным общностям, тем ли иным социальным субъектам, явлениям культуры и знаниям. Стабильность общества возможна при определенном уровне доверия, а нестабильность и значительные изменения становятся следствием роста недоверия. Историчность динамики доверия и недоверия в социальном, психологическом, аксиологическом аспектах проявляется в процессе усложнения социальных отношений, дифференциации социальных институтов, развития философской и научной рефлексии в духовной сфере жизни общества. Действие принципа антропоцентризма в мировоззрении, объективный рост значения науки, техники, технологий обусловили все большую определенность динамики этих феноменов, когда в структуре социальных отношений, ценностных взглядах человека к действительности обнаруживается действие особых психологических переживаний, через призму которых общество в целом, социальные институты, те или иные социальные субъекты оцениваются положительно или отрицательно. Актуальность изучения доверия и недоверия обусловлена их усиливающимся значением в жизни социума. Рост интереса к *проблеме доверия* в обществе отмечен в работах И.В. Глушко, Н. Лукмана, Э. Селигмена, П. Штомпки и других исследователей.

Проблема недоверия к гуманитарному знанию – одна из граней общего взаимодействия процессов доверия и недоверия в обществе. Выяснение социальной и ценностной обусловленности недоверия к гуманитарным наукам и вместе с тем интегрального смысла всех его проявлений имеет существенное значение как для субъектов, формирующих, транслирующих, рационализирующих гуманитарные знания, так и для философского осмысления развития этих знаний в соотношении с тем, что они отражают и вместе с тем регулируют.

Доверие к знанию характеризуется признанием его истинности в гносеологическом и положительного значения в аксиологическом

смысле. В психологическом смысле доверие как содержательная сторона веры включает совокупность положительных чувств, переживаний относительно объекта веры [1, с. 16, 28], а недоверие – отрицательных. Соответственно этим градациям взаимодействие данных феноменов может изучаться в *гносеологическом, аксиологическом и психологическом* аспектах. Когда же речь идет о воздействии указанного процесса на общественные отношения, то можно говорить о социальном доверии и недоверии. Гуманитарное знание в его рефлексивной или нерефлексивной форме, научном или обыденном выражении включается в динамику доверия и недоверия как в гносеологическом, аксиологическом, психологическом, так и в *социальном* смысле. Гуманитарные знания как знания о человеке, являющемся субъектом общественных отношений и деятельности, содержат социальное и личностное значение и ориентируют социальных субъектов в различных сферах жизни. Поэтому недоверие к этим знаниям становится формой недоверия к обществу, социальным институтам, иным социальным субъектам.

В научной литературе имеются исследования различных форм недоверия к гуманитарному знанию. Разнообразие этих форм представлено в следующих аспектах.

Во-первых, в институциональном аспекте, как отношения «по вертикали» – между субъектами государственного управления и субъектами гуманитарного образования и гуманитарного знания. Например, при сравнении этих процессов в России и Японии исследователи отмечают, что «в России два десятилетия идет реформа науки и образования, где гуманитарные науки наиболее страдают» [2, с. 22]. А в таком стратегически важном документе Российской Федерации, как «Приоритетные направления развития науки, технологии и техники» (2011), о гуманитарных науках не упоминается вообще. В Японии после 2015 года «министерство образования, спорта, туризма, науки и техники неожиданно объявило о намерении радикально редуцировать или вовсе закрыть за ненадобно-

стью факультеты гуманитарных наук в вузах страны» [3, с. 65]. Это предложение правительства страны выражено в условиях крайней минимизации гуманитарной составляющей в системе образования: «Сегодня в Японии по официальной статистике 174 университета предлагают по одной (!) магистерской программе в какой-то из гуманитарных наук» [3, с. 64]. Такое отношение к значимости гуманитарного знания в обществе можно наблюдать практически во всех развитых странах.

Во-вторых, недоверие «по горизонтали» – между самими субъектами систематизированного гуманитарного знания. Многие исследователи отмечают наличие недоверия между научными институтами разной гуманитарной направленности, между академическими институтами и вузами, а также между самими вузами. Данное обстоятельство создает условия недоверия и к производимому ими гуманитарному знанию, а в ходе конкурентной борьбы между отдельными учреждениями подобное недоверие обостряется. Это не только недоверие к другим формам гуманитарного знания (противоречие между философами и экономистами, филологами и лингвистами, социологами и философами и т. д.), но и недоверие и противоречие между научными школами внутри одной области, вплоть до отрицания их «научности». Г.Е. Зборовский полагает, что «в целом в системе высшего образования и подавляющем большинстве конкретных вузов между субъектами высшей школы доминирует отношение недоверия» [4, с. 16]. Такое недоверие непосредственно проявляется в широко распространенной практике повторного обсуждения и повторной рекомендации к защите квалификационных работ гуманитариев на профильных кафедрах вузов, где открыты соответствующие диссертационные советы. То есть исследования, рекомендованные к защите в других вузах, часто до рассмотрения диссертационным советом отправляются на новое обсуждение для получения рекомендации к защите от «своей» кафедры, которой доверяют члены диссовета. И эта практика свидетельствует о том, что «не

своим» отказано в доверии, несмотря на соблюдение всех критериев и требований.

В-третьих, недоверие к гуманитарному знанию с позиций негуманитарных наук. В современных зарубежных источниках представлен подход, определяющий смысл недоверия к гуманитарному знанию, которое в своем развитии все более удаляется от соответствия основному критерию науки, а именно объективности. Ю. Привалов, М. Ожован, М. Лощинин, сопоставляя в широком спектре параметров естественнонаучное и гуманитарное знание, делают вывод о том, что, «объявив об универсальности своей отрасли знания и поверив в эту уникальность, гуманитарии утратили интерес к объективности, у них не выработался вкус к поиску объективных размерных параметров и констант, а также их связи в аналитических соотношениях. Подчеркнем: курс на объективность знания – важнейшая методологическая установка, не признанная гуманитариями» [5, с. 197]. Да, реализация установки на объективность гуманитарного знания – необходимое условие доверия к нему. Но если достижение объективности ставится под сомнение, то и доверие к собственным результатам исследований становится проблемой: «Гуманитарии не уверены в каждом своем принципиальном утверждении» [5, с. 179]. Отсюда все возрастающий скепсис не только относительно «научности» гуманитарного знания. Рост недоверия к гуманитарному знанию проявляется и в отношении к преподавателям гуманитарных дисциплин негуманитарных вузов. А.С. Соколов и Л.В. Южакова констатируют, что «среди ряда специалистов существует мнение, что преподаватели гуманитарных дисциплин – это своего рода помеха в подготовке квалифицированных специалистов» [6, с. 20].

Поскольку гуманитарное знание не укладывается в жесткие «лекала» точности естественнонаучного и математического знания, то ему отказывают в значимости и полезности для общества в целом. При этом следует отметить, что сами представители технических и естественнонаучных дисциплин в современных

условиях выступают в роли «технократов», т. е. носителей социогуманитарного мировоззрения определенного типа [7, с. 23–28]. Иначе говоря, подвергая гуманитарное знание недоверию, они сами выступают носителями такого знания, пусть и в латентной, превращенной и ущербной форме [8, с. 5].

В-четвертых, более широкий контекст роста недоверия к науке в современном обществе в целом. П. Штомпка, тщательно анализируя динамику доверия и недоверия в различных сферах общественной жизни, приходит к выводу, что «в настоящее время доверие в науке необходимо более чем когда-либо, но мы наблюдаем зарождающееся недоверие к этой области жизни, разочарование в ней широкой общественности» [9, с. 391].

Проявлениями недоверия к гуманитарному знанию выступают многочисленные и разнообразные указания на его бесполезность, невозможность оценки в монетарном эквиваленте, поверхностность и плюрализм, отсутствие общего теоретического или ценностного основания. Так, М. Фуко в рамках методологии структурализма отмечает, что существует «непреодолимое впечатление расплывчатости, неточности, неопределенности, которое производят почти все гуманитарные науки» [10, с. 374]. Правда, этот философ, считая антропологизацию «самой большой внутренней опасностью знания» [10, с. 368], тщательно обосновывает позитивность гуманитарных наук в их историческом развитии. Но есть более жесткие оценки гуманитарного знания. С позиции классической научной рациональности, опирающейся на объективную истинность, однозначное соответствие знаний познаваемой предметной области, наличие единой методологии, практической применимости и проверяемости знаний, исследователи выражают глубокое недоверие к гуманитарному знанию. Примером такого рода оценок могут быть высказывания Г.В. Суворова, который называет некоторые гуманитарные науки «пустым говорением», «софистикой», «литературщиной» и полагает, что «гуманитарные теории являются со-

вершенно не эффективными как в технологическом, так и в теоретическом аспектах» [11, с. 159].

Все отмеченные формы недоверия к гуманитарному знанию многообразны в силу множества культурных различий социальных, этнических, религиозных общностей, что прямо или опосредованно воздействует на рациональные, систематизированные формы знаний о человеке, труде, языке, психике, нормах и ценностях. Какой же критерий является определяющим в формировании недоверия к гуманитарному знанию в современном обществе? Какие социальные детерминанты «задают» четыре вышеуказанные формы недоверия?

В первую очередь следует отметить воплощение принципа частной собственности и многообразных форм эксплуатации и конкуренции в социально-экономической структуре развитых стран. Процессы отчуждения и самоотчуждения служат фундаментальной онтологической и социально-психологической характеристикой социальных отношений этих обществ. Именно отчуждение становится фундаментальной основой социального недоверия. Философское обоснование этого тезиса представлено в работах И.В. Глушко, которая приходит к выводу о том, что «отчуждение является наиболее значимой историко-культурной детерминантой, формирующей основание недоверия как ментальной установки» [12, с. 18].

Процессы интенсивного разделения труда определяют приоритетное значение узкопрофессиональных знаний, и на фоне этой тенденции гуманитарные знания с их отсроченной во времени и неочевидной полезностью теряют положительное значение и вызывают недоверие. А. Каймулдина, исследуя процессы гуманитаризации высшей технической школы США, отмечает, что «профессионализация высшего образования привела к увеличению узкопрактических дисциплин в ущерб социально-гуманитарному образованию... Постоянно повышающиеся требования к профессиональным знаниям, которые жестко отстаивает

рынок, сегодня вступили в конкуренцию с общегуманитарной подготовкой специалиста, направленной на его развитие как личности» [13, с. 275]. На этом фоне растет востребованность манипулятивных гуманитарных знаний, которые отвечают особенностям специализированных сфер общественной жизни, конкретным видам деятельности и соответствующим потребностям, интересам, ценностным ориентациям социальных субъектов. О.В. Воробьева, И.В. Глушко, А. Каймулдина и другие авторы, фиксируя общемировую тенденцию ориентации на узкопрофессиональную подготовку специалистов, отмечают все большее доминирование в гуманитарном знании его манипулятивной составляющей, т. е. различного рода психологических тренингов, политтехнологий и т. п. Например, известно интенсивное развитие в последние десятилетия разделов так называемой прикладной этики, ориентированных на решение технических и организационных задач [14, с. 108–122]. В самих по себе тренингах, игровых методах усвоения знаний или прикладной этике нет ничего плохого, но в современных условиях подобные формы часто замещают освоение фундаментального гуманитарного знания. И в связи с этим знание, которое ориентировано на интегральный, личностный смысл, символы культуры, исходные ценности, становится менее востребованным.

Следующей социальной детерминантой, обуславливающей недоверие современного общества к гуманитарному знанию в целом, является формирование потребительства как сложного социального, психологического и мировоззренческого комплекса, определяющего поведение современного человека [15, с. 2]. Резкий рост сферы услуг, развитие технологий маркетинга, рекламы и формирования спроса, активное культивирование личности потребителя ведет к потребительскому отношению к знаниям. Стандартные формы потребительского поведения вытесняют идеалы гармонич-

ческого развития. Для современного человека, ориентированного на стандартизированные и массовые способы поведения, выражения и удовлетворения своих потребностей, сложные формы сознания и поведения становятся неприемлемыми [15, с. 4]. Для такого индивида гуманитарные знания не соответствуют его ценностным потребительским установкам, становятся пустым словесным потоком («гулом»)².

Еще одной причиной понижения статуса и формирования недоверия к гуманитарному знанию является распространение информационных технологий. Многими исследователями современное общество характеризуется как «информационное». В таком обществе технические знания, информационные технологии обретают особый статус и могут быть основой оценки любых знаний, в т. ч. и гуманитарных. Кроме того, в современном социуме информация является фундаментальной ценностью, а гуманитарные знания, в т. ч. научные, становятся элементом информационных потоков. В этом случае в процессе файлового, фрагментарного потребления они оторваны от своих смысловых полей, ценностных ориентиров и символов культуры, исторических традиций, способов их получения, включая разнообразные научные методологии. Когда знания о психике, морали, религии, формах искусства, педагогике, т. е. вообще любые гуманитарные знания, оказываются элементом информационных потоков, кодируются «в цифре», то именно в таком виде они отражаются в файловом мышлении. В этом случае машинное или цифровое раскодирование содержания знания принимается за само знание – вне его смыслового и культурного контекста. Точнее, сама ситуация раскодирования является смысловым контекстом такого знания, которое, строго говоря, становится теперь не знанием, а информацией. Поскольку раскодирование или разархивирование знания зависит от машинного кода, то именно машина теперь задает смысловой контекст – вплоть до его понимания и интерпретации [16, с. 350]. Так, например,

²Уэльбек М. Реплики 2020. М.: АСТ Corpus, 2023. С. 302.

задавая различные коды извлечения знания, мы получим разные его интерпретации [17, с. 96–97]. В этом случае доверие или недоверие к данному знанию зависит от случайных субъективных, ситуативных и преходящих факторов. Ориентация на информацию как фундаментальную ценность и плюралистическая, фрагментарная форма представления гуманитарных знаний в информационных потоках ведут к росту тенденции реинтерпретации символов культуры в знаки, а соответствующих символам смыслов религии, морали, искусства, философии – в объясняемые значения, лишённые качества личностного понимания со стороны потребителя информации.

Названные социальные детерминанты недоверия к гуманитарному знанию можно интегрировать в общий социальный смысл подчинения человека социотехническим системам. Индивид становится только элементом таких систем, который определен общими требованиями, его собственный личностный смысл сводится к данным требованиям [15, с. 28–29]. Соответственно, гуманитарные знания, транслирующие символы и ценности, идеалы и нормы прошлых культур, направленные на развитие личностного смысла, теряют свое значение. Они вызывают недоверие социальных субъектов, будь то государство или работодатель, субъекты образования или субъекты производственных и информационно-технологических систем. Индустриальное общество уже в свое время обозначило развитие этих процессов, а мыслители-экзистенциалисты в различных аспектах показали тенденции подчинения человека социотехническим системам, что влечет за собой утрату смысла бытия, формирует неподлинное существование, которое в своей сущности с других методологических позиций определяется как рост отчуждения. Так, П. Тиллих, выражая тревогу утраты смысла, полагал, что система конечных вещей подчинила себе своего создателя. Поэтому ценности и смысл культуры стали терять значение, а гуманитарные знания, основанные на этих ценностях и смыслах, все менее востребованы.

М. Хайдеггер посчитал, что техника как «постав» превращает природу, ландшафт и само бытие человека в простое наличное пребывание (подручное), которое утрачивает смысл именно присутствия («пойэсиса»). А.Ж. Маритен полагал, что яд научной рациональности отравил европейскую культуру и знание вытесняет мудрость, которая создает и культивирует интегральный смысл всего существующего, включая и тот человеческий опыт, который образуется вне научного познания. В конечном счете недоверие к гуманитарному знанию оборачивается утратой смысла самой жизни человека [18, с. 30–31].

Социальный смысл недоверия к гуманитарному знанию включает и ценностные компоненты. В современном обществе это может выражаться в двух взаимосвязанных аспектах: во-первых, в аспекте связи гуманитарных знаний с ценностными позициями различных общностей людей и проявления этих позиций в оценке гуманитарных знаний [19, с. 29]; во-вторых, в аспекте взаимодействия процессов глобализации и регионализации, которые ведут к обособлению социальных субъектов, противопоставляющих нивелирующему воздействию глобализации обостренные формы этнической, религиозной, культурной самоидентификации [20, с. 14–15]. Рефлексия же относительно ценностных систем в формировании, систематизации и практического применения знаний осуществляется в научном гуманитарном познании.

Еще в период становления собственной методологии гуманитарных наук Г. Риккерт, В. Виндельбанд, В. Дильтей в качестве существенного признака гуманитарного знания определили связь с ценностями, неотрывность содержания такого знания от системы ценностей. Несмотря на сохранившуюся в гуманитарных науках линию применения естественнонаучной методологии, количественного, формально-логического инструментария, все более разнообразные знания о человеке значительную долю смысловой определенности получают от апеллирования к ценностям, ценностным системам, сформировавшимся в различных обществах, регулирующим отношения и деятельность людей,

функционирование социальных институтов, задающим направленность познания человека и общества.

Доверие или недоверие к гуманитарному знанию, будучи обусловленным социальными процессами, вместе с тем содержит действие этих ценностных детерминант. В аксиологическом аспекте наличие различающихся ценностных позиций социальных субъектов и субъектов систематизированного гуманитарного познания создает предпосылки того, что ценностное различие в содержании гуманитарного знания становится источником недоверия к некоторым компонентам этого знания. А плюрализм в аспектах множественности методологий, теорий, не имеющих общепризнанной философской основы (поскольку и философия чрезвычайно плюралистична), ведет к тому, что различия ценностных позиций формируют недоверие одних субъектов гуманитарного знания к другим, выражающим, транслирующим иную мировоззренческую позицию. Когда А. Маслоу и Г. Олпорт в знаменитом манифесте гуманистической психологии обвинили бихевиоризм и психоанализ в клевете на человека, то они не только выразили недоверие к определенной методологии познания его психики, но и исходили из иной ценностной позиции, определяющей смысл познания психики человека, отличной от позиции творцов бихевиоризма и психоанализа.

Субъект гуманитарного познания, ориентированный на те или иные ценности и смыслы, вырабатывает знания, которые для него имеют глубокий интегральный смысл, определяющий понимание человека. Но если эти ценности и смысловые поля понимания не приняты, то гуманитарные знания кажутся пустым говорением. И данные различия не могут быть предопределены, т. к. нет единой теоретической основы гуманитарного познания и единых методологических, ценностных, теоретических образцов. В естественнонаучном познании такие образцы есть. Если в космологии представлены разнообразные геометрико-динамические модели Вселенной, то у этих моделей, при всех

их различиях, есть теоретическое основание в виде общей теории относительности. Например, для физики и всего естествознания столетиями образцом и теоретической основой познания были «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона. В научном гуманитарном знании таких образцов нет. А.А. Ивин, сравнивая естественные и гуманитарные науки, отмечает, что «область социальных и гуманитарных наук еще более разнообразна, чем область естественных наук. Идея отыскать научную дисциплину, которая могла бы служить образцом социально-гуманитарного познания, нереалистична» [21, с. 76].

Исходя из можно говорить и об обратном недоверии к естественнонаучному знанию, особенно имея в виду рост общего недоверия к науке в современном обществе. Вирусологам во время пандемии не доверяли ковид-диссиденты. Климатологам не верят противники зеленой энергетики. Часть верующих и священников не доверяют теории биологической эволюции. Недоверие к естественнонаучному знанию многообразно, однако оно существенно отличается от недоверия к гуманитарному знанию тем, что в самом содержании естественнонаучного знания элиминированы ценностные значения, и потому ценностные основания недоверия формируются и находятся вне этого знания, т. е. в обществе, культуре, традициях. Но недоверие к гуманитарному знанию включает аспект отрицания именно ценностного содержания этого знания.

Типичным представлением подобного отрицания является «парадокс вагонетки», где решение задачи определяется системами ценностей того, кто принимает решение. Но признаваемая плюралистичность таких решений становится аргументом в пользу того, что если «точного» решения и единственно верного варианта задачи быть не может, то ценностно-нагруженное гуманитарное знание вообще не рассматривается как знание [22, с. 100.].

Стремление выразить некоторый тотальный смысл того или иного гуманитарного знания на основе принятия исходных ценностей становится основой оценочных суждений.

Однако согласно давно провозглашенному принципу Юма они не являются истинными в смысле соответствия связи субъекта и предиката действительности. Поэтому такое стремление ведет к созданию и использованию терминов, значение которых можно понять только в контексте определенной ценностно-смысловой позиции. Если исходить из одной ценностной позиции, то всякая другая оказывается заведомо «ложной». И это обстоятельство становится источником явного или латентного недоверия к гуманитарному знанию. Так и получается, что «...при прочтении некоторых специальных работ по социально-гуманитарной тематике появляется устойчивое ощущение того, что гуманитарии специально выработали собственный “междисциплинарный” язык, который в лучшем случае понятен лишь немногим, иногда не понятен даже их почитателям. Некоторые понятия и термины гуманитарного знания, такие как “текст”, “дискурс”, “нарратив”, “сценарий”, или утрачивают свою актуальность, или, напротив, обретают чрезмерную экспансию,

вплоть до отождествления со всей культурой. Все это усиливает сомнение в научности гуманитарного знания, по крайней мере, заставляет воспринимать и трактовать некоторые гуманитарные теории в качестве “пустого говорения”, “софистики”, “литературщины»» [11, с. 159].

Это определение ценностных детерминант недоверия к гуманитарному знанию показывает его возрастание как *объективную тенденцию* развития современного общества. Как социальные, так и связанные с ними ценностные детерминанты недоверия к гуманитарному знанию будут сохраняться в обозримом будущем. Отсюда можно сделать вывод, что к проявлениям этого недоверия субъектам систематизированного, научного гуманитарного знания не следует относиться как к произвольным, субъективным явлениям, нужно видеть за ними объективный процесс. Понимание объективной обусловленности недоверия к гуманитарному знанию создает возможность рефлексии относительно смысла и содержания знаний о человеке.

Список литературы

1. Бакеева Е.В. Вера. Экзистенциально-феноменологический очерк: моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 192 с.
2. Бахитановский В.И. Прикладная этика как проектно-ориентированное знание (теория и опыт нового основания Ойкумены прикладной этики) // Этическая мысль. 2015. Т. 15, № 2. С. 108–122.
3. Долин А.А. Гуманитарное образование в Японии: невеликое в малом // История и современность. 2020. № 3(37). С. 63–94. <https://doi.org/10.30884/iis/2020.03.04>
4. Зборовский Г.Е. Ключевые проблемы доверия в высшем образовании: изучение и репрезентация // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2018. № 5(56). С. 17–25. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.56.5.002>
5. Привалов Ю., Ожован М., Лоцинин М. Как социологию и экономическое знание вернуть в семью объективных наук? Критика современного состояния гуманитарного знания. Ч. I // Eur. Res. Ser. A. 2020. Vol. 11, № 3. С. 159–208. <https://doi.org/10.13187/er.2020.3.159>
6. Соколов А.С., Южакова Л.В. Некоторые проблемы гуманитарного образования инженера // Высш. образование в России. 2009. № 4. С. 90–93.
7. Мясникова Т.А. Философские аспекты технократии в цифровом мире: дис. ... магистра филос. наук. М., 2023. 147 с.
8. Миронов А.В. Ценности технократизма // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2009. № 2. С. 5–12.
9. Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 445 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. СПб.: А-сacд, 1994. 405 с.

11. Суворов Г.В. Язык гуманитарного познания. О научности гуманитарных исследований // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2020 № 3(37). С. 156–161.
12. Глушко И.В. Доверие и недоверие как ментальные установки в российском обществе // Соц.-гуманит. знания. 2016. № 7. С. 15–20.
13. Каймулдина А. Особенности гуманитаризации высшей технической школы в США // Наука и новые технологии. 2010. № 4. С. 274–276.
14. Воробьева О.В. О проблемах и перспективах развития гуманитарного образования в России // Высш. образование в России. 2019. Т. 28, № 11. С. 22–33. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33>
15. Цимбал Е.А. Духовный мир и идентичность личности в обществе потребления // Философия права. 2017. № 4(38). С. 56–62.
16. Комаров С.В. Машина и время: счет, память и скорость // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2017. № 3(31). С. 341–351. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-3-341-351>
17. Евангели А. Формы времени и техногенная чувственность. Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. 272 с.
18. Хюбнер Б. Смысл в бессмысленное время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов: моногр. / пер. с нем. А.Б. Демидова. Минск: Экономпресс, 2006. 384 с.
19. Комаров С.В., Поросенков С.В. Социальное значение недоверия к гуманитарному знанию // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2023. № 1(471). С. 22–33.
20. Комаров С.В., Поросенков С.В. Проблема формирования субъекта глобальной деятельности // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2022. № 10(468). С. 13–23.
21. Ивин А.А. Современная философия науки. М.: Высш. шк., 2005. 592 с.
22. Эдмондс Д. Убили бы Вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 264 с.

References

1. Bakeeva E.V. *Vera. Ekzistentsial'no-fenomenologicheskij ocherk* [Faith: An Existential-Phenomenological Essay]. Yekaterinburg, 2022. 192 p.
2. Bakhtanovskiy V.I. Prikladnaya etika kak proektno-orientirovannoe znanie (teoriya i opyt novogo osvoeniya Oykumeny prikladnoy etiki) [Applied Ethics as a Project-Oriented Knowledge (Theory and Experience of New Mastering of Oecumene of Applied Ethics)]. *Eticheskaya mysl'*, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 108–122.
3. Dolin A.A. Gumanitarnoe obrazovanie v Yaponii: nevelikoe v malom [Humanities Education in Japan: The Small in the Minor]. *Istoriya i sovremennost'*, 2020, no. 3, pp. 63–94. <https://doi.org/10.30884/iis/2020.03.04>
4. Zborovskiy G.E. Klyuchevye problemy doveriya v vysshem obrazovanii: izuchenie i reprezentatsiya [Key Issues of Trust in Higher Education: Study and Interpretation]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, no. 5, pp. 17–25. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.56.5.002>
5. Privalov Yu., Ozhovan M., Loshchinin M. Kak sotsiologiyu i ekonomicheskoe znanie vernut' v sem'yu ob'ektivnykh nauk? Kritika sovremennoho sostoyaniya gumanitarnogo znaniya. Ch. I [How to Return the Sociology and Economics to the Family of Objective Sciences? Criticism of the Current State of Humanitarian Knowledge. Pt. I]. *Eur. Res. Ser. A*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 159–208. <https://doi.org/10.13187/er.2020.3.159>
6. Sokolov A.S., Yuzhakova L.V. Nekotorye problemy gumanitarnogo obrazovaniya inzhenera [Problems of Humanitarian Education of Future Engineers]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2009, no. 4, pp. 90–93.
7. Myasnikova T.A. *Filosofskie aspekty tekhnokratii v tsifrovom mire* [Philosophical Aspects of Technocracy in the Digital World: Diss.]. Moscow, 2023. 147 p.
8. Mironov A.V. Tsennosti tekhnokratizma [The Values of Technocracy]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Filosofiya*, 2009, no. 2, pp. 5–12.
9. Sztompka P. *Zaufanie. Fundament społeczeństwa*. Kraków, 2007. 424 p. (Russ. ed.: Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva*. Moscow, 2012. 445 p.).
10. Foucault M. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966, 405 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, 1994. 405 p.).

11. Suvorov G.V. Yazyk gumanitarnogo poznaniya. O nauchnosti gumanitarnykh issledovaniy [Language of Humanities. About the Science of Humanities Researches]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya*, 2020, no. 3, pp. 156–161.
12. Glushko I.V. Doverie i nedoverie kak mental'nye ustanovki v rossiyskom obshchestve [Trust and Distrust as a Mental Attitude in Russian Society]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2016, no. 7, pp. 15–20.
13. Kaymul'dina A. Osobennosti gumanitarizatsii vysshey tekhnicheskoy shkoly v SShA [Humanitarization of Higher Technical Education in the USA]. *Nauka i novye tekhnologii*, 2010, no. 4, pp. 274–276.
14. Vorobieva O.V. About Problems and Prospects of Humanities and Humanitarian Education in Russia. *High. Educ. Russ.*, 2019, vol. 28, no. 11, pp. 22–33 (in Russ.). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33>
15. Tsimbal E.A. Dukhovnyy mir i identichnost' lichnosti v obshchestve potrebleniya [Spiritual World and Identity of the Individual in a Consuming Society]. *Filosofiya prava*, 2017, no. 4, pp. 56–62.
16. Komarov S.V. Mashina i vremya: schet, pamyat' i skorost' [Machine and Time: Calculation, Memory and Speed]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2017, no. 3, pp. 341–351. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-3-341-351>
17. Evangeli A. *Formy vremeni i tekhnogennaya chuvstvennost'* [Forms of Time and Technogenic Sensuality]. Nizhny Novgorod, 2019. 272 p.
18. Hübner B. *Sinn in SINN-loser Zeit. Metaphysische Verrechnungen – eine Abrechnung*. Vienna, 2002. 368 p. (Russ. ed.: Khyubner B. *Smysl v bessmyslennoe vremya: metafizicheskie raschety, proschety i svedenie schetov*. Minsk, 2006. 384 p.).
19. Komarov S.V., Porosenkov S.V. The Social Significance of Distrust of Humanitarian Knowledge. *Bull. Chelyabinsk State Univ.*, 2023, no. 1, pp. 22–33 (in Russ.).
20. Komarov S.V., Porosenkov S.V. The Problem of Formation of the Subject of Global Activity. *Bull. Chelyabinsk State Univ.*, 2022, no. 10, pp. 13–23 (in Russ.).
21. Ivin A.A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern Philosophy of Science]. Moscow, 2005. 592 p.
22. Edmonds D. *Would You Kill the Fat Man? The Trolley Problem and What Your Answer Tells Us About Right and Wrong*. Princeton, 2013. 240 p. (Russ. ed.: Edmonds D. *Ubili by Vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke: chto takoe khorosho i chto takoe plokho?* Moscow, 2019. 264 p.).

Информация об авторах

С.В. Комаров – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, декан философско-социологического факультета Пермского государственного национально-исследовательского университета (адрес: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15).

С.В. Поросенков – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Пермского государственного национально-исследовательского университета (адрес: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15).

Information about the authors

Sergey V. Komarov, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Philosophy Department, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University (address: ul. Bukireva 15, Perm, 614068, Russian Federation).

Sergey V. Porosenkov, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Philosophy Department, Perm State National Research University (address: ul. Bukireva 15, Perm, 614068, Russian Federation).

Поступила в редакцию 09.08.2023
Одобрена после рецензирования 15.12.2023
Принята к публикации 19.12.2023

Submitted 9 August 2023
Approved after reviewing 15 December 2023
Accepted for publication 19 December 2023

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 132–135.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 132–135.

Рецензия на книгу

УДК 81'42+81'246.2(049.32)

DOI: 10.37482/2687-1505-V327

Интерференция как движущая сила внутриязыковых процессов при формировании лингва франка

Рецензия на монографию: Саркисов Э.Э., Николаев С.Г. Межъязыковая интерференция в современном англо-испанском лингва франка (Spanglish). Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2023. 150 с. ISBN 978-5-9275-4423-3

Марина Николаевна Моргунова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

e-mail: mnmorgunova@sfedu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1861-5380>

Аннотация. Монография Э.Э. Саркисова и С.Г. Николаева посвящена изучению феномена межъязыковой интерференции в контактирующих языках, которая оказывает активное воздействие на структуру и содержание нового, гибридного образования, традиционно именуемого лингва франка. Объектом исследования в анализируемой работе избрано дискурсивное поле, в границах которого проявляется коммуникативное взаимодействие англо-испанских билингвов, общающихся на *Spanglish* как между собой, так и с другими билингвами и монолингвами в устной и письменной формах речевого выражения.

Ключевые слова: лингва франка, *Spanglish*, контактирующие языки, межъязыковая интерференция, языковая норма, билингвальные практики, коммуникативный домен.

Для цитирования: Моргунова, М. Н. Интерференция как движущая сила внутриязыковых процессов при формировании лингва франка / М. Н. Моргунова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 132-135. – DOI: 10.37482/2687-1505-V327.

Book review

Interference as a Driving Force for Intralingual Processes in Lingua Franca Formation

Review of the monograph: Sarkisov E.E., Nikolaev S.G. Cross-Language Interference in Modern English-Spanish Lingua Franca (Spanglish). Rostov-on-Don, 2023. 150 p. (in Russ.). ISBN 978-5-9275-4423-3

Marina N. Morgunova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation,

e-mail: mnmorgunova@sfedu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1861-5380>

Abstract. The monograph by E.E. Sarkisov and S.G. Nikolaev investigates the phenomenon of cross-language interference found in languages in contact, which actively influences the structure and content of the new, hybrid entity traditionally called *lingua franca*. The object of research in this monograph is the discourse field within which English-Spanish bilinguals communicate both with each other and with other bilinguals and monolinguals using Spanglish through the spoken and written word.

Keywords: *lingua franca, Spanglish, languages in contact, cross-language interference, language norm, bilingual practices, communicative domain.*

For citation: Morgunova M.N. Interference as a Driving Force for Intralingual Processes in Lingua Franca Formation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 132–135. DOI: 10.37482/2687-1505-V327

Сегодня – возможно, как никогда раньше – востребованными становятся фундаментальные исследования не столько языка (в целом, как важнейшего инструмента в системе средств коммуникации, но также и конкретно, как культурного кода нации), сколько языков в их взаимодействии, взаимовлиянии, контактах, смешениях. Отсюда повышенный интерес ученых к гибридным образованиям, которые формируются в результате длительных и устойчивых билингвальных практик в едином социуме и по сложившейся традиции именуется лингва франка. Подобно пиджинам и креольским языкам, лингва франка обычно относят к контактным идиомам, которые, в отличие от пиджинов и креольских языков, обладают сложной грамматической системой, имеют развитый, «подвижный» лексический состав, вариативную («территориальную») фонетику. Примером классического лингва франка второй половины XX – начала XXI века можно считать английский язык: именно он функционирует практически во всех регионах земного шара, обнаруживая в себе (в разных пропорциях) черты «чистого английского» и контактирующих с ним языков – китайского, французского, русского и т. п. Результат – новые, стихийно возникающие идиомы

типа Chinglish, Frenghish, Rusghlish. В обозначенный ряд в качестве одного из наиболее известных лингва франка входит Spanglish (Spanish + English), широко представленный на территории обеих Америк в государствах Испания и Соединенных Штатах Америки.

Исследование ростовских ученых Э.Э. Саркисова и С.Г. Николаева проведено на стыке системноцентрического и антропоцентрического подходов к феномену языка; в нем достаточно удачно сочетаются проблемы контактной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, лингвопрагматики. Книга посвящена изучению комплексной интерференционной специфики в Spanglish с учетом современных этнолингвистических и социокультурных условий, в которых он функционирует. По мысли авторов, интерференция пронизывает все языковые уровни с выходом на концептуальный. Она же оказывает скрытое влияние на картину мира говорящего сообщества и вполне может рассматриваться как фактор, активно воздействующий и на норму языка-объекта (испанского), и на норму субъекта (американского английского). Поэтому в задачи исследователей лингва франка закономерно входит выявление роли, места, значения нормы в становлении

подобных идиомов. При этом в оппозиции «язык – речь» акцентирован именно речевой аспект интерференции, поскольку «только через речь возможно понять суть тех изменений, которые вызывает в языке межъязыковая интерференция» (с. 38). В ходе лингво-когнитивного анализа четырех диафазических вариантов Spanglish – *lingua educatio*, *lingua cotidianus*, *lingua ars*, *lingua fictio* – рождается оригинальная авторская типология межъязыковой интерференции, складывающаяся из разновидностей, в основе выделения которых лежат параметры объема и глубины (интерференции). Это позволяет констатировать, что каждый из субвариантов обладает собственным, уникальным набором характеристик, определяющим его интерференциальную специфику.

В первой главе «Интенсификация языковых контактов как фактор возникновения идиомов типа Spanglish; сферы применения подобных идиомов» обсуждаются ключевые термины контактной лингвистики, послужившие важнейшими «скрепами» для всей работы. Это понятия билингвизма, межъязыковой интерференции, языковой нормы. Авторы монографии отталкиваются от идеи Л.В. Щербы (высказанной в известной работе «Языковая система и речевая деятельность») о том, что изучение взаимодействия языков бесплодно без обращения к двуязычию как психической проблеме, т. е. взаимодействию языков в сознании индивида. Фокусируясь на дискурсивном, речевом плане языковой интерференции, предлагая считать интерференцию в речи психическим процессом, а интерференцию в языке – социолингвистическим, Э.Э. Саркисов и С.Г. Николаев заключают: «При массовом двуязычии устойчивая интерференционная картина индивида воздействует на языковую систему в целом, а ее признаки могут стать частью языковой подсистемы. Одним из результатов подобного процесса может стать появление нового идиома» (с. 21). Под этим «новым идиомом», естественно, подразумевается лингва франка.

Во второй главе «Билингвальная ситуация как матрица для анализа межъязыковой интер-

ференции в Spanglish» базовые понятия билингвизма («сбалансированного», в первую очередь), переключения кодов, интерференции и нормы в языке рассматриваются сквозь призму различных аспектов речевого акта как единицы дискурса. Чрезвычайно интересна предложенная типология интерференции (четыре ее разновидности, с опорой на те же дифференциальные признаки объема и глубины). Такая типология, расширяющая границы теории межъязыковых контактов, несомненно, достойна дальнейшего детального критического осмысления и развития.

В третьей главе «Интерференциальная специфика разновидностей Spanglish в зависимости от социально-коммуникативных сфер» авторы приходят к интересному заключению о том, что сегодня англо-испанский лингва франка характеризуется масштабом охвата и проникновения в парадигму целого ряда доменов «живой» коммуникации, а это обуславливает различную степень следования норме в пределах разных доменов под воздействием экстралингвистических характеристик самих сфер деятельности. Данный раздел монографии насыщен специально отобранными фрагментами билингвального дискурса; все примеры показательны, красноречивы, снабжены переводами и комментариями. Отметим расширение понятийного инструментария работы: с должной опорой на феномен лакунарности достоверно разграничиваются мотивированные и немотивированные интерферемы дискурса.

В заключении Э.Э. Саркисов и С.Г. Николаев формулируют наиболее существенные положения исследования, особо подчеркивая ценность, востребованность, своевременность новых работ, направленных на изучение конвергенции языков, развития контактов между ними, ставших привычными и даже обыденными билингвальных коммуникативных практик: «Сегодня массовый билингвизм, хотя и обнаруживает сходство конфигураций в ситуациях общения с прежними эпохами, отличается от них по некоторым значимым признакам, которые требуют если не пересмотра, то постоянной актуализации знания, полученного и системати-

зированной ранее авторами фундаментальных трудов по теории языковых контактов» (с. 133).

К сожалению, мы не обнаружили в этом интересном, глубоком исследовании значимого прогностического компонента, который, с учетом масштабности проделанной работы и успешности в решении поставленных задач, был бы более чем уместен. Впрочем, выска-

занный комментарий должен восприниматься не как упрек, но как указание на одну из возможных перспектив дальнейшей работы над избранной темой – работы, которая, конечно, будет продолжена на еще более высоком теоретическом уровне с опорой на уже имеющиеся у авторов достижения и открытия, а также на новый и новейший эмпирический материал.

Информация об авторе

М.Н. Моргунова – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Южного федерального университета (адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42).

Information about the author

Marina N. Morgunova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of English Philology, Southern Federal University (address: ul. Bol'shaya Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation).

Поступила в редакцию 17.11.2023
Одобрена после рецензирования 31.01.2024
Принята к публикации 01.02.2024

Submitted 17 November 2023
Approved after reviewing 31 January 2024
Accepted for publication 1 February 2024

Шевченко О.К.

Русская идея для XXI века: всеединство, теургия, теократия

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 136–140.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 136–140.

Рецензия на книгу

УДК 13(049.32)

DOI: 10.37482/2687-1505-V328

Русская идея для XXI века: всеединство, теургия, теократия

Рецензия на книгу: Переход С.О. Метафизический аспект культурной идентификации русской цивилизации. Симферополь: Изд. дом КФУ, 2022. 202 с. ISBN: 978-5-6047624-6-2

Олег Константинович Шевченко

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялте, Ялта, Россия,

e-mail: skilur80@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1362-2875>

Аннотация. В актуальной монографии С.О. Перехода рассматриваются предельные (метафизические, сакральные, мифопоэтические) основания Русского мира. В статье анализируются философские, религиозные и культурологические приемы автора, помогающие глубже понять судьбу русской идеи в ближайшем будущем. Делается вывод о крайней востребованности данной книги для сегодняшнего дня. Рецензент рекомендует ее к прочтению как специалистам, так и людям, неравнодушным к судьбам России и Русского мира.

Ключевые слова: русская философия, Русский мир, русская цивилизация, евразийство, православная культура.

Для цитирования: Шевченко, О. К. Русская идея для XXI века: всеединство, теургия, теократия / О. К. Шевченко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 136-140. – DOI: 10.37482/2687-1505-V328.

Book review

The Russian Idea for the 21st Century: Unity, Theurgy, Theocracy

Review of the book: Perekhod S.O. Metaphysical Aspect of Cultural Identification of Russian Civilization. Simferopol, 2022. 202 p. (in Russ.). ISBN: 978-5-6047624-6-2

Oleg K. Shevchenko

Humanities and Teacher Training Academy (Branch) in Yalta, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta, Russian Federation,

e-mail: skilur80@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1362-2875>

Abstract. The timely monograph by S.O. Perekhod explores the ultimate (metaphysical, sacred, mythopoetic) grounds of the “Russian world”. The article analyses the author’s philosophical, religious and cultural techniques that help to understand the fate of the Russian idea in the near future. A conclusion is made about the extreme relevance of this monograph today. The book will be of interest to both specialists and those caring about the fate of Russia and the “Russian world”.

Keywords: *Russian philosophy, “Russian world”, Russian civilization, Eurasianism, Orthodox culture.*

For citation: Shevchenko O.K. The Russian Idea for the 21st Century: Unity, Theurgy, Theocracy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 136–140. DOI: 10.37482/2687-1505-V328

Проблема мозаичности восприятия реальности, трудности идентификации цельности в социальном измерении, т. е. всего того, что связывают с новым человеком, и виртуализации некогда незыблемых традиций, которые можно и нужно защищать [1, с. 198], как никогда актуальна в наше время. Усиливают проблематику стремительное развитие так называемых этических калькуляторов, создание больших научных центров, где этические теории, постулаты и нормы выводятся на уровень алгоритмической информатики [2, с. 26]. Эта «этическая информатика», внедряемая в бизнес, юриспруденцию, церковную жизнь и за рубежом, и в России, неизбежно вновь и вновь делает актуальным вопрос о предельных основаниях русской этики и эстетики, русского права и искусства, русской политики и экономики. Подобные вопросы немислимо решать без сведения их в поле социального измерения Русского мира, учета исторического времени и социального пространства нашей страны, которое значительно отличается от хронотопов Запада или социальных континуумов Центральной Азии. Следовательно, проблема русской социальной онтологии, предельных оснований социальности России, соприкасающаяся с православной метафизикой и выводящая проблематику за границы возможностей количественных единиц измерения, актуализируется в тотальном смысле.

Одним из вариантов замены мозаично-виртуальной стратегии созидания нового социума (как важнейшая задача создания «тела» нового мирового порядка), алгоритмизирования добра

и красоты как ключевых понятий социальной жизни в диапазоне от судебных процессов до наслаждения эстетическим может служить идея метафизического источника социальности, софийности и всеединства как способа осуществления социальных процессов. Таков исследовательский пафос и сокровенная идея рецензируемой нами книги крымского ученого.

Но есть и гражданский пафос. Ибо обращение Станислава Олеговича Перехода именно сейчас к метафизике русской идеи обусловлено не только сугубо академическими предпосылками, указанными выше. Автор является свидетелем жесточайшего цивилизационного столкновения, пожалуй, крупнейшего после XVII века, когда русская элита, очарованная польской эстетикой, сочла возможным изменить и православную, и русской идентичности, пригласив на престол польского королевича (имеются в виду события 1612 года). Тогда Россия и русский мир выстояли. Второй кризис – это печальные события 90-х годов XX века, когда, вновь очаровавшись эстетикой Запада, мы добровольно надели на себя ярмо «людей второго сорта», с обожанием смотрящих на «белых сахибов» из Лондона или Вашингтона. В настоящий момент мы пытаемся преодолеть этот кризис. Столкновение, борьба, яростные схватки идут не только на полях огненной украинской дуги от Харькова до Херсона, но и в наших сердцах, умах, застольных беседах и на академических мероприятиях. И главный вопрос, который там поднимается: а что такое, собственно, Россия? Что такое Русский мир и как это – быть русским?

С этнической или формально-юридической точки зрения тут проблем нет. Есть определенные гаплогруппы и этническое самосознание – ты русский. Есть паспорт гражданина Российской Федерации – ты россиянин. Но как быть с идеей? Как быть с той нематериальной, но оказывающей решающее влияние на политическую или социальную реальность силой, которая заставляет нас любить по-русски, жить по-русски, страдать по-русски, мечтать по-русски, даже если мы говорим по-украински, любим петь песни по-татарски и мечтаем пройти путем Будды? Для этого надо достигнуть предельных оснований проблемы, выйти на фронт вневремени и сверхпространства. Одним словом, иметь мужество помыслить онтологию Руси-России. Это является второй, можно сказать гражданской, подоплекой появления рецензируемой монографии.

В Новейшее время данным вопросом занимались разные авторы. Одни попробовали реанимировать проект «Православная цивилизация = Русское государство = Русская культура» [3], другие рискнули определить особый Логос Русского мира в его евразийской всеобщности [4], третьи решили найти ответ в истории русской философии [5]. С.О. Переход, книгу которого мы сейчас рецензируем, пошел по пути высшего синтеза, попытавшись гармонично объединить архивную историю, русскую философскую идею, православную интуицию, личный взгляд, более близкий художнику и поэту, нежели строгому академическому ученому. Это не первая попытка автора проникнуть за пределы сферы Русского мира в его очевидной материальной структуре. Ранее Станислав Олегович попробовал вскрыть герметичку метафизической пленки русской реальности, сделав ставку на идею всеединства как константу русскости в его разнообразных формах [6], и вот перед нами новый результат штурма онтологических твердынь.

Данная книга состоит из 6 разделов: «Очерк истории Восточнохристианской цивилизации» (с. 15–34); «Выведение формулы закона всеединства» (с. 35–47); «Русская Теургия как

вселенское явление» (с. 48–60); «Теократия как русский ответ на англо-саксонский социальный прагматизм» (с. 61–124). А вот пятая часть, к которой мы вернемся позднее, названа необычно и провокационно: «Крым в русском цивилизационном поле» (с. 125–148). И завершает книгу ее наиболее мифопоэтическая часть «Русская идея: история и современность» (с. 149–157).

Разделы книги наполнены развернутыми историко-философскими этюдами, в которых прослеживаются, согласно строгому принципу единства исторического и логического, все те выводы, которые Станислав Олегович расположил в 6-й части. Нередко автор ступает на зыбкую почву культурологических откровений и крайне смелых религиозно-мифологических обобщений. В качестве примера можно привести тезис о Крыме как сакральном центре русской идентичности, источнике православия (с. 140, 163). Данный тезис историк-позитивист оспорит достаточно легко, но автор монографии стремится не написать историко-образный труд, а свести воедино смутные ощущения, идеологемы, логические цепочки рассуждений, восприятия того, что есть Русский мир. В безбрежном море разнообразных течений, где религиозная откровенность соседствует с археологически доказуемой эмпирикой, данная точка зрения имеет право на существование. Ведь С.О. Переход описывает не «как было все на самом деле», а как миллионы людей это «на самом деле» воспринимают, живут с этим восприятием и жертвуют своей жизнью ради него.

Много времени автор уделяет русским философам, которые жили и творили в Крыму (с. 86–88, 125–148). На наш взгляд, большая влюбленность Станислава Олеговича в Крым, в родной для него Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского подталкивает его к некоторым преувеличениям, в частности к утверждению о том, что Крымская школа философии ведет начало с 1918 года. Но, с другой стороны, собранные им факты, строгое и последовательное изложение заставляют как минимум задуматься о корректности авторского вывода, а не отбросить его в сторону как безделицу. А это значит, что автор нащупал

важную, актуальную и перспективную тему, которая нуждается в дополнительном исследовании.

Важным является вывод автора о том, что «Русская цивилизация – это соединение наций, этноса, социальных групп и индивидов, объединенных аксиологическим каркасом» (с. 162). Все в этом определении необычно. В нем наряду со многими нациями соседствует один единственный этнос, наряду с социальными группами выделяются отдельные индивиды, а центром, ядром, «закваской» всего служит особый ценностный каркас, который Станислав Олегович с тщанием и прилежанием вырисовывает на всех страницах своей книги.

Есть и недостатки, которые мы не можем обойти молчанием. Так, например, автор книги допустил серьезную погрешность методологического характера. Выстраивая архитектуру доказательств и аргументации, он не считал возможным обратиться к проблеме мифа, например в формате мифологии русской идеи [7], что позволило бы ему значительно расширить гносеологический потенциал работы и найти новую эмпирику для разворачивания социальных коннотат именно Русского мира. Также отметим, что автор с восторгом обращается к русской го-

сударственности и праву (с. 162–166), но упускает социальность как таковую. Было бы уместно ввести параграф или как минимум посвятить несколько страниц развернутой аргументации жизнеустойчивой русской социальности в агрессивных условиях современности. Нескольких тезисов в монографии для этого слишком мало. А современная социальная философия в данном отношении уже накопила немалый опыт [8], который можно было бы легко инкорпорировать в смысловые структуры текста.

Но в любом случае, перед нами очень непростой, крайне многослойный и небанальный текст о Руси-России, русских, Русском мире, русской культуре и русской цивилизации. Это попытка выйти за грань все еще длящегося долгого XX века, это рывок в XXI век, который, вероятно, войдет в историю как русский век. С этим можно соглашаться или спорить, выступать апологетом или яростно критиковать, однако не получится после прочтения книги остаться равнодушным. В этом, пожалуй, состоит важнейшая заслуга С.О. Перехода, это главный аргумент в пользу того, чтобы все-таки прочитать данный текст и сделать для себя соответствующие выводы.

Список литературы

1. Подлесная М.А. Религиозная православная традиция и российская модернизация: эволюционное развитие или радикальные перемены? // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 5. С. 198–213. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.5.17>
2. Макулин А.В. Этический калькулятор: от философской «вычислительной морали» к машинной этике искусственных моральных агентов (ИМА) // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11(79). С. 18–27.
3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 541 с.
4. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос: [в 3 т.]. М.: Акад. проект, 2019.
5. Муза Д.Е. «С кем посоветоваться о первоценностях?»: историко-философские и культурологические исследования. Донецк: ДОНПРИНТ, 2021. 220 с.
6. Переход С.О. Идея всеединства в русской философии и духовной культуре. Симферополь: Изд-во ТНУ, 2005. 167 с.
7. Демин И.В. Социальная мифология русской идеи // Филос. дескрипты. 2022. № 26. С. 2.
8. Ненашева М.В., Макулин А.В. Социальная резилентность как ответ на глобальные вызовы современности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10(102). С. 29–33. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.10.3>

References

1. Podlesnaya M.A. Religioznaya pravoslavnaya traditsiya i rossiyskaya modernizatsiya: evolyutsionnoe razvitiye ili radikal'nye peremeny? [Religious Orthodox Tradition and Russian Modernization: An Evolutionary Development or Radical Changes?] *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2019, vol. 8, no. 5, pp. 198–213. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.5.17>
2. Makulin A.V. Eticheskiy kal'kulyator: ot filosofskoy “vychislitel'noy morali” k mashinnoy etike iskusstvennykh moral'nykh agentov (IMA) [Ethical Calculator: From Philosophical “Computational Morality” to Machine Ethics of Artificial Moral Agents (AMA)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2020, no. 11, pp. 18–27.
3. Panarin A.S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global'nom mire* [Orthodox Civilization in a Global World]. Moscow, 2003. 541 p.
4. Dugin A.G. *Noomakhia: voyny uma. Russkiy Logos* [Noomakhia: Wars of the Mind. Russian Logos]. Moscow, 2019.
5. Muza D.E. “S kem posovetovat'sya o pervotsennostyakh?”: istoriko-filosofskie i kul'turologicheskie issledovaniya [“Who to Consult with About Primary Values?”: Historical, Philosophical and Cultural Studies]. Donetsk, 2021. 220 p.
6. Perekhod S.O. *Ideya vseedinstva v russkoy filosofii i dukhovnoy kul'ture* [The Idea of Unity in Russian Philosophy and Spiritual Culture]. Simferopol, 2005. 167 p.
7. Demin I.V. Sotsial'naya mifologiya russkoy idei [Social Mythology of the Russian Idea]. *Filosofskie deskripty*, 2022, no. 26, p. 2.
8. Nenasheva M.V., Makulin A.V. Social Resilience as a Response to the Global Challenges of Our Time. *Soc. Philos. Hist. Cult.*, 2022, no. 10, pp. 29–33 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2022.10.3>

Информация об авторе

О.К. Шевченко – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялте (адрес: 298650, Республика Крым, г. Ялта, пгт Массандра, ул. Стахановская, д. 11).

Information about the author

Oleg K. Shevchenko, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of History and Philosophy, Humanities and Teacher Training Academy (Branch) in Yalta, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (address: ul. Stakhanovskaya 11, pgt Massandra, 298650, Yalta, Respublika Krym, Russian Federation).

Поступила в редакцию 28.10.2023
Одобрена после рецензирования 31.01.2024
Принята к публикации 01.02.2024

Submitted 28 October 2023
Approved after reviewing 31 January 2024
Accepted for publication 1 February 2024

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Агеева А.В., доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры европейских языков и культур Казанского (Приволжского) федерального университета;

Аржановская А.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики Волгоградского государственного университета;

Боднарук Е.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Волгин О.С., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры государственного управления Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Воронцова И.И., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

Иванова С.Ю., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Южный научный центр Российской академии наук» (г. Ростов-на-Дону);

Ильин А.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета;

Касаткина С.С., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета;

Киселева М.С., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека Института философии Российской академии наук (Москва);

Красноженова Е.Е., доктор исторических наук, доцент, профессор Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;

Лебедев Э.Е., кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник секции языкознания филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары);

Лутовинов В.И., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва);

Масленникова Е.М., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии Тверского государственного университета;

Михеева С.Л., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары);

Нагорная О.С., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского;

Романов В.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии, социологии и международных процессов Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

Сафрон Е.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии и скандинавистики Петрозаводского государственного университета;

Соловьева А.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Чеснокова О.С., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва);

Чудинов А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва);

Чупрына О.Г., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе Московского городского педагогического университета;

Шапаров А.Е., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Шелестюк Е.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета;

Шмелева О.Н., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Академии государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (Москва).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	<p>Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). <p>Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.</p>
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <p>– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59];</p> <p>в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961.</p> <p>– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.;</p> <p>в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.</p>
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.